

И крепость пала ★ М. ГРИГОРЕНКО

И крепость пала

**ИДЕТ АПРЕЛЬСКИМ ЛЕСОМ
ПОПОЛНЕНЬЕ,
ТУДА, ГДЕ СОБИРАЕТСЯ
В КУЛАК,
ПОСЛЕДНЕЕ ОТНЫНЕ
НАСТУПЛЕНЬЕ
НА КЕНИГСБЕРГ.**

М.Г. ГРИГОРЕНКО

И крепость пала

*Литературная запись
Олега
Павловского*

Калининградское книжное издательство
1989

63.3(2)722.13

Г 83

Художник *Н. Болдырева*

Григоренко М. Г.

Г 83

И крепость пала.../Лит. запись О. Павловского;
Худож. Н. Болдырева. — Калининград: Кн. изд-во,
1989. — 255 с.

Документальный рассказ о боевых действиях инженерных войск 11-й гвардейской армии во время Восточно-Прусской операции, об их роли в штурме Кенигсберга и Пиллау, о героизме и мужестве саперов.

Г 0503020600—037 04—89
М144(03)—89
ISBN 5—85500—045—1

63.3(2)722.13
© Калининградское книжное
издательство, 1989

Предисловие

В послевоенное время о войне написано очень много исторических, философских, художественных, мемуарных произведений. Но сколько бы о ней ни писали, немало фактов этой героической всенародной эпопеи останутся нераскрытыми, навсегда, возможно, обратившись в «белые пятна» на грандиозном историческом полотне под названием «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг».

До обидного мало написано, в частности, о боевых действиях, стойкости и героизме славных инженерных войск, обеспечивавших боевые действия всех видов Вооруженных Сил. При отходе саперы идут последними, преграждая наступление врага; при наступлении они всегда впереди: прокладывают своим войскам колонные пути, строят переправы и мосты через водные преграды, проделывают проходы для пехоты, артиллерии, танков в минных полях и других заграждениях, своих и врага. Недаром в войсках их называли тружениками войны. Мне, офицеру инженерных войск, занимавшему ответственные посты в действующей армии все 1418 дней и ночей, часто приходилось скрупулезно делить саперов

буквально по одному человеку между общевойсковыми, танковыми, артиллерийскими корпусами, дивизиями, бригадами. Сколько просьб, жалоб, недовольств и обид со стороны их командиров пришлось выдержать мне за то, что «обделил» саперами. Изредка наиболее воспитанные командиры благодарили. Но никогда и никто не выразил даже малейшего упрека в адрес саперов 11-й гвардейской армии. Они были всегда на высоте и мужественно выполняли свой патриотический и интернациональный долг.

И надо признаться, что в слабом освещении боевых дел и подвигов инженерных войск больше всех виноваты мы — инженерные начальники.

Помнится, приближалось лето 1944 года. 3-й Белорусский фронт в строжайшей секретности готовился к крупномасштабной операции по освобождению Белоруссии под кодовым названием «Багратион». На направлении главного удара Ставкой Верховного Главнокомандования предполагалось использовать 11-ю гвардейскую армию. В нее-то и прибыл тогда с инспекцией начальник штаба инженерных войск Красной Армии генерал-полковник инженерных войск Константин Степанович Назаров.

Начальником инженерных войск 11-й гвардейской армии был в то время полковник Николай Титович Держицкий, а я — начальником штаба.

Несколько дней К. С. Назаров тщательно и придирчиво осматривал оборонительные позиции наших корпусов и дивизий, инженерные сооружения, проверял боеготовность и материальную часть как штатных, так и приданных армии инженерных соединений и частей. Заметно было, что в целом состоянием дел в армии он остался доволен, хотя, разумеется, без отдельных замечаний не обошлось.

Перед отлетом в Москву Константин Степанович, который наряду со своими основными обязанностями редактировал «Военно-инженерный журнал» спросил нас:

— Почему вы ничего не пишете в свой журнал? За плечами у вас богатый военный опыт: и отступать приходилось, и наступать, и создавать разные виды обороны, готовить прорывы, так почему бы этим опытом не поделиться с товарищами по инженерному обеспечению войск, сражающихся на других фронтах? Польза от этого была бы обоюдная.

— Вы, конечно, правы, товарищ генерал-полковник, — ответил Держицкий, — но нам с полковником Григорен-

ко, чем статью написать, легче и проще самую сложную наступательную операцию разработать и провести.

— И не одну,— добавил я.

Начальник штаба инженерных войск Красной Армии недовольтно поморщился.

— Не согласен. Слишком вы завоевались, как я посмотрю. Опыт этой войны будет изучаться десятилетиями, и самыми важными документами при этом явятся те, что написаны участниками сражений по горячим следам происходящих событий. Так что, товарищи полковники, сейчас почти одинаково важны и наступательные операции, и статьи о их подготовке и проведении. Не хотелось бы в приказном порядке, но если...— Генерал-полковник улыбнулся, а мы, переглянувшись, дали обещание в ближайшее время написать и выслать в редакцию статьи о нашем боевом опыте по инженерному обеспечению армейской наступательной операции.

Это было, пожалуй, единственное в моей жизни такое ответственное обещание, которого я так и не выполнил. Оправдание этому — круговерт военных будней, которая не давала отвлечься ни на минуту, тем более что перед 11-й гвардейской армией постоянно ставились задачи особой сложности, начиная от прорыва обороны противника в районе Орши до штурма города и крепости Кенигсберга и морской крепости Пиллау. Все это требовало от каждого из нас всемерной сосредоточенности и полной отдачи. Ни на что другое времени не оставалось. А когда вспоминалось данное К. С. Назарову обещание, то думалось: вот закончится война, наступят спокойные мирные дни с тихими вечерами и тогда уж можно будет вспомнить, поразмышлять, проанализировать фронтовые будни и рассказать о них и о людях, тех тружениках войны, которые носят гордое имя — саперы.

Ни на йоту не умаляя великих заслуг в прошедшей войне пехотинцев, артиллеристов, танкистов, скажу, что вряд ли они смогли бы выполнить возложенные на них задачи без саперов, на чьи плечи, не всегда столь могучие и сильные, как многим кажется,— ведь инженерные части нередко комплектовались из «нестроевиков», чаще всего необученных молодых и пожилых людей,— выпадали весьма сложные и ответственные обязанности. В наступательных операциях саперы «открывали» всевозможного вида оборонительные вражеские «замки», подбирая только им ведомые ключи и ключики.

Всем известна поговорка о том, что сапер ошибается лишь один раз в жизни. Однако верна она по отношению к саперам, которые ведут минирование и разминирование полей. И у многих может сложиться впечатление, что саперы во время войны только с минами и имеют дело. Это далеко не так. Инженерным частям приходится, кроме минно-подрывных дел, выполнять десятки самых разнообразных сложных операций, без которых невозможно ведение боевых действий. Это и проведение инженерных разведок в тылу врага и непосредственно на передовой линии обороны противника, и сооружение различного рода переправ при форсировании водных преград, и сопровождение танков и самоходных установок, и постройка командных и наблюдательных пунктов для командующих войсками фронта, армии и командиров соединений и частей всех рангов. Да разве перечислишь все, чем приходится заниматься на войне саперу!

Я в большом, неоплатном долгу перед своими однополчанами, соратниками, с которыми вместе делили и радость, и горе целых почти четыре года. В послевоенный период ко мне обращались из разных городов страны офицеры, старшины, сержанты, солдаты с просьбой, а то и с настойчивым требованием написать воспоминания о войне. Не раз обещал сесть за письменный стол, но — каюсь, виноват! — не получалось. И объяснением тому опять-таки непомерная занятость, отбросившая на второй план то, что по праву должно было бы стоять на одном из первых мест.

Для саперов или, если быть точным в военной терминологии, для инженерных войск 9 мая 1945 года война не завершилась. Долгие и долгие месяцы они продолжали находиться на шаг от смерти, обезвреживая на обширных территориях бывшего театра военных действий неразорвавшиеся бомбы, снаряды, фугасы, и мины. Да и сейчас, по прошествии сорока с лишним лет, нередко приходится читать и слышать о подвигах саперов, обезвредивших обнаруженную в самом неожиданном месте проржавевшую и потому еще более опасную для жизни людей бомбу или снаряд, а то и целый склад различных боеприпасов и взрывчатых веществ.

Для меня же лично почти тотчас после окончания Великой Отечественной войны вновь наступили по существу фронтовые будни с жесткими сроками, величайшей ответственностью за порученное дело по укреплению могущества социалистического Отечества.

Однажды на встрече в Союзе писателей СССР меня спросили: со сколькими командующими фронтами и армиями мне довелось воевать и с какими министрами обороны работать в послевоенное время. Вопрос оказался неожиданным. Никогда прежде я над этим не задумывался. Но прикинул быстренько в уме и ответил: «Мне посчастливилось воевать под командованием шести командующих фронтами. Это были Г. К. Жуков, А. М. Василевский, И. С. Конев, И. Д. Черняховский; И. Х. Баграмян и М. М. Попов. Я был в подчинении у шести командующих армиями: И. С. Конева, К. Н. Галицкого, Н. Е. Чибисова, Д. Д. Лелюшенко, М. Ф. Лукина, В. А. Хоменко. А после войны работал под началом шести министров обороны СССР: Н. А. Булганина, Г. К. Жукова, Р. Я. Малиновского, А. А. Гречко, Д. Ф. Устинова и С. Л. Соколова. Так что цифра «6» в какой-то мере для меня «роковая». Да и до Великой Отечественной войны работал с шестью наркомками: с Г. К. Орджоникидзе, И. А. Лихачевым, В. А. Малышевым, И. Ф. Тевосяном, Н. А. Скрыпником, А. Н. Косыгиным. Все они были разными по характеру, темпераменту, интеллекту, но о каждом из них у меня на всю жизнь остались самые теплые и добрые воспоминания, как о руководителях государственного масштаба, мудрых и высокоэрудированных, до конца преданных нашим коммунистическим идеалам. И всем, что есть во мне хорошего, я обязан, в первую очередь, их воспитанию, их наставлениям. Да, мне всю жизнь везло на начальников и подчиненных, по-моему, даже незаслуженно везло, особенно на многотысячные коллективы замечательных советских людей, которыми мне посчастливилось командовать».

С первого дня войны я твердо верил в нашу победу над фашизмом. Но, скажу откровенно, не верил, что мне удастся отделаться контузией и несколькими ранениями, хотя мать много раз говорила: «Ты не погибнешь. Я тебя в рубашке родила».

Во время войны я никаких записей не вел. И вот теперь, когда я получил некоторую возможность хоть частично исполнить свой долг и рассказать о тех, живых и павших, с кем пришлось пройти по фронтовым дорогам, ощутил свою вину, что не собрал в первые послевоенные годы воспоминаний моих помощников в армии, корпусах и дивизиях, которые оказали бы мне неоценимую помощь в работе над этой книгой.

Хочется помянуть добрым теплым словом тех, кто

показал образцы верности и отваги в великой битве за справедливость, отдав жизнь на полях сражений или уже после войны, тех, кто разрушил цитадель фашизма в Восточной Пруссии, возникшей, по выражению Наполеона, из пушечного ядра. «Ядро» это с незапамятных времен было нацелено на наш народ, на русскую землю. И я счастлив, что в разгроме врага на территории бывшей Восточной Пруссии есть доля моего участия.

Безмерно благодарен и искренне признателен за совместный ратный труд однополчанам, с которыми мне довелось пройти по грозovým дорогам войны и которые продолжают трудиться на благо Отечества, генералам и офицерам в отставке Н. П. Нетемину, А. И. Степанову, С. П. Зензерову, В. А. Маргания, Герою Советского Союза Е. Ю. Гласко, Герою Советского Союза М. Т. Фальмонову, П. С. Фролову, В. Ф. Севастьяновой, Г. А. Кобикову, А. И. Фельдман, М. Д. Калашникову, Н. Т. Юдину, П. И. Юдину, А. Д. Шевченко, И. П. Циндлихт, А. М. Жирнихину, А. М. Нетеминой, Г. И. Богуш и многим, многим соратникам.

Удар из волчьего логова

Трудно сказать, сколько времени я спал. Наверное, не больше четверти часа. Да и какой это был сон! Просто прикорнул за рабочим столом в крохотной прорабской комнатухе, уронив от усталости голову на перекрещенные руки.

Много книг о войне я перечитал. И художественных, и мемуарных. И почти каждого их героя война застала или в домашней постели, или на отдыхе: на даче, на рыбалке, в лесу... Да и не удивительно: 22 июня 1941 года было воскресным днем, и потому даже военные командиры в большинстве своем проводили этот день не в казармах, а в кругу семьи или на лоне природы. У меня же с этим днем связаны воспоминания несколько иного рода. Но сначала немного предыстории...

Ни в детстве, ни в отрочестве я не мечтал быть военным. Может, потому, что на мою долю выпало в какой-то мере испытать, пусть лишь в мальчишестве, и первую мировую, и гражданскую войны. В дни Октябрьской революции мне минуло десять лет и кое в чем я уже разбирался, тем более что отец мой рано приобщился к революционной деятельности, подвергался репрессиям и арестам, и мое воспитание не обошлось без его влияния. Революций без кровопролития не бывает, это я прекрасно понимал, но я понимал также, что войны ничего хорошего, кроме разрушений и горя, не приносят.

Мальчишки любят играть в войну. Я же не любил, хотя в годы гражданской войны и обладал комплектом боевого оружия и биноклей, которые мне доверял отец — красный партизан. И в мыслях не держал, что когда-нибудь мне придется принять участие в войне. И не в игре, а по-настоящему.

Еще подростком я вынашивал мечту стать строите-

лем. Возможно, на это мое решение повлияли те разрушения, которые приносили войны, проходившие на моих глазах, а возможно, и просто издревле заложенное в людях стремление созидать красоту. Во всяком случае, дух захватывало, когда из газет, — а читать я научился очень рано, — из рассказов взрослых я узнавал о великих замыслах возрождения Страны Советов из руин и пепла. Все еще было в проектах, эскизах, мечтах — и Днепрогэс, и Комсомольск-на-Амуре, и стройки металлургии, и московское метро, и канал Москва — Волга, но мы уже жили всем этим, грезили податься туда, на эти гигантские стройки, чтобы своим трудом внести посильный вклад в дело, с таким необыкновенным размахом начатое первым в мире социалистическим государством. С этими мыслями я поступил учиться на инженерно-строительный факультет Харьковского технологического института, который окончил в 1931 году. Учился, несмотря на всяческие житейские невзгоды и полуголодное существование, напористо, с постоянной и неутоляемой жадой постичь неведомое, узнать как можно больше, чтобы потом применить эти знания на практике. Но окончание института с отличием принесло скорее огорчение, а не радость.

— Вас, товарищ Григоренко, — объявил ректор Мельчук, — решено оставить на кафедре строительной механики аспирантом.

Попытался возразить, но ректор не дал и слова вымолвить.

— И не возражайте, пожалуйста. Вы еще молоды и сами не знаете, чего хотите. Стройки от вас никуда не уйдут, а путь в науку открывается не перед каждым. Для этого нужны особые способности. Они у вас имеются, нам это виднее, чем вам. К тому же преподавательская работа будет способствовать накоплению ваших знаний. А знающие люди нам сейчас нужны как никогда. И ответственность на вас ляжет не меньшая, чем на любой стройке. Учить людей овладевать новой специальностью — задача столь же важная, сколь и почетная.

Было тогда в обиходе, жило в умах и сердцах людей отличное слово «надо». Скажут тебе: «Надо!», и идешь выполнять то, что действительно необходимо для страны, для народа, нисколько не смущаясь тем, что вручат тебе при этом — наган, дворницкую метлу или совковую лопату. А вот слова «престиж», столь нынче модного и

нередко коверкающего судьбы молодых людей, мы тогда, к огромному нашему счастью, не знали вовсе.

Я не покривлю душой, если скажу, что со словом «надо» прошел всю свою долгую жизнь и нимало этим не огорчен и не озабочен, поскольку это надо было народу, партии, а значит, это надо было и мне. Более того, если бы мне выпало прожить жизнь вторично, я не стал бы ничего в ней менять. Внес бы только некоторые коррективы.

Прощался я с одноклассниками, уезжающими на стройки Сибири, Севера и Урала, с душевной болью. Все, казалось бы, отдал, лишь бы с ними, в стремнину строительных будней...

Они возводили на голом месте заводы и фабрики, а я читал лекции по строительной механике, заведовал лабораторией, работал, а точнее — подрабатывал в харьковских проектных организациях «Промстройпроект» и «Водоканалпроект». И кто знает, как бы сложилась дальнейшая моя судьба, если бы весной 1932 года не приехал в Харьков тогдашний нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе.

С именем Серго неразрывно связано начало индустриализации нашей страны. Это был истинный ленинец, не жалеющий себя ради великого дела, и уже в те годы о нем складывались легенды.

Серго Орджоникидзе пригласил нас, группу аспирантов, к себе и в непринужденной, какой-то по-особому «свойской» обстановке рассказал о предпринимаемых партией и правительством мерах по укреплению мощи молодого Советского государства, на которое нацеливались стрелы окружавших его капиталистических держав. А в заключение беседы сказал:

— Мы хорошо понимаем важность научных изысканий. Никакая страна, никакое государство не могут развиваться без научных кадров, без вклада ученых в развитие народного хозяйства. Но настоящая социалистическая наука не должна обособляться от производства, только в конкретной связи с производством она может принести нам сейчас неоценимую помощь. И вам, молодым, надо вершить науку не в тишине лабораторий среди колб и пробирок, а на строительных площадках, где в ваших знаниях, в вашей энергии нужда превеликая. Надо, товарищи, надо...

Ректор института Мельчук после этой беседы пригласил меня к себе, выразил сожаление и беспомощно

развел руками — что означало, что противодействовать указанию наркома он не в состоянии.

Через несколько дней я выехал в Мариуполь, где на огромной строительной площадке начал возводиться новый металлургический гигант «Азовсталь», который по справедливости назвали «южной Магниткой».

Поначалу, правда, мне пришлось поработать производителем работ на строительстве листоделочного и маннесмановского (цельнотянутых труб) цехов на действующем металлургическом заводе имени Ильича, где я получил первую основательную практику организации строительных работ, а затем был переведен на должность заместителя начальника строительной организации, возводившей на «Азовстали» две первые домны и другие промышленные объекты металлургического цикла.

Вот там-то и дошел до меня истинный смысл слов, сказанных Серго Орджоникидзе о том, что только в конкретной связи с производством наука может дать максимальный эффект. Не хватало строительных машин и механизмов, не было ни кранов, ни экскаваторов, ни даже простейших насосов. Все земляные работы, — а это миллионы кубометров, — выполнялись вручную. Поэтому нам приходилось решать сложнейшие задачи, связанные с организацией труда, заменой одних материалов другими, и при этом далеко не все согласовывалось с теми знаниями, которые я получил в институте. Теория, случалось, шла вразрез с практикой, и опыт, который я приобретал здесь, на строительной площадке, был значительно весомее знаний, приобретенных из институтских лекций, хотя в целом одно нисколько не противоречило другому.

Говорят, что на голом энтузиазме далеко не уедешь. Это правильно. И все же, на мой взгляд, некоторая, к счастью, незначительная часть людей сейчас увлеклась материальными выгодами для себя лично, забывая нередко при этом об обществе в целом, о государстве. Тогда же ни о каких выгодах даже не думалось. Есть кусок хлеба, есть где голову приклонить — хорошо, нет — подождем, пока такая возможность представится. И я не погрешу против правды, если скажу, что и «Азовсталь», и Кузнецкий металлургический, и Комсомольск-на-Амуре были построены благодаря нигде и никогда еще в мире невиданному, идущему от души и сердца энтузиазму советских людей, не считавшихся ни со временем, ни с отсутствием хотя бы минимальных мате-

риальных благ. Лозунг тех дней «Даешь металл!» был для нас путеводной звездой, и нужно было видеть ту искреннюю радость строителей и металлургов, когда 11 августа 1933 года первая домна «Азовстали» дала стране первый чугун. И первый печатный орган на стройке, многотиражная газета называлась «За 17 тысяч тонн металла!» Ныне она называется «За металл».

Ранней весной следующего года задули вторую домну, а еще через год дал первую качественную сталь мартеновский цех. Темпы строительства в тяжелейших условиях превышали все установленные нормы и, казалось, все человеческие возможности.

После «Азовстали» меня направили на строительство Кокандского чулочно-прядельного комбината. Страна нуждалась не только в металле. В Коканде я работал главным инженером строительства — заместителем директора комбината. А затем последовал перевод в Москву на должность главного инженера отдела капитального строительства наркомата среднего машиностроения. Опять «надо»!

Честно говоря, не очень хотелось расставаться с работой на строительной площадке, хотя новое предложение привлекало своей значимостью тридцатидвухлетнего инженера, да и сама жизнь в Москве виделась в радужном свете. Опасался лишь одного — как бы не затянула аппаратная работа, как бы не увязнуть в тенетах формализма и бюрократизма. К счастью, опасения эти не оправдались. В те предвоенные годы бумажная волокита была не в моде. От сотрудников наркомата требовалось прежде всего дело, живое и творческое.

Не успел я как следует разобраться, освоиться на новом месте, меня вызвал к себе нарком Иван Алексеевич Лихачев, человек необычайной энергии, работавший буквально сутками и строго спрашивающий с подчиненных за выполнение данных им поручений.

— На, читай, — протянул он мне несколько листов бумаги, лишь только я вошел в кабинет.

Это было решение партии и правительства об увеличении производства подшипников качения.

Здесь я должен сделать маленькое отступление... Некоторые историки, особенно западные, рассматривая в своих трудах первоначальный период Великой Отечественной войны, когда мы вынужденно допустили врага до ворот Москвы, пытаются представить дело так, будто мы, заключив с Германией пакт о ненападении, само-

успокоились и по-существу ни к какой войне не готовились. Это, скажу, не заблуждение, а искажение исторической правды. Говорю об этом с полной убежденностью, поскольку, работая в наркомате среднего машиностроения, непосредственно сам занимался вопросами этой подготовки.

Возьмем те же подшипники. Без них не построишь ни самолета, ни танка, ни трактора, ни орудия. Велосипед и тот требует для себя несколько видов шариковых и рсликовых подшипников. Тогда же у нас в стране работали всего лишь два завода (оба в Москве) по выпуску подшипников качения, которые не могли удовлетворить и десятой доли потребностей машиностроения. Мы вынуждены были покупать подшипники за границей, расплачиваясь золотом. К тому же продавали их нам неохотно и цены заламывали невероятные.

В это время ускоренными темпами шло строительство подшипникового завода № 3 в Саратове и проектировались два новых подшипниковых завода в Южном Поволжье. На меня было возложено курирование строительства завода № 3 и исполнение обязанностей директора проектируемых заводов. На саратовской стройке я был представителем наркома, контролировал ход строительства, подтягивал и помогал. По проектируемым заводам принимал проектные работы и оплачивал их через банк.

Но ждать, когда заводы войдут в строй и дадут готовую продукцию, было некогда. Какой же найти выход из положения? Стать униженно на колени перед капиталистами и увеличить импорт подшипников? А где взять столько золота? И тогда было принято решение о срочной организации мастерских по реставрации подшипников, которых скопилось огромное количество.

— Ознакомился? Все понятно? — спросил Иван Алексеевич и, услышав утвердительный ответ, продолжил: — Надо организовать десять таких мастерских. Решили доверить это тебе. Полномочия предоставляем неограниченные. Действовать будешь от имени ЦК и Совнаркома. Подберешь помещения, найдешь проектировщиков, ну и все прочее. Сроки самые жесткие. Время не ждет, оно сейчас работает не на нас. Нам нужно его опередить, несмотря ни на что. Помощь обеспечим любую. Все ясно? — И, прощаясь, добавил не то всерьез, не то в шутку: — Выполнишь задачу — самолично на пятитонном молоте медаль откую, не выполнишь — голова с плеч.

Заручился мандатами, поехал по городам. Харьков, Тамбов, Баку, Куйбышев, Ташкент, Ростов-на-Дону... Заходил к первому секретарю обкома партии, предъявлял мандат, объяснял положение. Доказывать важность задачи не приходилось, все понималось с полуслова, действовали решительно, быстро, с полным сознанием ответственности за общее дело. Подбирали директоров, специалистов, проектировщиков, изыскивали станки. Мастерские оборудовались в бывших складских помещениях, на базе каких-либо дореволюционных мастерских, не имеющих, разумеется, никакого отношения к реставрации подшипников, и даже в церквях и костелах. Вся эта сложная, требующая особой энергии и знаний организационная работа проходила под лозунгом «Даешь советский подшипник!» И буквально через несколько месяцев работники военной промышленности облегченно вздохнули: реставрированные подшипники спасли положение. Промышленность, сельское хозяйство, наземный, водный и воздушный транспорт страны задействовали часть неработающей из-за отсутствия подшипников техники. Впоследствии эти мастерские переросли в современные подшипниковые заводы, и страна полностью обеспечила себя подшипниками качения, а вскоре, с вводом в строй крупных подшипниковых заводов, получила возможность экспортировать их в другие государства.

В начале декабря 1940 года меня снова вызвал к себе нарком.

— С организацией мастерских по реставрации подшипников ты справился, — сказал Иван Алексеевич, встав мне навстречу и крепко пожимая руку. — За это благодарю. А теперь получай новое задание, еще более ответственное и чрезвычайно важное. К тому же и особо секретное. На одном из автомобильных заводов нам поручено организовать производство и серийный выпуск новых танков Т-34. По всем показателям этот танк значительно превосходит предыдущие и в случае возможной войны с фашизмом сыграет неоценимую роль. Надо торопиться, более того — спешить, бежать. Сейчас нам дорог не только день, но и час. Подбирай специалистов-проектировщиков, отправляйся на завод, организуй проектирование на месте и перевод ряда цехов на выпуск танков. Проектно-сметную документацию утверждай на месте сам. Полномочия тебе даются чрезвычайные, сроки неимоверно сжатые. Желаю успеха!

Зима в том году стояла необычайно морозная, трудно было даже разговаривать на воздухе, но автозаводцы оказались крепче самых трескучих морозов. Все работы велись в напряженном и ускоренном темпе. Проектировщики искали наиболее рациональные решения реконструкции действующих цехов, тут же мною после обсуждения утверждались сметы, банк финансировал работы безотказно. Устанавливалось новое оборудование. И когда в конце января 1941 года я вернулся в Москву, то не без гордости за самоотверженный героизм автозаводцев мог доложить наркому, что цехи завода уже начали производство отдельных деталей для будущего танка.

Не сказал я лишь наркому о том, что вернувшись домой на свою Шарикоподшипниковую улицу, среди вороха газет обнаружил повестку в военкомат. Посчитал, что наркому нет до этого дела.

В Таганском райвоенкомате зашел в указанный в повестке кабинет. Сотрудник военкомата, заранее, видимо, ознакомившийся с моим личным делом, после нескольких вопросов сказал:

— Нам очень нужны такие инженеры, как вы, для укрепления границ Советского Союза. Что вы на это скажете?

Что я мог ответить?! Знал, разумеется, что работа эта действительно важная, поскольку к тому времени в состав Советского Союза влились Западная Украина и Западная Белоруссия, Эстония, Латвия, Литва, и старые укрепрайоны оказались таким образом в тылу. Надо строить новые на новых границах. С фортификационными работами я был знаком не понаслышке. В институте была военная кафедра, на которой мы основательно изучали фортификацию, строительство оборонительных инженерных сооружений, а затем в 1928 году проходили практику на военных сборах в лагере 23-й стрелковой дивизии под Чугуевом. В один из воскресных дней в лагерь приехали из Харькова секретарь ЦК КП(б) Украины П. П. Постышев, командующий войсками Украинского военного округа командарм первого ранга И. Э. Якир, заместитель командующего военным округом командарм второго ранга И. Н. Дубовой и другие официальные лица. Дивизия была построена на учебном плацу. Сопровождал гостей комдив М. Ф. Лунин. Постышев, Якир обошли строй, беседовали с красноармейцами. Подошли к взводу студентов и остановились около меня. Мне довелось отвечать на вопросы Якира, а затем По-

стышева. П. П. Постышев несколько раз собирал студенческий актив в Доме ученых в Харькове и информировал нас об обстановке в стране и на международной арене.

После окончания института мне было присвоено звание военинженера третьего ранга. Но, повторюсь, военная карьера меня не привлекала, и потому я ответил сотруднику военкомата уклончиво.

На том распрощались. Вряд ли военкомат согласовывал мою кандидатуру с наркоматом, потому что вскоре я получил уже мобилизационную повестку, предписывающую прибыть 18 марта 1941 года на железнодорожный вокзал с необходимыми вещами для отправки в воинскую часть. Когда же я доложил об этом моему непосредственному начальнику А. С. Корневу, он, не мешкая, побежал к наркому. Возвратившись, передал содержание состоявшегося разговора.

— Чушь какая-то! — возмутился И. А. Лихачев и тут же позвонил Г. К. Жукову, который в то время был начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. — Ты что ж, Георгий, мои кадры разбазариваешь, которые на тебя же работают, производство танков налаживают? — и рассказал обо мне.

Выслушав ответ и положив трубку, сказал Корневу:

— Напишите ходатайство об освобождении Григоренко от призыва на военную службу, и пусть он сам сходит к Жукову, который отменит приказ о мобилизации.

Корнев написал ходатайство, подписал его у наркома и затем положил передо мной:

— Идите в Генштаб, все будет в порядке.

— Ни в какой Генштаб я не пойду, — твердо заявил я.

— Это еще почему?

— Да потому, что... Сами подумайте, с какими глазами я туда заявлюсь, с какой совестью... Тут войной пахнет, а я, выходит, на поклон: спасите, оставьте в глубокую тылу, здесь безопаснее...

— Если будет война, то она и тыловику стороной не обойдет.

— Не имеет значения. Я не пойду в Генштаб.

— Я вынужден доложить наркому.

— Докладывайте...

18 марта с маленьким чемоданом в руках явился я на вокзал, и нас, человек двадцать военных инженеров, посадили в вагон и повезли.

Много позже я узнал, что просьба наркома среднего машиностроения о моем освобождении от мобилизации

была-таки направлена в Генштаб, и Г. К. Жуков подписал приказ об отмене призыва, но было уже поздно. Поезд в это время мчал меня на запад.

Высадились в Риге. На вокзале нас встретил представитель штаба Прибалтийского военного округа. Я впервые оказался в Прибалтике и по дороге в штаб с нескрываемым любопытством и профессиональным интересом смотрел на здания необычной для россиян архитектуры, на островерхие купола костелов, мрачных и суровых в своей отрешенности от всего сущего, на узкие улочки с темными подворотнями и многочисленными лавочками и кафе в первых этажах домов. Москва была вся еще в снежных сугробах, а здесь стояла необычная для этого времени слякоть, дул холодный ветер с моря, над головой висело тяжелое пасмурное небо, а под ногами поблескивал мокрый булыжник.

Начальником инженерных войск Прибалтийского военного округа был тогда Василий Федорович Зотов, а его заместителем по оборонительному строительству Владимир Филиппович Шестаков. Они ввели нас в курс дела, а затем, побеседовав с каждым в отдельности, направили на строительные участки. Мне В. Ф. Зотов предложил занять должность начальника участка, но я отказался от этого высокого в ту пору для меня назначения, поскольку с организацией работ в армейских условиях был все-таки знаком недостаточно и согласился на должность главного инженера строительного участка. Обязанности главного инженера строительства мне были хорошо известны по работе на «Азовстали» и в Коканде.

Управление начальника строительства (УНС), которое возглавлял опытный инженер, человек высокой культуры, обходительный и эрудированный Аркадий Григорьевич Андреев, дислоцировалось в небольшом литовском городке Шакяй, а наш 79-й строительный участок расположился неподалеку от границы с Восточной Пруссией.

От немцев нас отделяла неширокая, говорливая на небольших перекатах, поросшая по берегам густым кустарником река Шешупе. Трудно передаваемое словами чувство охватило меня, когда я впервые вышел на границу и посмотрел на ту сторону в бинокль, протянутый сопровождавшим меня пограничником.

Вдалеке виднелось небольшое селение с высокой кирпичной кирхой, дома под красной черепичной кровлей, ряды голых еще деревьев. Из печных труб вился мирный

дым, по улочкам ходили занятые своими делами люди, и не очень-то верилось, что оттуда могут прогреметь артиллерийские залпы и вырваться из своих укрытий мощные танки, чтобы сеять смерть на нашей земле.

Тишина однако чаще всего бывает обманчивой. Мы это хорошо знали. Не раз уже наблюдали передвижение немецкой военной техники и появление на границе разных военных чинов, с открытой ухмылкой поглядывающих на нашу сторону и без всякого стеснения также открыто водящих окулярами биноклей по нашей пограничной полосе. Но мы все же не предполагали, что все произойдет так скоро.

Начальство из УНСа поторапливало нас, и мы, не считаясь со временем, подчас сутками напролет, возводили оборонительный рубеж. Возводили на пустом месте, без необходимой в таких случаях техники и какой-либо механизации, привлекая в помощь себе гражданское население близлежащих хуторов и поселков. Камнедробилки, бетономешалки, передвижные электростанции, обещанные нам инженерным управлением округа, находились где-то в пути, и мы, чтобы не упустить драгоценное время, носилками таскали с полей валуны и булыжники, которых здесь было видимо-невидимо, словно земля выталкивала их из себя, и кувалдами разбивали их на щебень.

Начальником строительного участка был военинженер второго ранга Трофим Иванович Понимаш. До прибытия сюда он преподавал фортификацию в военно-инженерной академии, которую сам окончил, до тонкости знал свое дело, но с производством работ не был знаком и потому целиком доверил его мне. Скажу без ложной скромности, я делал все, что было в моих силах, чтобы не сорвать график работ, завершить которые предстояло к осени 1941 года.

Кабинеты наши были рядом, перегородка тонкая, и однажды, зайдя к себе за чертежами, я услышал, как Трофим Иванович кому-то сказал:

— Не умеете вы работать, простите меня, но не умеете. Вот пошлю вас к главному инженеру, так он вам всыплет по первое число...

По природе своей Трофим Иванович был человеком добрым, деликатным, ругаться не умел совершенно и в необходимых случаях,— а таковые бывали нередко,— обращался ко мне:

— Прошу вас, Михаил Георгиевич, вызовите, пожа-

луйста, к себе имярек, пропесочьте, как вы умеете, у меня же с этим совершенно ничего не получается..

Меня считали человеком грубоватым, сердитым, может быть, даже жестоким, и в чем-то были правы. Правда, ни о какой жестокости и речи быть не могло, а вот то, что терпеть не мог лодырей и бездельников, было сущей правдой. Мог и накричать на них, и словцо грубоватое отпустить, и кулаком по столу брякнуть. И по сей день считаю, что поступал в подобных случаях правильно. Строгость помогала в работе. Ведь мы находились по-существу в прифронтовой обстановке, противник стоял у наших ворот, и всякое попустительство было бы недопустимо.

Постепенно на участок стали поступать бетономешалки, камнедробилки, автомашины. Работа пошла быстрее. Но главными орудиями труда по-прежнему оставались лопаты, киркомотыги, топоры и пилы. Копали траншеи, оборудовали пулеметные и стрелковые площадки, возводили доты, убежища для личного состава войск, склады боеприпасов, и все это на строго определенном расстоянии один от другого.

Объемы огромные, людей не хватало. А главная трудность заключалась в том, что люди не имели строительной специальности. Военного обмундирования нам, командирам производства, выдать не успели, а на руководителя в гражданской одежде смотрят несколько по-иному, чем на человека в военной форме с соответствующими знаками различия. Вот и компенсировал отсутствие таковой несколько, может быть, даже чрезмерной требовательностью.

Наряду с исполнением прямых обязанностей приходилось воспитывать людей, сколачивать военных строителей в единый коллектив единомышленников, тем более что многие из них только-только освободились из-под буржуазного ига (имею в виду прибалтов и западных белоруссов), и не так-то легко было прививать им наше социалистическое мировоззрение. Но как бы ни было трудно, порученное нам дело продвигалось и довольно успешно.

Вскоре мы начали испытывать острый недостаток воды. Близлежащих колодцев едва хватало на удовлетворение бытовых нужд, а производство бетона для убежищ и дотов требовало воды в несколько раз больше. Возить воду с Шешупы было далековато и небезопасно. Немцы знали о возводимых нами укреплениях, но драз-

нить их лишний раз все же не следовало, да и необходимые емкости для перевозки воды отсутствовали.

Выход из положения я нашел, перегородив плотиной овраг, куда стекали ручейки от таявшего в лесах снега. Все было бы нормально, если б не обильно выпавший в ту зиму снег. Расчеты я произвел весьма приблизительные, так сказать, «на глазок», решив, что сойдет и так для временного сооружения. Но не сошло. Когда началось таяние снегов, да впридачу пошли почти непрерывные весенние дожди, овраг в момент наполнился водой, и плотину прорвало. Несколько дней и ночей боролись мы с аварией, и все же не дали уйти всей воде. По крайней мере, треть «водохранилища» была спасена и безостановочное бетонирование объектов обеспечено.

Начальство на совещаниях ставило нас в пример тем, кто жаловался на нехватку воды, но для меня эта авария послужила уроком на всю жизнь. С тех пор любой, самый незначительный объект я рассчитывал с той же мерой, какая требовалась для серьезного сооружения.

Война меж тем надвигалась. Об этом говорило передвижение фашистских войск неподалеку от границы и сосредоточение танков, которые дефилировали в приграничном районе открыто и вызывающе. Фашистские самолеты не раз пересекали границу, фотографируя, видимо, наши укрепления. Да и по всему остальному ощущалась неизбежность близкой войны с Гитлером, который отхватил себе немалую часть Европы и теперь наверняка зарился на советскую территорию.

В первых числах июня 1941 года руководящий состав строительных участков был собран в УНСе на внеочередное совещание. Там нам сообщили, что английское радио передало: из достоверных источников известно, что Гитлер начнет войну с Советским Союзом 19 июня. Нам было предложено в срочном порядке разработать планы эвакуации инженерно-саперных частей, поскольку, располагая только винтовками и ручными пулеметами, оказать отпор врагу в случае нападения мы не могли. В первую очередь были эвакуированы семьи комсостава, а также отправлены в тыл штабные документы и проектно-сметная документация.

Все эти дни мы жили на чрезвычайном положении. Части находились в полной боевой готовности, что, должен отметить, сыграло немалую роль в поднятии дисциплины среди саперов-строителей и работающего у нас

местного гражданского населения. Любой приказ, любая команда выполнялись беспрекословно. Однако 19 июня ничего не произошло, сообщение английского радио сочли провокационной «уткой», был дан отбой боевой тревоге, и все враз как-то слишком успокоились.

21 июня, согласно графику, пошел «большой» бетон. Мы приступили к бетонированию дота № 4. По техническим условиям бетонирование должно было идти беспрерывно от начала и до полного завершения, чтобы дот являл собой единый железобетонный монолит без рабочих швов. Понимая ответственность момента, руководство бетонированием я взял на себя. С утра до поздней ночи не уходил с площадки и лишь за полночь, вымотавшись до предела, решил зайти в прорабскую комнату и хоть немного вздремнуть, не ложась и не раздеваясь.

В 3 часа 30 минут,— по давней привычке я сразу взглянул на часы,— меня подняла со стула артиллерийская канонада. После тяжелой дремы я не сразу сообразил, что бы это могло означать. Показалось почему-то, что канонада происходит за спиной, в нашем тылу. И потому первое, что пришло в голову, было, что наши войска проводят маневры, о которых почему-то нас не поставили в известность. Когда же выскочил из прорабской на улицу, то понял все.

Всполохи огня расцвели ночь с той стороны границы. Мне впервые тогда довелось увидеть столь масштабную артиллерийскую подготовку и озаренное вспышками небо. На какое-то мгновение я даже залюбовался этой картиной. Мальчиком не раз мне, лежа в канаве, приходилось наблюдать бои между частями Красной гвардии и белогвардейцами, но то было несравнимо с происходящим. И лишь когда неподалеку разорвался снаряд и я увидел в панике бегущих строителей, работавших на доте, до конца осознал то, во что не хотелось верить еще вчера. Волчье логово, как мы называли между собой Восточную Пруссию, выпустило взбесившихся щенят, ударив подло, из-за угла, что соответствовало всем волчьим повадкам. Значит, англичане оказались правы. Они ошиблись только на три дня.

— Что делать, товарищ военинженер? — подбежал ко мне с растерянным лицом бригадир бетонщиков.

Я сам в тот момент не знал, что делать, и какой стороной может обернуться начавшаяся так неожиданно война, и потому строго ответил:

— Прекратите панику и продолжайте бетонирование. Сбежавших буду считать дезертирами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Но ведь стреляют,— пробормотал бригадир.

— Ничего страшного. Продолжайте бетонирование!

Бригадир понуро, как мне показалось, поплелся к площадке, а я поспешил в кабинет Т. И. Понимаша, у которого был установлен единственный на весь участок телефон.

Мы с трудом дозвонились до начальника УНСа Федора Михайловича Савелова, недавно сменившего на этом посту А. Г. Андреева.

— Не впадайте в панику,— ответил он хриплым голосом.— Скорее всего, это очередная провокация, только в более крупном масштабе. Продолжайте работать по утвержденному графику.

О каком продолжении работ могла идти речь, когда снаряды ложились все гуще и гуще, а с погранзаставы, где разгорелся настоящий бой, уже несли раненых бойцов.

Наконец на рассвете поступил приказ демонтировать и отправить в тыл строительные машины, оборудование, электростанции. Вместе с ними эвакуировать всех, у кого нет личного оружия. Остальным же занять оборону и «держаться до подхода главных сил».

Приказ был вроде бы по всем статьям правильный и конкретный, но вот откуда и когда подойдут эти главные силы — на этот вопрос никто ответить не мог.

От Пруссии до Москвы

Привлеченное к оборонительным работам гражданское население было отпущено на выходной день и больше на участке не появлялось. Это обстоятельство облегчало наши планы эвакуации военных строителей. Охватившую людей панику при артобстреле удалось потушить в самом ее начале. И основную роль в этом сыграло мужество заместителя начальника участка по политической работе старшего батальонного комиссара Михаила Николаевича Лебедева.

В первые же минуты вражеской канонады он выбо-

жал из своего домика и, на ходу застегивая воротничок гимнастерки, громко скомандовал: «По отделениям... Становись!» Вспаниковавшие было саперы словно обрадовались привычной команде и встали в строй.

Трофим Иванович замкнулся, ушел в себя и, молча сидя возле телефона, ожидал очередного распоряжения. Однако после приказа держаться до подхода главных сил, никаких распоряжений больше не поступало. Все решения нужно было принимать нам самим.

Мы занялись демонтажом оборудования. Подгонялась полуторка, в кузов грузился инструмент, части и детали машин, на них усаживались плотной кучкой саперы — военные строители, к полуторке сзади цеплялись бетономешалка или камнедробилка, и такой вот грохочущий неказистый экипаж отправлялся в тыл в расчете на то, что где-то его встретят и используют по назначению. Однако, как стало потом известно, эту совершенно безобидную и по-существу мирную колонну фашистские бомбардировщики несколькими боевыми заходами разбомбили, посчитав ее за боевую воинскую часть. Таким образом, колонна машин со строительной техникой, приняв на себя бомбовый удар врага, выполнила свой, можно сказать, патриотический долг перед Родиной, спасши от налета авиации противника действительно боевые части Красной Армии.

Со стороны границы доносились пулеметные очереди и ружейные выстрелы. Немцы вели огонь из глубины, бесприцельно, не жалея снарядов. То тут, то там вспыхивали пожары, и неизвестно было, что именно горело — дома, лес или стога сена. Казалось, горела сама земля. Воздух пропитался пороховой и дымной гарью. Наша недостроенная и незанятая войсками оборонительная линия представляла жалкое зрелище. Возле так и незавершенного дота расплывались, затвердевая, кучи бетона, второпях выгруженные самосвалами.

К середине дня эвакуация была в основном завершена. Из командного состава нас осталось несколько человек. Все наше вооружение — три пистолета. Лебедев отказался уходить в тыл. Он подбежал к нам до крайности возбужденный:

— Давайте будем встречать немцев!

— Чем встречать? Голыми руками?

— И голыми встретим! За горло его, гада, возьмем!

Мне тогда показалось, что это отчаяние рвется из него криком наружу. Теперь же я уверен — это был по-

настоящему искренний и героический порыв истинного коммуниста, который ни при каких обстоятельствах не мог допустить, чтобы на нашу советскую землю ступила грязная нога гитлеровца в кованом сапоге.

Нам с трудом удалось убедить Лебедева, что впустую погибать нет никакого смысла, что вот отойдем на рубеж, встретим главные силы, вольемся в их ряды и тогда уж зададим немцам жару. Если б знать тогда, сколь далеким отсюда окажется тот рубеж!

Далеко справа показались немецкие танки. Сначала мы слышали их тяжелый надрывный гул, а уж затем увидели быстро растущие в глазах точки. Танки шли в нашу сторону, но почему-то не стреляли. Видимо, не видя цели, берегли боезапас. Мы знали, что на их пути встретится противотанковый ров, и знали также, что он не спасет положения, поскольку отрыт был только наполовину и танки легко преодолели его. И тут я вспомнил о взрывчатке. Сорок тонн тротила хранились в специальном подземном хранилище для нужд строительства. Не оставлять же его гитлеровцам.

В считанные минуты мы подготовили тротил к взрыву. Минуты эти показались вечностью. Танки были уже близко и могли нас заметить и открыть стрельбу. Укрылись в убежище, повернули ручку взрывной машинки. Земля вздрогнула, огромный столб пыли затмил яркое июньское солнце. Когда пыль осела, мы выглянули из убежища. Фашистские танки стояли как бы в недоумении, будто раздумывая, что им тут уготовано, какой сюрприз им приготовили «Советы». Затем развернулись и пошли стороной. У нас отлегло от сердца.

К вечеру, погрузив на машины горючее, продовольствие, кое-что из личного багажа, тронулись в путь. Двигались не на Шакяй, который был уже в руках немцев, а юго-восточнее — на Казлу-Руду.

Июньские дни непомерно длинные, и вечер только относительно можно назвать вечером, даже сумерки не стусились, но ждать, когда хоть чуток стемнеет, было уже невмочь: гитлеровцы могли появиться здесь в любое время.

Не проехали и часа, как услышали гул самолетов. Подняли головы: «Ура! Наши!» На фюзеляжах адели красные звезды. Но радость обернулась бедой. Самолеты спикировали, и на нашу небольшую колонну посыпались бомбы. Мы и представить тогда не могли, что гитлеровцы пойдут на такую подлость, намалевав на

своих бомбардировщиках наши опознавательные знаки.

Из девяти автомашин после бомбежки у нас осталось лишь три. Четыре полыхали огнем, две перевернуты и изрешечены осколками. Стонали раненые, несколько командиров и саперов навсегда остались лежать на этой земле. Тяжело ранило и начальника транспорта нашего участка Колокольникова.

Места в оставшихся машинах нам уже не было — едва-едва разместили в них раненых, а сами пошли пешком.

Не знаю, сколько бы нам пришлось вышагивать, если бы вскоре возле нас не остановилась полуторка соседнего строительного участка. Начальник участка Г. Демин эвакуировался со своим штабом. Выглянул из кабины, спросил, что случилось. Объяснили.

— Залезайте!

Легко сказать — трудно втиснуться. Машина была до отказа забита людьми, бочками, какими-то ящиками. Все же кое-как влезли и к ночи догнали своих. На полном ходу, петляя по узким улицам, проскочили Каунас. Говорю «проскочили», а не «проехали» потому, что с чердаков домов, а то и прямо из окон то здесь, то там раздавались пулеметные очереди. Видимо, заброшенные сюда десантники или затаившиеся фашистские прихвостни давали теперь знать о себе.

Трудные это были дни. Мозг, душа, сердце — все протестовало против вероломного нападения.

Инженерно-строительные части на этом направлении оказались оторванными от общевойскового командования, что еще более усугубляло неопределенность нашего положения. И самое тяжкое — не было связи. Мы не знали, кому подчиняться, куда направиться и какие задачи выполнять.

Первые более или менее крупные наши силы мы встретили под Оршей, где комдив Я. Г. Крайзер останавливал всех бегущих, формировал боевые отряды и посылал их в бой с врагом. Нас пропустили через заградотряд, чтобы двигаться дальше, и тут Лебедев не выдержал:

— Все! Как хотите, я отступить не намерен.

— А что ты намерен делать?

— Воевать.

— С одним пистолетом?

— В пистолете тоже есть пули.

На этот раз отговорить Лебедева не удалось. Сказав на прощание: «Не поминайте лихом!», он ушел в сторону передовой. Впоследствии нам рассказали, что замполит погиб в первом же бою.

Наконец в первых числах июля нам удалось связаться с инженерным начальством. Т. И. Понимаша отозвали в Москву, а меня назначили начальником 88-го УСТАПРО (Управление старшего производителя работ) с задачей обеспечивать в инженерном отношении общевойсковую девятнадцатую армию. Армия эта была сформирована на Северном Кавказе в июне и тотчас передана Западному фронту. Командовал армией генерал-лейтенант И. С. Конев (впоследствии Маршал Советского Союза).

УСТАПРО со своими подразделениями шло в хвосте отступавшей дивизии, и, когда дивизия на очередном рубеже начинала окапываться, мы помогали ей в строительстве оборонительного рубежа, самого простейшего, без проволочных и минных заграждений.

Части армии отходили в основном по шоссе Минск — Москва, систематически давая гитлеровцам отпор и сдерживая их наступление. Фашистские танки и мотомеханизированная пехота двигались по шоссе следом, не сворачивая и не опасаясь бомбовых ударов с воздуха, поскольку значительная часть нашей авиации была уничтожена на аэродромах в первые же дни войны. Двигались нахально, почти как на параде, надеясь завершить развязанную ими войну за два-три месяца. На одном из этапов нашего отступления мы, военные строители, утратили связь с командованием 19-й армии и решили самостоятельно провести рекогносцировку и наметить очередной рубеж обороны. У меня были отличные помощники старшие лейтенанты Михаил Дудин и Евгений Сальников, окончившие перед войной Военно-инженерную академию. Мы посоветовались и решили устроить немцам ловушку, охватив автомобильную дорогу траншейным полукольцом. Замысел состоял в том, что ослепленные идеей блицкрига гитлеровцы не заметят подвоха и войдут в подготовленный нами «мешок».

Командир подошедшей части занимать подготовленный нами рубеж отказался.

— Как вам только пришло это в голову! Мы же сами себя подставим под удар. Подобное расположение траншей противоречит всем законам фортификации. В каких только академиях вас этому учили!

— Может быть, общепринятым законам фортифика-

ции это и противоречит, но зато не противоречит здравому смыслу, — не очень вежливо убеждал я командира. — Немцы привыкли, что мы отступаем сплошной линией и встречаем их в лоб. А здесь мы их встретим с боков, возьмем в те самые клещи, которые они сами так любят применять.

— При такой обороне мы перестреляем не немцев, а друг друга.

— Конечно, если будете вести беспорядочный огонь.

— А если немцы засекут ваш рубеж и первыми откроют огонь по траншеям? Тогда не они, а мы окажемся в мешке.

— Во-первых, товарищ командир, немцы разведку, мягко говоря, подзапустили, считая, что все дороги для них уже открыты и, движимые страхом перед их мощью, мы уже неспособны на какие-либо оригинальные решения, а во-вторых, во всяком деле заложена какая-то доля риска. Если вы боитесь рисковать, тогда...

В разговор вмешался начальник штаба дивизии, до того молча вслушивающийся в наши препирания.

— А что! В этом и впрямь есть что-то заманчивое. Может, стоит-таки рискнуть?

— Вы так считаете? — обернулся к нему командир.

— Да. По-моему, военинженер прав.

В конце концов решено было занять подготовленный нами рубеж небольшими силами дивизии с достаточным запасом гранат и противотанковых ружей. Ничего не подозревавшие гитлеровцы, как мы и предполагали, зашли в «мешок» и были уничтожены перекрестным огнем наших войск. Наступление врага на этом участке приостановилось на несколько дней, что по тому времени было весьма важно.

Об этом случае доложили командующему армией генерал-лейтенанту И. С. Коневу.

— Молодцы, хорошо придумали! — сказал командующий. — Возьмите этот метод обороны на вооружение, хотя больше отступать нам некуда. За нами — Москва!

В октябре 1941 года И. С. Конев назначили командующим Калининским фронтом. Тогда же мне было поручено сформировать 60-е АУВПС (армейское управление военно-полевого строительства) для строительства оборонительного рубежа, прикрывающего Москву на северо-западном направлении с дислокацией в населенном пункте Большая Волга (ныне всемирно известная Дубна).

Обстановка была крайне напряженной. Гитлеровцам

не удалось с ходу овладеть столицей нашей Родины, как это у них было задумано, и в начале сентября они перешли к временной обороне с тем, чтобы, подтянув войска и резервы, подготовить и осуществить крупную наступательную операцию под кодовым названием «Тайфун», которая по их замыслу должна была прорвать оборону наших войск, окружить и уничтожить Москву со всем ее населением.

Силы у нас были далеко не равными.

В 60-й АУВПС вошла семь тысячных батальонов военных строителей. Этого было слишком мало, чтобы в неимоверно сжатые сроки выполнить все работы по строительству оборонительного рубежа Большая Волга — Москва с противотанковым рвом и другими заграждениями. Мною были направлены командиры и политработники в ближние административные районные центры для призыва на оборонительные работы жителей окрестных сел и деревень. Через несколько дней на строительстве обороны работали более 60 тысяч гражданского населения с повозками для доставки строительных материалов. И мы, военные строители, люди бывалые, немало за эти первые месяцы войны повидавшие и испытавшие, не могли не преклоняться перед героизмом и высочайшим патриотизмом этих простых советских людей: женщин, стариков, подростков...

Осень сорок первого года наступила рано. Уже в сентябре начались сильные заморозки, а октябрь прямо-таки дышал зимой. Плохо одетые, полуголодные люди мерзли, падали, случалось, от усталости и недоедания, но чуть отлежавшись, как легко раненные бойцы, и придя в себя, тут же поднимались на ноги, снова брали в руки лопаты и начинали копать или перебрасывать землю.

Сколько той земли было переверочено только на сравнительно небольшом участке вдоль канала Москва — Волга — вряд ли кто-нибудь смог бы подсчитать точно. Наверняка можно лишь сказать, что ни один ее кубометр не был выкопан напрасно. Предпринявшие в октябре наступление, гитлеровцы снова споткнулись на наших оборонительных линиях и, в частности, на рубеже, выполненном частями 60-го АУВПС и обороняемом войсками 30-й армии под командованием генерал-майора В. А. Хоменко и 16-й армии под командованием генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина. Только в одном месте немцам удалось прорвать оборону и захватить не-

большой плацдарм на противоположном берегу канала Москва — Волга, но удержаться на нем им не удалось. Решительным контрударом противник был окружен и уничтожен.

6 декабря 1941 года наши войска перешли в контрнаступление. Перед военными строителями встали новые задачи: ремонтировать дороги, восстанавливать нами же взорванные при отступлении мосты, переправлять мощную технику через каналы и реки.

Никакого опыта в проведении подобного рода инженерных работ у нас не было, его приходилось обретать непосредственно в ходе развития той или иной операции. И первой такой операцией, выпавшей на долю 60-го АУВПС, была переправа танков через канал Москва — Волга.

Несмотря на сильные сорокаградусные морозы, лед на канале, выдерживающий легкую технику и автомашины, оказался слишком тонким для тяжелой артиллерии и танков. Было решено проложить ледовую дорогу путем намораживания. В ближайших лесах заготавливали бревна, подвозили их к каналу, укладывали на лед сплошным настилом, заливали водой, ожидали, когда она замерзнет и сверху накладывали очередной настил. И так до тех пор, пока армированный бревнами лед не достигал несущей способности выдерживать танки. По этой ледовой дороге двинулись на врага только что сошедшие с конвейеров заводов мощные КВ и наши прославленные «тридцатьчетверки».

И, глядя на них, вспомнилась прошлогодняя, такая же суровая зима, автозавод и люди, не щадящие себя, и первые детали для этих танков. И одновременно подумалось, что никогда и никому не удастся победить советский народ, и в том, что мы допустили врага до ворот Москвы, виновато лишь беспощадное время, не давшее нам возможности как следует развернуть свою оборонную промышленность. Зато теперь уж погоним фашистов до самого Берлина, до полного искоренения фашизма на земле! И я уверен, что после успешно завершенной Московской битвы, так думал каждый солдат, каждый советский человек, не предполагая, что по сути война только началась и до Борлина мы дойдем лишь спустя три с лишним года.

Седьмая инженерно- саперная

---

9 декабря 1941 года передовые отряды 31-й армии, которой командовал тогда генерал-майор В. А. Юшкевич, прорвали вражескую оборону, перерезали шоссе Калинин — Тургиново и во взаимодействии с войсками 29-й армии создали угрозу окружения противника в районе г. Калинина. Гитлеровцы стали поспешно отводить свои части из города, и 16 декабря Калинин был освобожден от врага.

На второй день после освобождения г. Калинина меня пригласил к себе председатель комитета обороны города первый секретарь Калининского обкома партии Иван Павлович Бойцов, опытный и дальновидный партийный руководитель. Участник гражданской войны, он стал одним из организаторов партизанского движения на территории Калининской области, со дня создания Калининского фронта являлся членом его Военного совета.

Иван Павлович сказал, что командующий 30-й армией генерал В. А. Хоменко и я введены в состав комитета обороны города и на меня в основном ложится ответственность за прикрытие внешнего обвода г. Калинина оборонительными сооружениями. Через час собрались все члены комитета.

— Немцы вряд ли смирятся с потерей такого плацдарма наступления на Москву, как Калинин, — говорил Иван Павлович на заседании комитета. — Ни у меня, ни у других членов Военного совета фронта нет уверенности, что они не предпримут очередную попытку овладеть городом. Поэтому мы все должны быть начеку и в случае наступления гитлеровцев встретить их во всеоружии. Одна из главных задач на сегодняшний день — сделать неприступным для немцев внешний оборонительный обвод города. Выполнение этой задачи предлагаю возложить на военинженера третьего ранга товарища Григоренко. С Военным советом его кандидатура согласована. Если потребуется помощь местного населения, то такую помощь окажем. Ни на что большее, Михаил Георгиевич, рассчитывать не приходится. Ни техники, ни механизмов у нас нет.

И снова, как под Москвой, военные строители долби-

ли мерзлую землю, оборудовали стрелковые и пулеметные площадки, устанавливали минные поля и проволочные заграждения, строили надолбы и противотанковые рвы. Комиссия комитета обороны приняла подготовленный рубеж без замечаний, но занять его нашим войскам так и не пришлось. Из резерва Ставки Верховного Главнокомандования в состав Калининского фронта была передана 39-я армия, и, продолжая наступательную операцию, войска фронта, подкрепленные свежими силами потеснили противника, и продвинулись в южном и юго-западном направлениях на 60—120 километров и вышли 7 января 1942 года на рубеж — четыре километра восточнее г. Ельцы, левый берег Волги северо-западнее Ржева, где и заняли оборону.

Калинин теперь был надежно прикрыт от посягательств на него противника.

В эти дни на основании приказа Ставки происходила крупная реорганизация инженерных войск Красной Армии. Создавались саперные армии и инженерно-саперные бригады РК (резерва главного командования), расширялись права начальников инженерных войск армий и фронтов, которые одновременно становились заместителями командующих, организовывались штабы инженерных войск. Этим самым еще более повышалась роль инженерных войск в боевых операциях и одновременно предоставлялось больше прав командирам инженерных войск.

Приказ воспрещал использование инженерных войск не по назначению, что до сих пор случалось нередко. До конца этот пункт приказа выполнить не представилось возможным, поскольку на войне часто складывается такая обстановка, когда не только саперы, но и повара и санитары вынуждены были брать в руки оружие и отражать контратаки врага.

60-е управление преобразовывалось в седьмую инженерно-саперную бригаду, а я назначался ее командиром.

Инженерно-саперная бригада — это уже боевое соединение, способное выполнять сложные задачи, связанные с минированием, подрывом мостов и вражеских оборонительных сооружений, а поскольку саперам выдавалось еще и личное оружие, в основном карабины и винтовки, то при необходимости и отражать атаки противника.

Разумеется, все это не было преподнесено нам на тарелочке с голубой каемочкой. Штатное расписание

являлось всего лишь бумажной, так сказать, основой для формирования бригады. Недоставало буквально всего, что было им предусмотрено. Но все это оказалось мелочью по сравнению с тем, что бывшие военные строители были не подготовленными как боевые саперы. К тому же на время формирования с нас не снимались обязанности по созданию оборонительного рубежа армии. Дислокация бригады была определена в г. Осташков, расположенном на берегу озера Селигер в нескольких километрах от фронтовой полосы.

Я приступил к формированию инженерно-саперной бригады и укомплектованию ее личным составом и боевой техникой. Одновременно первоочередной задачей для нас стала учеба, переквалификация военных строителей в настоящих саперов.

На берегу озера за городом мы оборудовали учебный полигон, где проводили с будущими саперами теоретические и практические занятия по созданию минных полей, установке фугасов, подготовке их к взрыву и взрыву мостов и боевых сооружений, разминированию полей, по устройству проволочных заграждений и их разграждению. Опытных преподавателей из командного состава не хватало, большую помощь оказали пришедшие на укомплектование частей бригады командиры и саперы из других подразделений, участвовавшие в боях под Москвой и Калинином.

Вскоре седьмой инженерно-саперной бригаде было поручено оборудовать фронтовой рубеж.

В то время в полевой фортификации оборудовались так называемые БРО — батальонные районы обороны. Они представляли собой отдельные районы для занятия стрелковым батальоном, оборудованные огневыми сооружениями по штатной численности стрелкового батальона. БРО оборудовался для круговой обороны в условиях полной изоляции.

Каждый БРО имел перекрестную огневую связь с соседними БРО, что обеспечивало сплошную поддержку в полосе обороны полка, дивизии, армии, фронта. Рекогносцировку фронтового оборонительного рубежа производили работники оперативного управления (отдела укрепленных районов) штаба Калининского фронта.

Изучив и проанализировав проект оборонительного рубежа, я обнаружил, что в каждом батрайоне много огневых точек, обращенных в тыл, в сторону наших войск: Поразмыслив ночью, пришел к выводу, что в случае за-

нения батрайона противником, враг получит готовый укрепрайон против наших войск. Я дал указание сократить количество огневых точек, направленных в наш тыл. Так и было сделано.

Выполняя работы в точности по проекту, я снял бы с себя ответственность, никто в нарушениях и отступлениях от проекта меня обвинить не смог бы, и случись что непредвиденное, всегда можно сказать: «Извините, но так было предусмотрено проектом». Однако у тех, кто работал над проектом укреплений линии фронта, голова, видимо, несколько закружилась от достигнутых успехов, и проект был составлен без учета возможного прорыва врага и окружения отдельных наших частей. А ведь противник был еще невероятно силен, и с этим нельзя было не считаться. Именно из этих позиций я и исходил, решив на свой страх и риск «исправить» отдельные положения проекта, потому что не мог поступить иначе, поскольку от правильно возведенных укреплений зависела жизнь тысяч и тысяч бойцов и командиров.

И вот однажды на мой командный пункт врывается незнакомый мне до того полковник,— это был начальник отдела укрепрайонов фронта полковник Басилов,— и не поздоровавшись, не прикрыв за собой дверь, с порога закричал:

— В штаб фронта поступили данные, что вы отвратительно готовите рубеж обороны, не согласуясь с проектом. За это самоуправство вы ответите по законам военного времени.

— Это не самоуправство, а инициатива.

— Инициатива! Да какое вы имеете на нее право? Ваше дело выполнять то, что вам указано.

Будь это сам командующий фронтом, и то я, наверное, не смирился бы с подобным к себе обращением. И потому, насколько это было в моих силах, возможно спокойнее сказал:

— Ведите себя прилично, товарищ полковник.

— Что-?! — взъярился Басилов.— Вы еще смеете указывать, как мне себя вести? Мне, представителю штаба фронта?

— Во-первых, вы не представились, и я не знаю, кто вы такой. А во-вторых, все люди, в каком бы звании они ни были и на какой бы должности ни находились, прежде всего здороваются,— во мне все бурлило внутри, но я сдерживал себя и старался казаться невозмутимо спокойным. Это-то больше всего и бесило полковника, ви-

димо, привыкшего к тому, чтоб перед ним трепетали и вытягивались в струнку.

— Ах, так! — скрежетнул он зубами. — Ну хорошо... Проверим, чем вы тут занимаетесь... — и хлопнул дверью.

Через некоторое время ко мне зашел мой заместитель и доложил, что полковник отказался от предложенного ему обеда.

— Ничего, проголодается — сам попросит.

Так, впрочем, оно и случилось.

Без положенного в подобных случаях сопровождения Басилов самостоятельно объездил и осмотрел объекты обороны и отбыл в штаб фронта, не зайдя ко мне и не высказав каких-либо претензий.

Через несколько дней последовал звонок. Меня вызывали на заседание Военного совета Калининского фронта.

Я понял, что командующий вызывает меня для отчета о ходе строительства фронтового рубежа обороны, и особого беспокойства не ощутил, потому что никакой вины за собой не чувствовал.

На КП фронта мне сказали, что до ночи командующий вряд ли сможет меня принять, и посоветовали зайти к начальнику штаба фронта генерал-майору Матвею Васильевичу Захарову. Отыскал штабной блиндаж, доложил по форме. Полный, несколько тяжеловатый, с подпухшими от бессонных ночей веками Матвей Васильевич встретил меня приветливо, и во взгляде его, полном добродушия и благожелательности, я увидел некоторое сожаление по поводу случившегося. Оказывается, полковник Басилов по возвращении с осмотра оборонительного рубежа доложил командующему, что я сознательно нарушил решение рекогносцировочной группы и построил оборону так, будто она приспособлена не столько для наших, сколько для фашистских войск. Теперь стала понятна причина столь срочного вызова. Я разложил перед начальником штаба фронта свои карты и объяснил суть. Матвей Васильевич внимательно меня выслушал и, как мне показалось, согласился в душе с моим решением. Прямо он этого не высказал, но предупредил:

— У Конева характер тяжелый, строптивый. Советую не горячиться и доказывать свою правоту возможно спокойнее. Если кричать начнет, отобенно не волнуйтесь. Он частенько таким образом усталость с себя снимает, разрядку нервам дает. А вы будьте поделикатнее, может, все и обойдется.

Я поблагодарил за совет, вышел из блиндажа, сел в свою «эмку» и стал ждать вызова к командующему. С Матвеем Васильевичем мы не сошлись в одном. Ему не понравилось слово «рабсила», которое я употребил. Ссылка на госплан, который употребляет это слово в своих документах, не убедила начальника штаба фронта.

Темнело рано. Мне даже показалось, что на дворе глубокая ночь. Глянул на часы — оказывается, всего без четверти двадцать два.

Командный пункт был хорошо замаскирован. Нигде ни огонька, ни щелочки, через которую проникал бы свет. И только скользящие в темноте, неизвестно откуда выныривающие и неизвестно куда исчезающие фигуры офицеров связи и других работников штаба, да мерный перестук клапанов движка передвижной электростанции говорили, что здесь, в миниатюрном блиндажном городке, идет, не останавливаясь ни на минуту, напряженная работа по управлению войсками фронта, стоящего на главном, московском направлении.

К командующему меня вызвали после полуночи. Иван Степанович Конев был не один. Такого множества генеральских погон в одной землянке мне еще не приходилось видеть. Вероятно, только что закончилось заседание Военного совета фронта. Большой продолговатый стол был завален оперативными картами. Над столом висела яркая, прикрытая металлическим абажуром лампа. Лица у всех виделись усталыми, сумрачными. И только Конев выглядел довольно бодро, словно хорошо перед этим выспался. И все же в его глазах явно просматривалась непомерная тяжесть ответственности, лежащая на его плечах и тщательно скрываемая им от присутствующих.

— Вы что — для немцев рубеж строите? — накинулся на меня командующий, лишь только я доложил о своем прибытии. И я тут же вспомнил слова его начальника штаба о такой своеобразной разрядке комфронта.

— Нет, товарищ командующий фронтом, — как можно спокойнее ответил я, — рубеж мы строим для наших войск.

— Тогда почему часть амбразур и пулеметных ячеек оказались смотрящими в наш тыл? Кто проводил рекогносцировку?

— Рекогносцировку проводили работники штаба Калининского фронта. При изучении проекта я пришел к выводу, что в наш тыл обращено слишком много огне-

вых точек, и я их, наоборот, сократил. Я увидел в проекте еще некоторые изъяны и решил их исправить на месте.

— Он, видите ли, увидел! Он решил! Новоявленный Наполеон выискался! — восклицал Конев с нескрываемой иронией, явно недовольный ответом. — Если увидел, то почему не доложил? Сколько времени на фронте?

— На фронте с первого дня войны. Встретил фашистов под Шакем на границе с Восточной Пруссией. Что касается доклада, то я о внесенных изменениях доложил в штаб инженерных войск фронта.

— А до того решил принять удар на себя? — уже мягче, с улыбкой, спросил Конев и, не дожидаясь ответа, сказал: — Если в штабе инженерных войск не разобрались, тогда докладывайте Военному совету, мы слушаем...

— Разрешите? — развернул свою карту, положил перед командующим фронтом и сделал подробное обоснование и анализ внесенных мною в проект обороны изменений. В некоторых батрайонах обороны я сократил количество амбразур, обращенных в наш тыл, в других изменил направление огня, учитывая оперативную обстановку на фронте и особенности рельефа местности.

Иван Степанович ходил по блиндажу, слушал внимательно, не перебивая, лишь изредка поглаживая тщательно выбритую голову. А когда я закончил доклад, обосновав все мои отступления от проекта, начал засыпать меня вопросами.

— А вот здесь у вас окопы или траншея?

— Траншея, товарищ командующий.

— А проектом предусмотрены окопы.

— Окопы, товарищ командующий, изживают себя. При стремительном наступлении и кратковременной обороне окопы, конечно, спасают бойцов, но когда мы создаем оборонительный рубеж заблаговременно, то траншейная система надежнее. Боец в траншее чувствует локоть товарища, при обстреле он может быстро переместиться из одной стрелковой ячейки в другую, если же...

— Ясно, товарищ Григоренко, — не дал договорить Иван Степанович. Только впоследствии я узнал, что Конев был ярким приверженцем траншейной системы обороны с ходами сообщения и землянками для отдыха бойцов. А сейчас он просто испытывал меня. — Какова готовность рубежа?

Я ответил. Командующий задал еще несколько вопросов, которые говорили о его осведомленности и заинтересованности в создании прочной оборонительной линии, потом повернулся к начальнику инженерных войск фронта генерал-майору Баранову:

— Как выглядит бригада Григоренко среди двух остальных?

— Отлично выглядит, товарищ командующий.

— Чего же вы к нему придираетесь?

И. С. Конев стал диктовать приказ секретарю Военного совета, в котором отмечалась хорошая работа седьмой инженерно-саперной бригады, а затем говорилось, что служба укрепрайонов фронта и его штаб инженерных войск не оказывают бригаде должной помощи, и в связи с этим полковнику Басилову объявлялся строгий выговор, а начальнику инженерных войск Баранову выговор.

Тут я не удержался:

— Товарищ командующий, генерал Баранов никогда не отказывал нам в помощи.

— Не вмешивайся! Мы лучше знаем, какую он тебе помощь оказывал,— и к секретарю: — Пиши... Баранову — выговор... Начальнику штаба указать. Самоустранились от оборонительных работ.

Закончив диктовать приказ, Иван Степанович вновь обратился ко мне:

— Комиссар у тебя как? Справляется?

— Справляется, товарищ командующий. Бывший донецкий шахтер Ващенко Василий Игнатьевич.

— Награжденные в бригаде есть?

— Нет, товарищ командующий.

— А говоришь — справляется,— усмехнулся Иван Степанович.— Не уезжая отсюда, к утру подготовь награжденные реляции на достойных. Военный совет подпишет.

— Спасибо, товарищ командующий.

— Сам какие имеешь награды?

— Никаких не имею. Не за награды воюем.

— Подготовьте, товарищ Баранов,— обратился Конев к начальнику инженерных войск фронта,— награжденные на Григоренко и Ващенко...

Этот вызов и доклад командующему фронтом открыли мне глаза на многое. Я по-настоящему поверил тогда в свои силы, а главное, понял, что, сообразуясь с общими установками, нужно проявлять разумную собственную инициативу, а не быть бездумным исполнителем. И если

ты абсолютно уверен в своей правоте, то доказать ее не так уж сложно любому вышестоящему начальнику, если, конечно, он не какой-нибудь самодур. Хотя над самодурами тоже есть начальники. С тех пор глубокий анализ обстановки и инициатива окончательно стали моим жизненным кредо, моим твердым правилом, которым я всю жизнь руководствовался, на каких бы постах и должностях ни работал.

После войны мне довелось много лет работать под руководством Маршала Советского Союза И. С. Конева и Маршала Советского Союза М. В. Захарова. Мы неоднократно встречались на коллегии Министерства обороны, служебных совещаниях, торжественных заседаниях, учениях и в дружеской обстановке. Встретив меня в отделении водных процедур карловарского санатория в Чехословакии, Иван Степанович Конев потащил меня в массажную и не ушел, пока сестры не сделали мне в его присутствии общий массаж. «Обязательно ходи на массаж, — напутствовал он. — Это очень полезная штука».

Матвей Васильевич Захаров, работая над книгой, несколько раз звонил мне и консультировался по вопросам фортификации и инженерных заграждений. Я уже отмечал его мягкий характер, но однажды он поразил меня, когда на одном из активов буквально выкрикивал критические замечания в адрес Н. С. Хрущева за уничтожение боевой техники.

Новое назначение

В начале февраля 1943 года мне присвоили звание инженера-подполковника и назначили начальником штаба инженерных войск 3-й ударной армии.

Если новому званию я откровенно порадовался, то новое назначение воспринял очень болезненно. За долгие и трудные месяцы я сроднился со своей седьмой бригадой, переформированной недавно во 2-ю инженерно-минную бригаду, что еще более поднимало ее значение, хорошо знал, кто из командиров на что способен. Ведь как-никак мне довелось бригаду формировать, обучать, подбирать кадры, испытывать их в тяжелой боевой обстановке. Появились и друзья. Наиболее близок мне

был тогда москвич выпускник Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева воентехник 1-го ранга Михаил Алексеевич Дудин. Мы всегда вместе отыскивали наиболее приемлемые варианты очередных оборонительных рубежей или минных полей. А в редкие, но все-таки выпадавшие свободные минуты говорили с ним на самые разные темы, как это бывает с людьми, очень близкими по духу. И вот теперь приходилось расставаться...

Штабная работа, честно говоря, тоже не очень-то меня привлекала. Но приказ есть приказ. Я сдал бригаду, воинский коллектив которой проводил меня очень тепло, и выехал к новому месту назначения. Несколько успокаивало лишь то обстоятельство, что я буду возглавлять штаб инженерных войск 3-й ударной армии, прославившей себя в завершившейся Великолукской наступательной операции — Сталинградской битве в миниатюре. Не буду останавливаться на ходе и результатах этой операции, поскольку о ней достаточно подробно сказано в нашей военной мемуарной литературе. Скажу лишь, что Великие Луки — один из первых советских городов, которым наши войска овладели штурмом.

В 3-ю ударную армию я прибыл в тот момент, когда она, завершив окружение и разгром фашистского гарнизона Великих Лук — города, имевшего особое стратегическое значение, как важнейшего в этом районе железнодорожного узла, переходила к обороне.

В эти же дни завершалась ликвидация более чем 300-тысячной немецко-фашистской группировки под Сталинградом. Армии Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду Ленинграда. Была очищена от противника огромная территория на юге страны. Начинаясь новый период Великой Отечественной войны. До окончательной победы над фашизмом было еще далеко, но каждый из нас уже ощущал ее приближение, и настроение у бойцов и командиров было приподнятым.

Командующий 3-й ударной армией генерал-лейтенант Кузьма Никитович Галицкий, которому меня представил его заместитель — начальник инженерных войск полковник Виталий Иванович Зверев, встретил меня настроенно и как-то, я бы сказал, подозрительно. Ему, видимо, не понравилось, что на задаваемые многочисленные вопросы я, по гражданской своей привычке и складу характера, отвечал спокойно, не вскакивая и не вытягивая руки по швам. Не понравилось ему, вероятно, и то,

что иногда я отстаивал свою точку зрения, достаточно убедительно, как мне казалось, аргументируя ее.

К тому же кадровые военные в большинстве своем хоть в какой-то мере знали друг друга либо по совместной учебе и довоенной еще службе, либо при частых встречах на различного рода совещаниях, учениях, маневрах, и у них сразу находились общие знакомые, завязывался свой, только им понятный до конца разговор, а я в таких случаях ощущал себя «белой вороной».

— Ну ладно, идите...— сказал Галицкий, когда все его вопросы ко мне были исчерпаны. Зверева он попросил остаться.

Много позже Виталий Иванович рассказал мне, что командующий армией сказал: «Надо присмотреться к начальнику штаба. У него очень много собственных мнений».

Вскоре у меня произошла с Галицким первая стычка. Виталий Иванович был в частях, и дежурный офицер передал трубку мне, предупредив, что со мной будет говорить командарм.

— Церковь в Великих Луках видели?

— Видел, товарищ командующий.

— Срочно замаскируйте.

— Зачем?

— Вы еще спрашиваете! Неужели не понимаете, что она является отличной мишенью и ориентиром для самолетов противника?

— Понимаю, но маскировка не даст результата. Как ни маскируй высокое одиночное здание, оно все равно отбрасывает тень, по которой любой летчик сразу же определит его местонахождение.

— Продумайте тип маскировки. И исполняйте. Это приказ. Вы меня поняли?

— Понял, товарищ командующий.

Положив трубку, я подумал, что с таким командующим мне, наверное, не сработаться. И в который уж раз пожалел о бригаде. Но, к счастью, оказалось, что я глубоко заблуждался в своем предположении. Мы не только сработались, но и стали с К. Н. Галицким большими друзьями до конца его жизни.

Церковь мы, разумеется, замаскировали для успокоения Кузьмы Никитовича. Немцам, просидевшим в Великих Луках немалое время, хорошо был известен и пристрелян каждый участок города, так что камуфляж церкви никакого значения не имел.

В. И. Зверев спорить с командующим не стал бы и, вероятно, был бы прав: приказ-то все равно пришлось выполнить.

Начальник инженерных войск армии полковник В. И. Зверев отлично знал свое дело, но без команды свыше решений не принимал и своих предложений не вносил. Причиной тому, на мой взгляд, была не природная инертность, а постоянно мучающая его тяжелейшая астма. При малейшем волнении он начинал буквально задыхаться и потому старался избегать каких-либо споров, тем более с вышестоящими начальниками. Частые поездки в воинские части, вылазки на передовые позиции, рекогносцировки тоже были для него затруднительны. Так он выработал для себя исполнительский стиль, но смекалку и инициативу своих помощников и корпусных и дивизионных инженеров никогда не зажимал, а, наоборот, всячески поощрял и поддерживал.

У меня же и характер был несколько иной, и здоровье не подводило, поэтому подобный стиль работы казался мне чужеродным, и я считал, что если тебя не беспокоят приказы, то сам должен глядеть вперед и вносить на рассмотрение командующего соответствующие обстановке предложения или в пределах твоей компетенции принимать решения и действовать. Это мое качество пришлось по душе Виталию Ивановичу, и мы как бы поменялись ролями: я все время в основном проводил в войсках, на передовых позициях, а он в штабе. Отношения между нами сложились очень теплые, дружеские, понимали мы друг друга с полуслова, и та дистанция, которая обычно существует между начальником и подчиненным, сократилась до предела. Вскоре я почувствовал и более доброжелательное отношение ко мне командующего армией.

Возможно, первопричиной тому послужило следующее...

После штурма Великих Лук ряды армии значительно поредели, а полоса ее обороны составляла по фронту 105 километров. Все, что можно было сделать для укрепления оборонительной линии, мы делали. Саперы работали сутками с коротким перерывом для сна, на который выпадало в основном дневное время, когда при хорошей видимости со стороны противника инженерные работы приходилось прекращать до наступления темноты.

Проведя рекогносцировку, я обратил внимание на весьма слабую оборону войск, располагавшихся по

южному берегу реки Ловать. Слишком все было здесь жидковато, и у меня не оставалось сомнений, что немцы нащупают это слабое место и, перегруппировав войска, легко смогут форсировать реку и организовать наступление. В. И. Зверев разделял мою точку зрения и при очередном докладе высказал ее К. Н. Галицкому. Командарм со своей стороны из-за отсутствия резервов не мог усилить оборону, не ослабив ее в другом месте. А опасность прорыва была велика. К тому же данные последней разведки говорили о том, что противник на своем берегу Ловати начал сосредотачивать танки и артиллерию.

Не один час я провел на НП помандира полка, изучая в бинокль рельеф местности и оборону противника, пока не пришел к выводу: сделать скрытно от немцев плотину на р. Ловать. Наш берег был более высоким, и плотина должна будет поднять уровень воды в реке, затопить все немецкие фортификационные сооружения и сделать местность непроходимой для танков и самоходных установок.

Пригласил к себе начальника гидрогеологической службы военинженера 2-го ранга Н. Н. Князева, поделился с ним своими соображениями. Рассчитали объем работ, определили необходимые силы и средства для создания плотины. Лучшего варианта придумать вроде бы было нельзя.

Доложили об идее Галицкому. Командарм ухватился: — Пожалуй, это выход. Сколько потребуется времени для возведения плотины?

— При наших возможностях не менее десяти дней.

— Много. Какая необходима помощь, чтобы максимально ускорить работы?

Мы хорошо знали, что командующий вряд ли сможет помочь нам людьми — пополнение для армии было где-то в пути. Саперные батальоны дивизий тоже были укомплектованы не полностью, инженерных технических средств почти никаких, на подводах много не возишь. Вот если бы...

— Нам бы автотранспорт, товарищ командующий...

— Сколько?

— Пятьдесят автомашин, — сказал я в надежде, что командующий изыщет возможность дать нам хотя бы половину.

— Хорошо. Вечером автомашины будут.

Выбрали место в излучине, которая не просматрива-

лась с противоположного берега, где мы удерживали небольшой плацдарм, и лишь только стемнело, начали подвозить к реке камни и забрасывать ими русло Ловати. С рассветом работы прекращали.

Немцы всполошились лишь тогда, когда Ловать в их расположении вышла из берегов и начала затапливать траншеи и блиндажи. Гитлеровцы вынуждены были приступить к поспешной эвакуации из этого района воинских подразделений и техники. Неожиданно над нами закружил фашистский самолет-разведчик «фокке-вульф», прозванный солдатами за двойной фюзеляж «рамой». Появление в небе «рамы» никогда ничего хорошего не предвещало. Так случилось и на этот раз. Через каких-нибудь час-полтора на нас черными воронами налетели фашистские бомбардировщики. При массивной бомбежке плотина была частично разрушена, выбыли из строя убитыми и ранеными 54 сепера, смертельно ранило начальника гидрогеологической службы Князева, который до войны работал проектировщиком гидротехнических сооружений в куйбышевской проектной организации и был незаменимым консультантом при возведении нашей плотины. Меня тоже задело несколькими осколками, но не настолько, чтобы идти в госпиталь. Воспользовался лишь услугами врача.

Позже мы восстановили плотину, хотя теперь она уже не играла той роли, для которой была предназначена вначале. Главную задачу она выполнила. Плацдарм, с которого гитлеровцы готовились к прорыву нашей обороны, оказался заболоченным, немецкие танки не смогли бы преодолеть это препятствие. Намечавшееся наступление гитлеровцев на этом участке 3-й ударной армии было сорвано, что в свою очередь позволило значительно укрепить другие участки обороны.

В армию начало поступать пополнение. Кое-что из него «перепало» и саперным частям. В основном это были «нестроевики», люди в возрасте, негодные, главным образом, по состоянию здоровья к службе в стрелковых, танковых или артиллерийско-минометных частях. Саперные подразделения нередко укомплектовывались также солдатами, имевшими физические недостатки после ранений и излечения в госпиталях. Хотя без саперов не могли обойтись ни пехотинцы, ни артиллеристы, ни танкисты, ни даже войсковые разведчики, потому что и впереди разведчиков всегда шел сапер, чтобы расчистить путь от мин и заграждений.

Нам нередко приходилось вступать в «бой» с армейскими органами укомплектования личным составом, чтобы получить в саперные батальоны молодых боеспособных солдат, которые могли бы сопровождать танки и самоходные орудия, минировать и разминировать поля, подрывать мосты и фортификационные сооружения. Командарм Галицкий высоко ценил роль саперных подразделений, всегда шел нам навстречу и давал соответствующие указания отделу укомплектования.

Пополнение, разумеется, приходилось обучать, и на это у командного состава саперных подразделений уходило много времени. Нередко отрывали саперов от учебы, и они шли в так называемые «бои местного значения». Расскажу об одном из них, в котором мне пришлось принять личное участие.

После того как войска 3-й ударной армии штурмом выбили немцев из г. Великие Луки, гитлеровские войска отошли и заняли оборону на заранее подготовленном оборонительном рубеже по Птахинским высотам. Птахинские высоты названы по имени неподалеку расположенной деревни Птахино. Высоты эти находились в руках противника, были оборудованы в боевом и инженерном отношении и господствовали над окружающей местностью.

В ясную погоду гитлеровцы просматривали с них оборону наших войск на 6—10 километров.

В конце июня Военный совет армии принял решение на штурм Птахинских высот. Данные аэрофотосъемки, войсковых и инженерных разведок свидетельствовали о том, что сделать это будет не просто. Подступы к высотам прикрывались двумя поясами колючей проволоки и минными полями. Все они были «истыканы» дзотами, пулеметными гнездами и площадками. В нескольких линиях траншей полного профиля, в блиндажах и землянках засели сотни фашистов, готовых удерживать высоту до последнего.

После тщательной подготовки начался штурм высоты подразделениями 141-го гвардейского стрелкового полка, которым командовал смелый и решительный подполковник П. С. Романенко. Штурм начали глубокой ночью, когда гитлеровцы ничего подобного не ожидали. И первыми пошли на штурм саперы — две группы разграждения, возглавляемые сержантами Ившиным и Горбенко. За несколько часов двадцать саперов проделали шесть проходов в минном поле, обезвредив 736 противотанко-

вых и противопехотных мин. И сделано это было без единой ошибки, без единого подрыва, что сразу же, конечно, всполошило бы немцев. По проходам ринулись в бой автоматчики. Через час на вершине высоты был водружен красный флаг. Но это еще не было ни разгромом засевших на высоте гитлеровцев, ни нашей победой. Опомнившись, фашисты бросились в контратаку. Начались кровопролитные бои, которые и именовались в сводках Совинформбюро боями местного значения. Гитлеровцы бросали в бой за высоту все новые и новые части, поддерживаемые танками и артиллерией.

— Нужно спасти положение инженерными средствами, — сказал командарм В. И. Звереву. — Пусть Григоренко едет туда и на месте руководит действиями саперов.

Думается, что К. Н. Галицкий решил устроить мне вторично проверку на мужество, испытать способности начальника штаба инженерных войск в особых боевых условиях. Первый раз такой экзамен был устроен мне командармом в районе Великих Лук, где армия после штурма города занимала оборону на широком участке фронта сравнительно малыми силами. В течение недели мы с начальником оперативного отдела полковником Полетаевым по поручению командарма ползком проверяли надежность переднего края нашей обороны, а затем и глубину обороны. Ночи были темными, и фашисты «полосовали» поверхность земли трассирующими пулями. Это позволяло им видеть, что делается у них перед передним краем. Оборону армии мы проверили тщательно.

К высоте вела одна-единственная, наспех вырытая траншея неполного профиля. По ней, пригнувшись, уходили на высоту бойцы, доставлялись боеприпасы, по ней же санитары выносили раненых. Траншея и прилегающие к ней участки непрерывным и плотным огнем обстреливались вражеской артиллерией. Многие бойцы не успевали добраться даже до траншеи и тяжело, а то и смертельно раненные падали возле нее. У меня на всю жизнь остался в памяти образ пожилого солдата с начинающими мутнеть глазами. Он умолял меня пристрелить его. У солдата были оторваны ноги и руки. Санитары по моему приказу под огнем перевязали его, вынесли с поля боя и доставили в госпиталь. Позже я позвонил начальнику госпиталя, спросил о его судьбе. Врачи не смогли сохранить ему жизнь.

На высоте я разыскал командно-наблюдательный пункт командира полка П. С. Романенко. Он разместился в немецком блиндаже буквально в нескольких десятках метров от противника. Блиндаж беспрестанно обстреливался. Однажды при очередной контратаке гитлеровцы так близко подошли к блиндажу, что нам пришлось пустить в ход гранаты.

Моя задача заключалась в том, чтобы путем установки минных полей преградить путь пехоте и танкам противника. Эти работы мы проводили в ночное время, что называется «под самым носом» у немцев и под прикрытием нашего пулеметно-минометного огня. При последующих атаках гитлеровцы, не подозревавшие об установленных нами минных заграждениях, подрывались на них десятками. Подорвались также и несколько танков.

Более двух недель длились бои за Птахинские высоты. Немцы не смогли возвратить свои позиции, столкнувшись со стойкой обороной полка Романенко.

При очередной встрече с командармом я не мог не обратить внимания на то, что Кузьма Никитович посмотрел на меня совершенно иными глазами.

К Невельской наступательной операции 3-я ударная армия готовилась тщательно. Провести ее предстояло малыми силами — у фронта не хватало резервов для усиления армейских соединений. Противник же, воспользовавшись длительной оперативной паузой, создал вокруг Невеля мощную оборону глубиной до семи километров с сильными опорными пунктами и узлами сопротивления. Лесисто-болотистая местность с большим количеством озер и речек затрудняла наступление наших войск. Было над чем подумать общевойсковым командирам и особенно инженерным начальникам.

Саперы ночами прокладывали колонные пути, чтобы обеспечить необходимую в ходе операции перегруппировку войск, подвоз боеприпасов, военной техники и другого снаряжения, восстанавливали разрушенные мосты через реки и речки для пропуска танков и артиллерии.

Через реку Ловать мы построили четыре новых моста, в том числе два из них специально для пропуска танков и тяжелой артиллерии. Подумали и о реке Шестихе, которая пока находилась в глубине обороны противника, но она могла стать для нас серьезной преградой. Саперы заблаговременно изготовили несколько

сборных мостов для танков, чтобы в ходе наступления установить их в считанные минуты.

Мы помогали войскам оборудовать исходные позиции, строили командные и наблюдательные пункты, создавали подвижные отряды заграждения для закрепления захваченных рубежей. При подготовке Невельской операции действовали инженерные наблюдательные посты, в задачу которых входила разведка минных полей противника, инженерных заграждений и сооружений, чтобы определить маршруты прохода танков и пехоты и своевременно их разминировать.

3 октября началась перегруппировка войск. Проводилась она скрытно от противника, в ночное время, в лесу. Саперы в срочном порядке возводили блиндажи для узлов связи и пунктов управления, несли комендантскую службу на переправах, а 5 октября приступили к устройству проходов в своих и противника минных полях и заграждениях.

В 10.00 6 октября после артиллерийской подготовки армия пошла в наступление, а уже в 12.20 по приказу К. Н. Галицкого двинулись к Невелю колонны эшелона развития прорыва: 78-я танковая бригада полковника Я. Г. Кочергина и посаженный на автомашины 59-й гвардейский стрелковый полк, возглавляемый подполковником Н. М. Чеботаревым.

«Начав движение в быстром темпе,— писал об этом в своей книге «Годы суровых испытаний» К. Н. Галицкий,— колонны, однако, вскоре пошли медленнее. Встретились заболоченные участки дорог и, главное, минные поля. Пришлось направить туда начальника штаба инженерных войск армии подполковника М. Г. Григоренко, приказав ему обеспечить продвижение колонн, а танкистам — усилить темп наступления. Саперы действовали отважно и умело. Особо отличилась в этот момент саперная рота старшего лейтенанта Толстикова. Ее бойцы, бесстрашно двигаясь впереди танков под огнем противника, разведали и разминировали дорогу на значительном участке. Колонны быстрее пошли вперед».

Мы действительно настолько быстро и неожиданно для гитлеровцев ворвались в пределы их обороны и смяли ее, что немцы не успели подорвать мосты через реку Шестиху, и по ним, не останавливаясь, проскочила наша танковая колонна. А те сборные мосты, которые мы готовили для этого случая, пригодились нам позднее.

В 16 часов 40 минут Невель был взят. Полковник

Я. Г. Кочергин отправил по этому поводу командарму радиogramму. Галицкий, видимо, усомнился и разыскал по рации меня:

— Где вы сейчас находитесь?

— В квадрате таком-то.

— Так это же Невель!

— Так точно, товарищ командующий,— Невель!

Как потом стало известно, не сразу уверовали в это сообщение и в штабе фронта, и в Ставке. Не только для врага был столь внезапным и стремительным наш бросок, но и неожиданным для вышестоящих штабов.

Противник предпринимал многократные попытки вернуть освобожденный нами город, поддерживал контратакующие части с воздуха. В отдельные дни количество самолето-вылетов фашистской авиации доходило до девятисот. По невелиским улицам не прошел больше уже ни один гитлеровец, исключая, конечно, военнопленных.

Вскоре меня вызвал к себе К. Н. Галицкий. На стене его землянки висела карта с нанесенной оперативной обстановкой по состоянию на сию минуту. На ней хорошо был виден разрыв между группами армий «Север» и «Центр» протяженностью в 30 километров, образовавшийся в результате нашего внезапного удара. Кузьма Никитович подошел к карте и сказал:

— Вот на этом участке фронт немцев разорван и не занят противником. Мне только что звонил Верховный и поставил такую задачу... Снабжение войск Гитлера осуществляется по железнодорожной магистрали Рига—Москва через станцию Пустошка. На станции есть мост, охраняемый сухопутными подразделениями и самолетами противника с близрасположенных аэродромов. Если мост разрушить, снабжение войск противника затруднится. Уничтожить мост можно взрывом, который могут осуществить группы саперов, засланные в тыл противника. Операция, сами понимаете, опасная и сложная...

После минутного размышления у карты я сказал:

— Десант для подрыва моста будет направлен через час. Операцию я возглавляю сам.

Галицкий обрадовался:

— Ну тогда я спокоен. Только не забудьте, что мост охраняется. Сначала надо уничтожить охрану.

Когда я уже был в дверях землянки, Кузьма Никитович окликнул меня:

— Да, забыл вам сказать... Верховный предупредил,

что участникам подрыва моста в тылу врага будут присвоены звания Героев Советского Союза.

Лучше бы он этого не говорил! Меня прямо-таки взорвало:

— Тогда я не буду принимать участия в подрыве моста.

— Почему?

— Вы, товарищ командующий, теперь уже знаете мой характер. Я воюю не за награды, как бы они дороги ни были, а за Родину.

Галицкий помолчал и сказал:

— В таком случае условимся так: все участники будут награждены, кроме вас.

— Хорошо,— ответил я.

Командарм почувствовал себя неловко.

Возвратившись в свою землянку, я отдал распоряжение поднять по тревоге один взвод с тремя автомашинами, загруженными противотанковыми минами и средствами взрывания. Взял с собой троих старших офицеров из штаба инженерных войск армии и армейской инженерно-саперной бригады, а также командира роты. В таком составе мы и тронулись в путь. Впереди колонны из трех автомашин шел я с офицерами, на первой машине разместился взвод саперов, вторая была загружена противотанковыми минами, третья — средствами взрывания. Мы были во фронтовой офицерской форме со знаками различия. Дорога проходила по кромке глубокого обрывистого оврага. Я проявил недопустимую беспечность, не выслав вперед группу разведки, в полной уверенности, что немцев впереди нет. Шли спокойно, переговариваясь между собой. Подошли к густому лесному массиву с многолетними деревьями. Вдруг из-за деревьев вышли немецкие автоматчики. У двоих были ручные пулеметы. Нас разделяли 30—50 метров.

Мы застыли как вкопанные. Немцы не стреляют, стоят молча, широко расставив ноги, изготовившись к стрельбе. Сколько длилось это противостояние, точно не скажу. Может быть, секунду, может десять. Лихорадочно работал мозг: что делать? как поступить? В кобуре один парабеллум. У других пистолеты разных систем. Да и не успеешь протянуть к нему руку, как тебя тут же прошьет автоматная очередь. Наши солдаты на краю леса в автомашинах, сидят, ничего не подозревая. А немцы стоят и не стреляют, будто ожидают от нас каких-то действий, чтобы лишь тогда принять ответные меры.

И тут я ощутил сильный толчок двумя руками в спину, и от толчка полетел в овраг, цепляясь за острые выступы засохшей глины. Это меня толкнул кто-то из сопровождавших офицеров. Следом прыгнули в овраг остальные участники десанта. И тогда немцы открыли огонь, но теперь он был безопасен для нас. Мы находились в «мертвой зоне». По дну оврага вышли к своим войскам.

Тем временем на стол командарма легли свежие разведанные, говорящие о восстановлении немцами фронта в недавнем разрыве, и Кузьма Никитович глубоко переживал это обстоятельство, считая, что нас уже нет в живых. И надо было видеть его обрадованный взгляд, когда я с исцарапанным кустарником лицом, в порванной шинели явился в штаб и доложил о случившемся.

Потери наши были невелики, но, к сожалению, напрасны. Погибли двое солдат, и была взорвана машина с детонаторами. Станцию Пустошка впоследствии мы взяли обходным маневром с невредимым железнодорожным мостом, по которому тотчас пошли составы с нашими воинскими эшелонами. Но до сих пор я не могу объяснить поведение немцев, когда мы столкнулись с ними лоб в лоб.

— Думаю, они вас испугались,— пошутил Галицкий после моего рассказа.

Испугаться нескольких фактически безоружных офицеров они, конечно, не могли. Вероятнее всего, им была дана команда без приказа не стрелять, либо они решили, что мы поднимем руки и они возьмут в плен группу советских офицеров во главе с подполковником (тогда это был высокий чин), либо просто пришли в недоумение, увидев спокойно разгуливающих советских офицеров, и опомнились от замешательства, лишь когда мы кинулись в овраг. Во всяком случае, нам осталось лишь благодарить судьбу за благополучный исход неудавшейся операции по подрыву железнодорожного моста на станции Пустошка.

А в конце ноября мы распрощались с Кузьмой Никитовичем Галицким. Ставка назначила его командующим 11-й гвардейской армией вместо генерала Баграмяна, который вступил в командование 1-м Прибалтийским фронтом. Галицкому приказано было немедленно выехать к месту нового назначения, не ожидая прибытия своего преемника.

Кузьма Никитович собрал офицеров и генералов полевого управления армии, сообщил о своем отъезде,

поблагодарил за совместную службу и пожелал нам дальнейших боевых успехов. В его глазах мы не усмотрели радости, хотя новое назначение говорило о признании его ратных заслуг. Как-никак, а нелегко расставаться с армией, с которой сроднился, с людьми, с которыми «своевался», с планами, которые не удалось осуществить.

Я особенно тяжело переживал расставание с К. Н. Галицким. Только-только узнали и поняли мы друг друга, и вот на тебе...

Виталий Иванович Зверев однажды едва уловимым намеком дал понять, что Кузьма Никитович не из тех командармов, которые легко расстаются с людьми. Вот, дескать, примет армию, оглядится и тогда уж попросит командование фронта или Москву о переводе нужных ему людей в 11-ю гвардейскую.

Вскоре я получил предписание штаба фронта сдать дела и прибыть в 11-ю гвардейскую армию на пост начальника штаба инженерных войск. Несколько позже заместителем командующего и начальником инженерных войск 11-й гвардейской армии был назначен генерал-майор В. И. Зверев. Так мы опять оказались вместе.

Операция «Багратион»

В 11-ю гвардейскую армию я прибыл в январе 1944 года. Армия только что завершила Городокскую наступательную операцию, в ходе которой были разгромлены семь немецких дивизий, срезан городокский выступ фронта противника и наметились пути к наступлению на Витебск. 11-я гвардейская тщательно готовилась к этому наступлению, но в середине апреля по приказу командующего фронтом она сдала свою полосу обороны войскам 43-й армии и была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования.

Мы догадывались, что армию будут готовить к новому решительному наступлению.

Соединения армии расположились в лесах близ Невеля. Сомкнутые ветви вечнозеленых сосен и елей скрывали солдат от вездесущего глаза противника, и мы бла-

годарно поглядывали на могучие кроны деревьев, видя в них добрых защитников от вражеской разведки.

Саперам, как всегда в таких случаях, пришлось обустроить штаб армии. Сооружали командный пункт армии, строили блиндажи и склады, тщательно маскируя их от вражеского наблюдения с воздуха. А потом началась учеба. В армию пришло молодое пополнение, не имеющее боевого опыта. Значительно обновились и саперные подразделения. «Старичкам» тоже не следовало терять боевого духа, расслабляться в теплых землянках. На боевую и политическую учебу ежедневно отводилось до десяти часов. Остальное время также было расписано по минутам.

Все виды войск занимались по отдельным программам. Суворовское «Тяжело в учении — легко в бою» повторялось тогда особенно часто командирами подразделений и политработниками. Мы старались внушить бойцам и себе, что находимся не на учебном поле, а в настоящей боевой обстановке. Да и условия были максимально приближены к боевым. Учения по форсированию, например, проводились на реках Уша, Оболь, а также на озере Ордово. Главное заключалось в том, что саперы здесь отработывали взаимодействие с другими родами войск — пехотой, артиллерией, танками, отработывали до автоматизма. И четкое это взаимодействие оправдалось впоследствии при форсировании Березины, Немана и Прегеля. Ну и, конечно же, саперы учились минировать и разминировать поля, ставить различного рода заграждения, работать со взрывчатыми веществами, сопровождать танки и новые самоходные артиллерийские установки, которые впервые начали поступать в армию.

25 мая командарм получил приказ Генерального штаба о передислокации армии в район южнее г. Лиозно. Предстояло походным маршем преодолеть около трехсот километров в очень короткие сроки. Задача осложнялась тем, что ночи к этому времени стали слишком короткими, а пройти надо было скрытно от противника. И не какой-то группе бойцов, а многотысячной армии с тылами.

На подготовку к маршу отводилось менее двух суток. Несведущему человеку может показаться, что и этого времени многовато. Ну что там, дескать, солдату готовиться: натянул по тревоге сапоги, закинул за спину вещмешок, взял винтовку и пошагал... Солдату, и верно,

особой подготовки не требуется. Командованию же армии и ее соединений нужно было детально разработать маршруты и графики движения для каждого подразделения, прикрытие на марше войск огнем артиллерии и авиации, обеспечение питанием, горючим и прочее.

Работники штаба инженерных войск за эти двое суток фактически не смыкали глаз. На инженерные войска во время марша ложится особо ответственная задача. Если другие подразделения идут, как говорится, или едут, то саперы еще и работают. Офицеры инженерных войск несут комендантскую службу на переправах, регулируя движение и не допуская пробок. Выдвинутые вперед саперные части прокладывают колонные пути, строят мосты, переходы. Достаточно сказать, что только во время этого марша армейские саперы отремонтировали более 105 километров дорог, усилили и построили в общей сложности свыше 500 погонных метров мостов разной грузоподъемности, осуществили маскировочные мероприятия во время дневных стоянок. И все это нужно было заранее предусмотреть, разработать в штабных документах, подготовить необходимое количество различных строительных материалов и инструмента.

Соединения армии двигались не по одному, а по нескольким маршрутам. Во время марша пошли дожди, переходящие подчас в ливни. И в обычных-то условиях дождь, если нет крыши над головой, человека не радует, а во время похода и подавно. С одной стороны дождевые тучи были нам на руку — противник не мог засечь передвижение войск с воздуха, но с другой... Боевая техника увязала в размытых дорогах, машины буксовали, солдаты с трудом вытаскивали ноги из грязевой хляби. Но погонять никого не приходилось. Саперные и другие войсковые подразделения делали все, что было в их силах и возможностях, чтобы обеспечить этот маневр. Несмотря на все трудности, армия прибыла в заданный район точно в срок. «Марш частей и соединений 11-й гвардейской армии, — говорилось в приказе командования 3-го Белорусского фронта, — был организован и совершен образцово, войска своевременно вышли в указанный район сосредоточения».

О том, что передислокация пополненной личным составом и новейшей техникой 11-й гвардейской армии означает новую наступательную операцию, мы, конечно, предполагали, но о подлинном ее масштабе не имели представления. Подготовка к освобождению Белорус-

сии велась в обстановке строжайшей секретности, и даже командарм К. Н. Галицкий узнал о задачах предстоящей операции, носящей кодовое название «Багратион», лишь из устной информации командующего 3-м Белорусским фронтом генерал-полковника И. Д. Черняховского в штабе фронта. Лично я сделал соответствующие выводы о важности и ответственности предстоящей операции на том основании, что директивой штаба инженерных войск Красной Армии от 4.06.1944 года нам предстояло сформировать 66-ю инженерно-саперную бригаду. До этого штаб инженерных войск армии имел в своем непосредственном распоряжении два армейских саперных батальона — 226-й и 243-й. Остальные саперные части находились в ведении командиров войсковых соединений (корпусов и дивизий). Инженерная бригада давала штабу инженерных войск возможность более широкого маневра инженерными силами и средствами для выполнения возросших во второй половине войны задач инженерного обеспечения боевых действий войск армии. Армии периодически придавались батальоны, бригады и управления оборонительного строительства на время проведения наступательных операций.

Формирование бригады началось сразу же по прибытии армии на новое место дислокации на базе 226-го и 243-го армейских саперных батальонов, которыми командовали имевшие уже боевой опыт майоры Богуш, Малкин и Козин. Эти батальоны имели крепкий костяк опытных бойцов и командиров и хорошую подготовку к предстоящим боям. То же самое можно сказать и о вошедшем в состав бригады 57-м армейском саперном батальоне, который прибыл 22 июня, буквально накануне наступления, и был переформирован в 286-й инженерно-саперный батальон. Сложнее обстояло дело со 140-м инженерно-саперным батальоном, который вновь сформировался за счет прибывшего в армию пополнения, и в нем были представлены почти все воинские профессии, кроме саперов. Так что в начале операции этот батальон мог выполнять лишь вспомогательные работы. Не хватало опытных руководящих кадров для штаба бригады, недоставало техники и конной тяги, инженерного инструмента и оборудования.

И с командованием бригаде не везло. Народная мудрость гласит: «Каков поп, таков и приход». Нет у командира воли, характера, требовательности к себе и подчиненным — толку не будет.

Первым комбригом 66-й был назначен полковник Андреев, прибывший в бригаду из аппарата Государственного комитета обороны. Плохо разбиравшийся в инженерно-саперном деле, он с первых же дней повел себя заносчиво, спекулируя дружескими отношениями с К. Е. Ворошиловым. Командарм наблюдал за действиями комбрига Андреева и видел, что мне трудно оперативно проводить необходимые инженерные мероприятия с таким неповоротливым и некомпетентным командиром бригады. Не в моем характере жаловаться на подчиненных. Уверен, что и сам справился бы с недостатками Андреева, но на меня пала бы дополнительная нагрузка и нервное напряжение.

К. Н. Галицкий поставил доклад Андреева на заседание Военного совета армии.

Доклад комбрига был несамокритичен, попахивал демагогией, показывал, что полковник Андреев плохо знает положение дел в бригаде. Военный совет объявил ему выговор, а мне указал на недостаточную требовательность. Такой формулировкой командарм поддержал меня.

Инцидент на этом не был исчерпан. Дела в бригаде шли все хуже и хуже. В конце концов приказом командующего войсками 11-й гвардейской армии полковник Андреев был снят с должности и откомандирован в Москву в распоряжение отдела кадров начальника инженерных войск Советской Армии.

После Андреева на должность командира бригады был прислан полковник П. В. Хмыров. Надеялись получить боевого командира, но и на этот раз выбор оказался неудачным.

У меня случайно сохранился черновик аттестации, написанной на П. В. Хмырова начальником инженерных войск армии В. И. Зверевым.

«Полковник Хмыров в полевых войсках служил мало... Опыта в командовании, а тем более в организации специальных работ абсолютно не имеет. Несмотря на то, что бригада сформирована около двух месяцев, она до сих пор не представляет единый, цельный, способный выполнять боевые задачи организм.

Всякое руководство со стороны командира бригады и его штаба отсутствует. Полковник Хмыров не требователен. В батальонах, вошедших в состав бригады... упала дисциплина... Отсутствует всякий контроль, как батальонов, так и хозаппарата бригады. Участились слу-

чай несвоевременного исполнения приказов и обмана... Иногда проявляет элемент трусости: так, 15.7.44 г. при постройке моста через Неман, где авиация противника часто бомбила, несмотря на приказ о личном руководстве т. Хмырова работами, он на стройку не отправился, а сказался больным...

Вывод: должности командира бригады не соответствует».

После Хмырова на должность командира 66-й инженерно-саперной Неманской бригады прибыл подполковник Черепанов Анатолий Алексеевич. Подтянутый, с зычным командирским голосом. В сравнении с предыдущими комбригами, он явно выигрывал и дисциплинированностью, и искренним желанием исправить создавшееся положение в бригаде. Но, если говорить прямо, то и на него полностью положиться было нельзя.

Недостаток жизненного и боевого служебного опыта он пытался прикрыть излишней шумливостью, суетливостью, стремлением сделать все быстро, не продумав тщательно и спокойно поставленной задачи. Приходилось не только постоянно его контролировать, но в отдельных случаях и подменять, на что Черепанов, кстати, не обижался.

Наряду с новой бригадой армии из резерва Ставки Верховного Главнокомандования была придана 2-я гвардейская мотостурмовая инженерно-саперная бригада в составе 7, 8, 9, 10 и 11-го гвардейских мотостурмовых инженерно-саперных батальонов. Бригадой командовал полковник Г. Т. Соколов — энергичный, инициативный и опытный офицер.

Операция «Багратион» началась 23 июня 1944 года трехчасовой артиллерийской подготовкой вдоль автомагистрали Минск — Москва с направлением на Оршу.

В статье «3-й Белорусский фронт в операции «Багратион» генерал-полковник А. П. Покровский, бывший тогда начальником штаба 3-го Белорусского фронта, приводит примерное содержание директивы, направленной в армию перед началом наступления: «11-я гвардейская армия. Состав: стрелковых дивизий — 9, танковых бригад — 1, танковых полков — 4, танковых корпусов — 1. Противник — 256-я, 78-я пехотные дивизии обороняют подступы к Орше. Передний край — Костеево, Винокорно-1 и далее по западному берегу р. Черницы, Бабиновичи, р. Верхита, Протасово, Остров-Юрьев, Загвоздино. Удар нанести в полосе автомагистрали на м. Толочин,

Борисов. Разгромить оршанско-богушевскую группировку противника и к исходу десятого дня операции выйти на реку Березину в районе Борисова и севернее».

Специально разработанным планом инженерного обеспечения операции предусматривались организация и ведение непрерывной инженерной разведки, для чего в составе 66-й ИСБР теперь была создана отдельная разведрота, план форсирования Березины, дорожное обеспечение операции, разминирование, устройство проходов в заграждениях противника, строительство командных и наблюдательных пунктов и прочее.

К примеру, армейский наблюдательный пункт, который был построен в деревне Петрики, представлял из себя настоящий небольшой городок. Тут и железобетонные наблюдательные пункты с амбразурами, и блиндажи-убежища с тяжелым покрытием для командарма, члена Военсовета, начальника штаба армии, начальников родов войск, узла связи, оперативного отдела. Тут и аппарели для автомашин, и землянки для обслуживающего персонала, и ходы сообщения. И делать все это приходилось в исключительно короткие сроки.

Для проведения операции были оборудованы исходные позиции, проделаны проходы в минных полях и проволочных заграждениях, своих и противника, подготовлены траншеи с ходами сообщения, отремонтированы и приведены в проезжее состояние пути, ведущие к исходным позициям, чтобы в ночной темноте,— выход на них осуществлялся в ночное или предрассветное время— ни одно орудие не увязло и уж тем более чтоб никто не наскочил на необнаруженную мину. В ходе операции предстояло форсировать реки и ввести в прорыв танковый корпус или армию.

Перед началом наступления саперы в течение двух ночей, лишь только ступят сумерки, выходили на передовую линию и приступали к работе: делали проходы в минных полях, наших и противника, снимали проволочные заграждения, готовили исходные позиции в инженерном отношении. И все это под непрерывным огнем противника, при частых вспышках осветительных ракет, которыми немцы освещали обширную территорию, опасаясь внезапности ночной атаки с нашей стороны. За эти две ночи саперными подразделениями армии было проделано 150 проходов для пехоты шириной 10—15 метров и 33 прохода для танков шириной 30—40 метров. Было снято до 10 тысяч мин на наших полях и более

700 на полях противника буквально у него под носом.

Со всеми этими сложнейшими задачами инженерные войска армии с приданными соединениями и частями успешно справились. В ходе сражений ни одного подрыва личного состава и техники не было.

В первые часы операции наступающие войска армии столкнулись с мощной обороной противника, которую приходилось прогрызать буквально по метрам. На направлении вспомогательного удара восточнее автомагистрали наступление 31-й гвардейской стрелковой дивизии развивалось успешнее. К. Н. Галицкий решил перенести усилия войск с главного направления на вспомогательное. Войска двинулись через с трудом проходимые леса и болота, где оборона немцев была значительно слабее, поскольку они слишком большие надежды возлагали на эту лесисто-болотистую местность и нашу безынициативность.

Планы инженерного обеспечения операции, с такой тщательностью разработанные в нашем штабе, в связи со сложившейся оперативной обстановкой потребовали серьезной корректировки. Пришлось срочно осуществить маневр инженерными частями, усилив правое крыло армии саперами, на ходу менять дислокацию саперных подразделений, принимать новые решения, чтобы не затормозить успешно развивающееся наступление в полосе 31-й дивизии. В сверхсрочном порядке пришлось строить новый передовой наблюдательный пункт в районе Остров-Юрьев, куда перебрался со своим штабом командарм.

Стояла нестерпимая жара. От болот поднимался пар. Воздух в лесу был густым и тяжелым. Донимал всяческий гнус. Обливаясь потом, кляня все на свете, саперы валили деревья, прокладывали колонные пути, по которым тут же устремлялись вперед наступающие части армии.

Высокую оценку работе наших саперов дал командарм К. Н. Галицкий в своей книге «Годы суровых испытаний 1941—1944», и я позволю себе привести из нее слова командарма:

«Чтобы обеспечить боевые действия войск в лесисто-болотистом районе на направлении Остров-Юрьев, Выдрица потребовалось проложить не менее двух-трех деревянно-колейных и жердевых дорог. От этого во многом зависел успех наступления. Туда срочно послали на машинах все незадействованные инженерно-саперные и

дорожные армейские части. Организация и руководство их работой были возложены на начальника штаба инженерных войск армии полковника М. Г. Григоренко, энергичного и опытного военного инженера, которого я знал еще по 3-й ударной армии...

С утра (24 июня 1944 г. — прим. М. Г.) начали поступать тревожные донесения из наступающих дивизий: артиллерия, застревающая в болотах, отставала. Это могло задержать и наступление стрелковых частей. Кроме того нам ведь предстояло именно там ввести в сражение и танковый корпус. Стало ясно, что принятых мер по организации инженерных войск на путях наступающих войск недостаточно.

Связываюсь по телефону с генерал-майором В. И. Зверевым, только что прибывшим на должность начальника инженерных войск армии и уже выехавшим в 16-й гвардейский стрелковый корпус, где его помощь была особенно нужна. Он докладывает, что саперные части под руководством полковника М. Г. Григоренко вторые сутки работают без отдыха, делают все возможное. Приказываю дополнительно перебросить туда находящиеся поблизости инженерные подразделения, всех саперов использовать на постройке гатей и мостов.

Поистине героически работали в эти дни наши доблестные саперы. Они хорошо понимали, что от состояния дорог теперь зависит успех дальнейшего наступления. И трудились с напряжением всех сил. А сделать им пришлось очень много. Здесь встретилось большое количество мелких речушек. Через каждую из них можно было с разбега перепрыгнуть. Но в то же время их болотистые поймы оказались совершенно непроходимыми для артиллерии и танков. И саперам выпала нелегкая задача проложить путь нашей боевой технике. Были уложены тысяч бревен, многие километры жердевого настила, десять мостов, способных выдержать тяжесть танков и орудий.

Словом, инженерные части внесли огромный вклад в выполнение поставленных войскам задач».

Но не только дороги прокладывали саперы, и не только в этом проявлялся их героизм в те дни. В первый день наступления саперы 9-го ГМИСБ рядовые И. П. Суворов и К. А. Филиппов выполняли задание по пропуску пехоты, танков и транспорта через проделанные проходы в минных полях и инженерных заграждениях.

Саперы находились в той же траншее, где сосредото-

точилась для атаки пехота. Но когда раздалась команда «В атаку!», пехотинцы замешкались.

И тогда Суворов и Филиппов выскочили на бруствер и с криком «За Родину, за Сталина!» пошли вперед. За ними поднялась и пехота. Отважные саперы пали смертью храбрых, но благодаря их бесстрашию атака не сорвалась и враг был выбит из первых траншей.

А накануне, в ночь на 22 июня, когда пошел четвертый год со дня вероломного нападения гитлеровцев на нашу страну, командир отделения второй роты 9-го отдельного мотоштурмового инженерно-саперного батальона гвардии старшина И. С. Айдин в семидесяти метрах от немецких траншей под сильнейшим пулеметным и минометным огнем противника снял со своими саперами 350 противотанковых и противопехотных мин, в том числе около 90 мин лично. Затем в составе взвода, приданного 252-му батальону 84-й гвардейской стрелковой дивизии для проведения разведки боем, первым ворвался в гитлеровские траншеи, увлекая за собой стрелков-пехотинцев.

Подобных примеров я мог бы привести множество. Саперы всюду были на высоте, проявляя организованность, мужество, героизм.

Наступление армии развивалось в целом успешно. Уже к ночи 27 июня части 11-й гвардейской армии совместно с действовавшими на ее левом фланге подразделениями 31-й армии полностью очистили от противника Оршу, а в середине дня 30 июня передовые отряды гвардейских дивизий с боями прорвались к реке Березина. Инженерно-саперные подразделения тут же начали подготовку к форсированию реки и поздним вечером на другой берег на подручных средствах уже было переправлено несколько полков, продолживших преследование противника.

Березина являла собой весьма серьезную водную преграду для наступавших войск. Ее заболоченная пойма достигала местами двухкилометровой ширины. Немецкие фортификаторы всегда хорошо использовали естественные преграды, и задолго до нашего наступления создали сильный оборонительный рубеж по западному берегу Березины, прикрыв его на всем протяжении полосой инженерных заграждений. За ней проходили две — три линии траншей полного профиля с площадками для пулеметов, стрелковыми ячейками и огневыми позициями для минометов и артиллерии.

По решению командующего армией решено было форсировать Березину с ходу на широком пятидесятикилометровом участке фронта между озером Палик и поселком Новоселки. Свое решение К. Н. Галицкий обосновывал тем, что на таком широком участке противник не сможет создать сплошного фронта обороны. Он вынужден будет группировать свои войска у известных ему бродов и переправ, создавая предместные укрепления. Значит, надо обходить эти укрепления, не сталкиваться лбами, с ходу форсируя реку и расширяя занятый плацдарм.

В полосе предстоящего форсирования по моей просьбе авиаторы провели аэрофотосъемку. Она показала, что весь крупный лес вблизи реки вырублен. То ли немцы использовали его для строительства своей обороны, то ли вывезли в Германию. Так или иначе, а на нас ложились новые заботы: заранее заготовить детали мостов, материал для плотов и гатей. Тяжелее всего было с автотранспортом, которого нам всегда катастрофически не хватало. Приходилось планировать, что доставить в первую очередь, что потом. И сколько ни ломай голову, получалось, что все надо в первую очередь — и бревна, и понтоны, и лодки, и мины, и колючую проволоку. Выкручивались, как могли, используя и гужевой транспорт, и ручные переноски. Форсирование водной преграды — один из наиболее сложных видов боя.

Форсирование реки передовыми отрядами пехоты, которая обеспечивает захват плацдарма на противоположном берегу, — это только малая часть общей задачи, поставленной перед саперами. В дальнейшем на их плечи ложится обеспечение переправы всей армии до последнего обоза, и главное — танков, артиллерии, самоходных установок. Полковую артиллерию и минометы можно переправить на плотках и паромках, для тяжелой и танков нужны паромы большой грузоподъемности и мосты, и навести их требовалось в предельно сжатые сроки. Малейшая задержка — и наступление захлебнется, без поддержки танков могут погибнуть люди. Выручали смекалка, мастерство и сноровка наших саперов. И конечно же — полная отдача сил.

В районе деревни Студенка Борисовского района 243-му и 286-му инженерно-саперным батальонам, которые обеспечивали форсирование Березины в полосе действий 16-го гвардейского стрелкового корпуса, была поставлена задача восстановить разрушенный авиацией

противника 60-тонный мост, общая длина которого составляла 450 метров. Часть пролета была разрушена полностью, треть моста значительно повреждена. По самым строгим расчетам батальоны могли восстановить мост за 39 часов. Кроме обычных в подобных случаях работ по восстановлению конструкций, им предстояло усилить пролеты моста, чтобы по ним смогли пройти танки. А это значило нарастить 38 свай, установить пять рамных и одну ряжевую опору, забить 12 подкосных свай, уложить 104 метра прогона, 203 метра настила и оборудовать подъездные пути. И это при полном отсутствии каких-либо подъемных механизмов и при непрерывных налетах вражеской авиации.

Мост был восстановлен за 31 час, и по нему тотчас пошли грузы 16-го гвардейского стрелкового корпуса. Особенно отличились при этом инженерно-саперные роты лейтенанта Чекушина и капитана Башкова.

Не могу не сказать и о саперах 8-го гвардейского мотоштурмового инженерно-саперного батальона, который был придан 4-й гвардейской танковой бригаде.

За одну ночь со второго на третье июля танковая бригада блокировала местечко Смеловичи, резко повернула на юг, дошла до военного совхоза и отсюда по лесным дорогам, полям и лощинам через Водицы, Гончаровку, Юхновку и Королев Стан ворвалась на рассвете в столицу Белоруссии город Минск. Не удалось бы танкистам совершить подобный маневр без помощи саперов, которые за одну эту ночь отремонтировали три и построили два восьмиметровых моста, проложили тридцатиметровый бревенчатый настил, выполнили много других работ. Танки не знали задержки в пути, и скупой на похвалы комбриг вынес в эту ночь три благодарности мужественным саперам.

В Минск саперы ворвались на первых танках и по ходу их движения расстреливали фашистов, ошеломленных неожиданным «вторжением» советских войск.

В тот же день командир 4-й гвардейской танковой Тацинской бригады Герой Советского Союза гвардии полковник О. А. Лосик, в будущем маршал бронетанковых войск, написал отзыв:

«8-й гвардейский моторизованный штурмовой инженерно-саперный батальон, будучи с 20 июня с. г. приданным мне для инженерного обеспечения наступательных действий бригады, в проведенных боях с 23.06.44 по 3.07.44 вполне справился со своей задачей. Благо-

даря самоотверженной работе саперов, мои танки проходили через леса, болота, совершив рейд по тылам врага около 300 км. Работа саперов обеспечивала своевременное форсирование рек Одров, Друть, Березина и выход в город Минск.

Офицерский состав батальона проявил себя способным выполнять любые задания, бесстрашным на поле боя. Сержантский и рядовой состав вполне оправдал свое звание саперов-гвардейцев, быстро и умело возводил переправы, прокладывая гати через болота, смело и мужественно разил огнем своих автоматов гитлеровцев.

За 2 недели совместной боевой деятельности танкисты и саперы завязали крепкое боевое содружество, скрепленное не раз взаимной выручкой на поле боя.

Распоряжением штаба инженерных войск армии батальон был передан в оперативное подчинение 8-го гвардейского стрелкового корпуса.

Корпусной инженер гвардии подполковник Е. Ю. Гласко в восемь часов седьмого июля поставил перед первой и второй ротами батальона невыполнимую, казалось бы, задачу: к исходу дня восстановить мост через Березину в районе деревни Рудники. Саперам предстояло полностью заменить два разрушенных пролета и на всем протяжении моста сделать продольный колейный настил. Выручила изобретательность командира взвода коммуниста гвардии лейтенанта М. З. Клопера. Он предложил подвести под прогоны балки и при помощи четырех домкратов поднять все верхнее строение моста, избежав тем самым весьма трудоемкой работы по разборке прогонов и настила. И в 20.00 того же дня мост был восстановлен, и транспорт корпуса с боеприпасами и прочим снаряжением двинулся вслед за наступающими частями.

О поразительной изобретательности наших саперов во время форсирования Березины рассказал командир 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса генерал-полковник А. С. Бурдейный. В статье «Тацинцы в боях за Белоруссию» он писал:

«Уже глубокой ночью мотопехота переправилась на подручных средствах и выбила врага с западного берега, но перебросить танки и артиллерию нам сразу не удалось. Надо было восстановить мост. Других средств переправы корпус не имел. Как всегда в таких случаях нас выручили саперы. Саперный батальон под коман-

дованием майора Мельника в течение ночи обеспечил переправу танков на западный берег Березины. Мост длиной 600 м и высотой 8—12 м восстановить в течение короткого времени не было возможности. Саперы решили эту задачу просто, но оригинально: спилили полу-сгоревшие, частично взорванные сваи на разной высоте так, что, когда положили опоры и настил, то получился крутой спуск на западную пойму реки. По пойме проложили колею из подручного лесоматериала, и боевая техника пошла. Такой спуск позволял двигаться только вперед на запад, так как в обратную сторону преодолеть крутой подъем было нельзя, да в то время это никому и не нужно было.

В течение дня 1 июля войска корпуса успешно переправлялись по этому внешне странно выглядявшему мосту, а командиры готовили задачи войскам по разгрому врага западнее Березины».

В двух километрах южнее деревни Большие Ухолоды Березину форсировал 250-й полк 83-й гвардейской стрелковой дивизии. Командир роты 94-го отдельного гвардейского саперного батальона получил задачу разведать противоположный берег, занятый противником. Следовало точно установить места на танкопроходимость для прокладки колонного пути. Такую разведку могли провести только опытные, знающие свое дело саперы.

Немцы держали наш берег под настильным пулеметным огнем, не дававшим поднять головы. К командиру роты подполз гвардии старший сержант Георгий Борисович Головин, коммунист, воевавший с первого дня войны. Он перенес два тяжелых и четыре легких ранения, был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

— Разрешите мне,— сказал Головин, глядя на тот берег с какой-то жадностью, словно там его ожидало пиршество.

— Переждать надо, пожалуй. Может, поутихнет.

— Они поутихнут — как же! Да вы не бойтесь, товарищ лейтенант, все сделаем как надо.

Комроты медлил с ответом. С одной стороны жаль было рисковать таким опытным сапером, а с другой задание нужно выполнять.

— Ну что ж, давай...— без особого воодушевления сказал лейтенант.— Только не лезь на рожон, знаю тебя... Поосторожнее...

Головин тут же скинул с себя одежду, взял автомат,

ужом скользнул с берега в прохладную воду Березины и поплыл. Командир роты не отрывал глаз от бинокля. Головин плыл, окруженный фонтанчиками от пуль. Но вот он, наконец, вплыл в «мертвую зону», вылез на берег и по-пластунски вполз в прибрежные кусты. А через полтора часа он уже подробно доложил о разведанной им пойме и местах, где могут пройти танки.

За этот подвиг Г. Б. Головин был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

После того как полк форсировал реку, саперы по приказу командарма начали строить новый армейский наблюдательный пункт в районе дер. Большие Ухолоды, что в 5—6 километрах юго-восточнее Борисова. «Когда мы с генералом П. Н. Куликовым и несколькими офицерами штаба приехали туда,— вспоминал К. Н. Галицкий в своей книге «Годы суровых испытаний»,— саперная рота только что закончила работу. Ее командир сообщил, что часом раньше сюда вышла группа гитлеровцев, пытавшаяся пробиться к реке. Пришлось саперам отставить в сторону топоры и лопаты и взяться за оружие. Схватка была недолгой— наши саперы умели сражаться не хуже пехоты». И далее он писал: «Следует отметить, что при форсировании Березины вновь проявили настоящую доблесть и умение инженерные войска армии, возглавляемые генерал-майором В. И. Зверевым. В трудных условиях, под огнем противника они сумели навести временные переправы, а затем и мосты, обеспечив быструю переброску войск за реку».

Вместо десяти дней, предусмотренных планом операции, выход на рубеж Березины и ее форсирование были успешно выполнены армией в течение восьми суток.

Последний этап

В первых числах июля меня вызвал к себе командующий. Начальник инженерных войск В. И. Зверев снова серьезно заболел, и я исполнял его обязанности, совмещая с работой в штабе.

Жили мы практически на колесах. Кузьма Никитович считал, что руководство должно быть максимально

приближено к передовым войскам армии, и потому основной командный пункт армии выдвигался следом за наступающими частями ежедневно, а передовой командный пункт, где постоянно находился К. Н. Галицкий вместе с оперативной группой армии, даже два-три раза в течение суток. Саперам 226-го батальона, которые обеспечивали строительство командных и наблюдательных пунктов, приходилось туго. Хорошо, что командующий не придирался и не требовал особых удобств, лишь бы плотно был уложен накат блиндажа, да соблюдена соответствующая маскировка.

Когда я вошел в кабинет, а точнее в небольшую комнату со щитовыми стенами и неподшитым потолком с плотно пригнанными бревнами наката, за столом, кроме К. Н. Галицкого, сидели член Военного совета П. Н. Куликов и начальник оперативного отдела И. И. Леднев. На столе были разложены оперативные карты. Не успел я занять указанное мне место, как вошли два генерала: начальник штаба армии И. И. Семенов и командующий артиллерией П. С. Семенов. Кузьма Никитович информировал о задачах, которые возлагались на армию командованием фронта.

— Директивой Ставки перед 3-м Белорусским фронтом, — сказал он, — поставлена задача продолжать развивать наступление, с тем чтобы 10—12 июля овладеть Вильнюсом и Лидой, а в дальнейшем выйти на Неман и форсировать его. Нашей армии предстоит по-прежнему действовать в центре оперативного построения фронта. Ее направление главного удара — Крево, Ошмяны и выход к Неману в районе Алитуса. Построение войск армии двухэшелонное. Как и прежде, в первом эшелоне будут действовать 16-й и 8-й гвардейские стрелковые корпуса, во втором — 36-й.

Далее Галицкий подробно обрисовал оборонительные рубежи противника, наметил сроки взятия отдельных пунктов и продолжал:

— Необходимо разработать план форсирования Немана. Думаю, что используя опыт Березины, мы также успешно форсируем Неман с ходу, чтобы не дать противнику возможности подтянуть войска и создать дополнительные оборонительные рубежи на его западном берегу. При разработке плана необходимо предусмотреть постоянное взаимодействие артиллерии и инженерных войск. На Березине были случаи, когда саперы вынужденно наводили переправы под сплошным огнем про-

тивника, не прикрываемые огнем нашей артиллерии. Учтите это, Петр Семенович и Михаил Георгиевич. План должен быть готов 8 июля.

Задача, поставленная командующим, была не из легких. По сравнению с Березиной Неман являл собой куда более мощную преграду. Ширина реки в полосе армии у Алитуса и Неманойцы составляла 120 метров, течение быстрое, ни одного брода, глубина в среднем два-три метра. Работая над планом, штаб инженерных войск старался учесть все детали предстоящего форсирования, хотя по опыту я прекрасно знал, что наверняка в боевой обстановке многое изменится, решения придется принимать на ходу и корректировать план в зависимости от сложившейся обстановки. Но я знал и другое: при любых обстоятельствах детально разработанный, подкрепленный наличием материалов, переправочных средств и, прежде всего, обученных саперов план наступления, учитывающий многое, о чем можешь забыть в азарте боя, никогда не подведет командиров.

9 июля на командный пункт армии, расположенный в тот день в районе деревни Большой Солечинок, прибыли командующий фронтом И. Д. Черняховский и его начальник штаба генерал-полковник А. П. Покровский. Ознакомившись с планом форсирования Немана, выход к которому намечался 13 июля, Иван Данилович отнесся к нему одобрительно. В последующем намеченные нами сроки были отражены в директиве фронта, и уже в первой половине дня 12 июля командующим армией был отдан войскам приказ на форсирование Немана с ходу.

2-я гвардейская штурмовая и 66-я инженерно-саперная бригады с переправочными средствами продвигались к Неману вместе с наступающими частями. Когда на рассвете 13 июля передовые части 31-й и 1-й гвардейских стрелковых дивизий 16-го гвардейского стрелкового корпуса, командование которым несколько дней назад взял на себя генерал-майор С. С. Гурьев, один из участников обороны Сталинграда, подошли к Неману, там уже всю работу саперы 2-й бригады, монтируя плоты и оборудуя паромно-десантные пункты.

Я по указанию командарма следовал с войсками 31-й гвардейской стрелковой дивизии, которой еще неделю назад командовал генерал-майор Иван Кузьмич Щербина, человек храбрый, но на удивление упрямый, за что командарм открыто его недолюбливал. Перед самым началом наступления И. К. Щербину ранило осколком шаль-

ного снаряда, и в командование дивизией вступил генерал-майор Иван Дмитриевич Бурмаков, пленивший под Сталинградом фельдмаршала Паулюса. Дивизия получила к тому времени замечательное пополнение из сибириков и уральцев.

Подходим к Неману. Берег отвесный, покрыт густым лесом, скрывающим наш подход от противника. Подхожу к обрыву, смотрю вниз. Место для переправы явно неподходящее — река бурлила, пенилась, бушевала, образуя губительные для плывущих водовороты. А бойцы, в результате царившего тогда в войсках огромного наступательного порыва, не раздумывая, бросаются с обрыва в реку, захлебываются в водоворотах, тонут под обрушившимся на них огнем противника. Если так понимать форсирование с ходу, то недолго и всю дивизию потерять.

Вскакиваю, загораживаю бегущим дорогу:

— Стой! Куда?! Жить надоело?!

Слова не помогают. Выхватываю парабеллум и начинаю стрелять в воздух. Остановились наконец, ждут приказа, нетерпеливо поерзывая и стараясь подползти ближе к обрыву.

Переправляться не на чем. Те переправочные средства, которые мы подготовили заранее, — легкий понтонный парк и саперные лодки, — через лес не протащишь, да и с обрыва не спустишь: гитлеровцы тут же расстреляют их из полевых орудий, которых у них, судя по интенсивному огню, было достаточно. Убедившись, что здесь форсировать Неман по меньшей мере безрассудно, решил разыскать командира дивизии. В это время меня вызвал по рации Галицкий и сказал, что южнее, в районе Неманойце, намечился прорыв и чтобы я ехал туда для организации форсирования частями 5-й гвардейской стрелковой дивизии, командиру которой генерал-майору Георгию Борисовичу Петерсу отдан соответствующий приказ.

Доложил Галицкому о неподходящем месте для форсирования, куда вышли передовые отряды 31-й дивизии. Тут же вызвал по рации командира 66-й инженерно-саперной бригады, дал команду перебросить в район Неманойце саперный батальон, подтянуть туда заранее заготовленные детали мостов и легкий понтонный парк. Еду к месту переправы. До подхода саперного батальона с понтонным парком организовал переправу на подручных средствах — плотках и лодках. В полосе форсирова-

ния армии было уже создано девять переправ, и каждая из них требовала неусыпного внимания со стороны штаба инженерных войск.

Командир 5-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Петерс, бывший в молодости сапером, человек смелый, но невыдержанный, еще до полного окончания строительства моста выстроил в очередь к нему всю дивизию. Проводящий непрерывную воздушную разведку противник, конечно, не мог не обнаружить такого скопления войск. На части дивизии и на строящийся мост обрушились бомбы. Дивизия понесла большие потери, понесли потери и саперные части. Мост, еще недостроенный, был частично разрушен, требовалось его восстановление. По распоряжению командарма дальнейшее строительство моста прикрывала с ближайшего аэродрома наша авиация.

Весьма сложная обстановка складывалась и на других пунктах переправ.

Согласно плану, подразделения 66-й инженерно-саперной бригады в полном составе должны были сосредоточиться в лесу около деревни Судвой, где им предстояло построить мост для пропуска танков и самоходных орудий. Никаких стрелковых частей здесь не было, и деревню Судвой на правом берегу Немана заняли саперы бригады. Противоположный берег находился в руках противника, который вскоре дал о себе знать. Берег простреливался редким пулеметным огнем. Артиллерийский снаряд врага повредил автомашину с инженерным имуществом. Шофера ранило. Прежде чем начать инженерную разведку для возведения моста, необходимо было оттеснить незначительные силы гитлеровцев в глубь леса на противоположном берегу. Ожидать же подхода стрелковых подразделений значило сорвать сроки строительства. И тогда командир бригады отдал приказ выбить противника своими силами.

Саперы 226-го инженерно-саперного батальона быстро и скрытно снарядили три лодки для десантной переправы и вынесли их к реке. Подготовленные расчеты саперов-десантников сели в эти «струи» и начали переправляться через Неман. Противник открыл пулеметный и автоматный огонь. Один сапер во время переправы был убит, шестеро ранены. Остальные успешно высадились на западном берегу и начали оттеснять врага в глубь леса. А тем временем, ни минуты не медля, саперные батальоны приступили к забивке свай и возведению рам-

ных опор будущего моста, для которого потребовалось подвезти около 800 бревен, 1000 жердей и 102 доски для колеи.

Вскоре на мост налетела первая группа фашистских бомбардировщиков, за ней — вторая. Работы приходилось вести почти под непрерывной бомбежкой. В один из налетов тяжело ранило командира взвода 243-го инженерно-саперного батальона. Командование взводом принял на себя парторг роты командир отделения старший сержант И. Е. Данилов. Иван Егорович воевал в составе 11-й гвардейской армии с июля 1941 года. За ратные подвиги он был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

При очередном налете саперы укрылись в убежищах. Только что поставленную с таким трудом опору могло снести просто от взрывной волны. И тогда Данилов, не обращая внимания на рвущиеся бомбы, схватился за канат, к которому была привязана опора, и удерживал ее до окончания налета, закрутив канат вокруг дерева.

Двумя часами позже, когда саперы потеряли счет воздушным атакам, взрывом авиабомбы порвало трос, сдерживающий плоты, с которых велась забивка свай. Их тут же стало разворачивать течением. И снова спас положение Иван Егорович Данилов. С двумя бойцами он бросился в воду и соединил трос.

49 часов, без сна и отдыха, в таких вот условиях работали саперы 66-й бригады. Поставленная перед ними задача была выполнена. Точно в назначенный срок по новому мосту прошли на западный берег Немана танки и тяжелая артиллерия.

Беспримерный подвиг проявили саперы 11-го штурмового инженерно-саперного батальона, который нес комендантскую службу на понтонном мосту. Через мост 19 июля переправлялись тыловые части армии. В тот день фашистская авиация совершила шесть массированных налетов. На переправу летели фугасные бомбы. Разрушить мост гитлеровцам не удалось, но осколки бомб пробиты три понтона, которые тут же стали заполняться водой. Понтоны могли затонуть и нарушить с таким трудом наведенную переправу.

Не растерялись лишь гвардии сержанты Сердюк, Коротков и Силаев. Они сняли с себя обмундирование и заткнули им пробоины. Вода перестала поступать в понтоны, по мосту вновь открылось движение. Вскоре начался очередной налет. Бомбы рвались буквально в не-

скольких метрах, вздымая фонтаны брызг. Понтоны раскачивало волнами, как в сильнейший морской шторм. Водой выбило и унесло солдатскую одежду, которая еще недавно спасала понтоны от затопления. Переправа вновь стала угрожать опасность. И тогда все трое бросились в воду и закрыли пробоины своими телами. Когда бомбежка закончилась, Сердюка и Силаева, истекающих кровью от полученных ран, отправили в госпиталь. Короткова же оторвали от понтона с немалым трудом: он закрывал пробоину уже мертвым телом, и пальцы его рук никак не хотели отпускать канат, за который уцепился сержант, чтобы его не отнесло от понтона.

Нередко в связи с изменением боевой обстановки саперам приходилось бросать работу на половине и начинать все сначала, но уже в другом месте. Так было, к примеру, с 8-м гвардейским штурмовым инженерно-саперным батальоном, которому по плану предстояло выйти к Неману в районе деревни Утеха и приступить к строительству переправы. После ночного марша, не отдохнув и часа, саперы-гвардейцы с рассветом 15 июля приступили к строительству под обстрелом с противоположного берега.

В середине дня мне позвонил К. Н. Галицкий и сказал, что форсирование Немана в районе деревни Утеха отменяется, что успех прорыва наметился в районе Неманойце и уже там нужно срочно наводить переправу. Даю команду командиру 8-го гвардейского батальона. Саперы бросают начатое, маршем двигаются к указанному пункту и приступают к строительству моста через Неман под нагрузку пять тонн.

Глубина реки в этом месте достигала четырех метров, скорость течения была значительной, дно завалено огромными валунами, которые мешали установке ряжей. По десять часов не выходили из воды коммунист гвардии ефрейтор Михаил Петрович Калашников и гвардии красноармеец Виктор Михайлович Трошин. Их примеру следовали и другие саперы батальона. Мост длиной 110 метров был построен в срок. Без промедления началось строительство нового моста для пропуска танков, но вскоре вновь изменилась боевая обстановка, и батальон пришлось перебросить в район деревни Нетесы, в помощь 10-му гвардейскому штурмовому инженерно-саперному батальону, который возводил мост под нагрузку 16 тонн.

Сколько всего нами было построено разных мостов

и наведено переправ через Неман? На каждый стрелковый корпус строилось по два только тяжелых моста, по которым могли проходить танки и артиллерия.

Лишь 11-й гвардейский инженерно-саперный батальон под градом пуль, снарядов и бомб навел четыре понтонных моста с жердевой выстилкой и устройством подъездов к ним. Через эти мосты было пропущено 12479 автомашин, 14049 повозок, 462 орудия, десятки тысяч человек личного состава, 788 кавалеристов, продовольствие и боеприпасы.

Привожу эти цифры для того, чтобы показать ту огромную роль, которую играли в ходе боев деревянные, на совесть сработанные мостовые сооружения и понтонные переправы. А навести их всегда бывало ох как нелегко.

На одну из понтонных переправ, которую наводили саперы рот гвардии старшего лейтенанта Финаева и гвардии лейтенанта Макурина, налетели 32 самолета противника. Заход за заходом в течение двадцати минут они бомбили переправу, которую собирали на быстром течении, стоя по грудь в воде. И за считанные секунды весь труд саперов был уничтожен. Переправу фашисты разрушили полностью. По реке поплыли доски, бревна, отдельные понтоны и их элементы. Но саперы не растерялись. Еще видны были хвосты улетающих самолетов, а саперы уже бросились в воду спасать раненых товарищей и элементы моста. Уцелевшие понтоны вытаскивали на берег, ремонтировали их и тут же снова пускали в дело. Уже через час после бомбежки переправа была восстановлена, и по ней вновь потянулись автомашины, повозки, войсковые части...

Неман был последней крупной водной преградой на пути к границам Восточной Пруссии, и то, что в течение нескольких дней удалось ее преодолеть, было большим боевым успехом всех частей и соединений 11-й гвардейской и соседних армий.

После захвата плацдармов на западном берегу Немана и взятия города Алитуса наступление 11-й гвардейской армии было приостановлено с 20 по 28 июля. Армия перешла к временной обороне, чтобы подтянуть тылы, перегруппировать войска, пополнить израсходованные в непрерывных боях боеприпасы и горючее.

Оборона — не отдых. Особенно для саперов. Работать приходится непрерывно и днем, и ночью.

Меня в те дни особенно беспокоило состояние нашей

инженерной разведки. Увлеченное наступательными операциями, строительством переправ, мостов и дорог, инженерное руководство корпусов и дивизий ослабило разведку, что могло привести к тяжелым последствиям. Даже специально организованные разведывательные взводы и роты использовались не по назначению, на общих саперных работах.

А дело-то в том, что задачи инженерной разведки в корне отличаются от общевойсковой. Нам важно, к примеру, не только выявить минные поля или другие инженерные заграждения противника, а при этом еще и доставить образцы немецких мин, чтобы изучить их устройство, знать, как их обезвредить без опасности для жизни. Инженерная разведка должна определить проходы через инженерные заграждения противника, изыскать на речках места для бродов, установить возможность прохода танков по местности и т. д. и т. п. Хорошо поставленная разведывательная инженерная служба — это залог успеха боевых действий войск, это спасение многих и многих жизней бойцов и командиров. Поэтому, детально ознакомившись с работой разведрот в инженерных соединениях и частях армии, я вынужден был отдать инженерным начальникам приказ от 23.07.44 г., в котором, отметив то, что инженерная разведка в ряде корпусов и дивизий запущена, приказал освободить от всех работ разведзвобы и использовать их только по своему назначению, немедленно приступить к самостоятельным саперным вылазкам на передний край противника и на важнейших направлениях в дивизиях выставить командирские и саперные передовые наблюдательные посты.

Необходимо было усилить работу разведки и в 66-й инженерно-саперной бригаде. Начальник штаба бригады сетовал, что у него нет помощника по разведке и потому он не в состоянии сам за всем уследить, а подобрать подходящего человека не может.

Разведротой трехвзводного состава командовал тогда капитан Цомартов. Навыков ведения инженерной разведки еще не приобрел: до этого исполнял обязанности заместителя командира понтонного батальона по политчасти. Как выяснилось впоследствии, он зачислил в роту с десятков солдат из бывших уголовников, считая, видимо, что их показная храбрость сослужит добрую службу. На деле же эти «разухабистые» и «храбрые» нередко при засылке их в тыл противника отсиживались

в нейтральной зоне, а затем докладывали о собранных якобы ими «данных», чем вводили в заблуждение командование. Поэтому за ротой нужен был особый контроль.

И тут я вспомнил о лейтенанте Замотине, с которым познакомился во время форсирования Березины и наступления на город Борисов. В должности начальника штаба 93-го гвардейского инженерно-саперного батальона 83-й дивизии он тогда впервые в армии осуществил идею подвижного отряда заграждения, а затем обеспечил переправу техники дивизии через неожиданно оказавшуюся серьезным препятствием речушку, что протекала южнее г. Борисова.

Дождей не было, а речка разлилась, сделав непроходимым брод, на который раньше рассчитывали. Олег Евгеньевич Замотин сам пошел на разведку и обнаружил сгоревшую водяную мельницу с наполовину разрушенной плотиной. Вода падала из запруды водопадом. На подвоз деталей и строительство непредвиденного моста времени не оставалось: танки и артиллерия дивизии были уже на подходе.

Под потоком падавшей через плотину воды Замотин обнаружил плотный настил, предохраняющий русло от размывания. Решение было оригинальным. Замотин приказал саперам прорубить в настиле «окна». Вода устремилась в эти «окна», обнажив скользкий дощатый настил, который не выдерживал танка. Фашистские истребители неоднократно пролетали над речушкой, обстреливая саперов из пулеметов и сбрасывая небольшие бомбы-крылатки. Но саперы продолжали работу. Они натаскали жердей, разобрав стоящие неподалеку многоярусные сушилки для сена, настелили их в два ряда поверх досок, скрепили все это проволокой-канаткой и таким образом соорудили своеобразный мост, по которому прошла боевая техника дивизии.

Я ценил офицеров находчивых и инициативных. Вызвал Олега к себе в штаб и предложил занять должность помощника начальника штаба 66-й бригады по разведке.

На гимнастерке Замотина красовался новенький, только что полученный им орден Красной Звезды за форсирование Березины. Разговорились. Он оказался интересным и умным собеседником. Недавно ему исполнилось тридцать лет. Родился и вырос он в семье служащего, в Москве. После семилетки работал на электrozаводе имени Куйбышева, учился на рабфаке, занимался в ху-

дожественной студии МОСХА. В те годы молодежь рвалась к знаниям, старалась найти себя в полезном и интересном труде. Окончив рабфак и студию, Замотин стал работать художником-мультипликатором на «Мосфильме». Оттуда по комсомольскому набору был направлен на учебу в Тушинский авиаклуб имени Чкалова, где прошел подготовку парашютиста-десантника. Затем работал на фабрике Мосгороформления в специальном цехе, где изготавливались наглядные пособия для военных школ. Здесь, не предполагая, что это когда-нибудь может пригодиться в будущем, Замотин по воинским наставлениям подробно изучил военно-инженерное дело, поскольку приходилось делать макеты мостов, крепостей, мин и т. д.

А дальше биография Замотина складывалась, как у большинства его сверстников. В первый же день начала войны — заявление о зачислении добровольцем в действующую армию, учеба на призывном пункте и фронт. В феврале 1942 года О. Е. Замотин — рядовой сапер взвода разведки 451-го армейского инженерно-саперного батальона 16-й армии, которая позднее была переименована в 11-ю гвардейскую.

Олег Евгеньевич считал, что ему здорово повезло: вскоре присвоили звание ефрейтора, а уже в сентябре сорок второго он стал младшим лейтенантом и был назначен командиром взвода разведки. Должность ответственная.

В каждом деле, большом и малом, бывает «свой» человек, не боящийся трудностей, не жалеющий себя для выполнения этого самого дела и постоянно думающий, как бы все сделать получше, добротнее, с малыми затратами и в короткие сроки.

Так и на войне. Замотин рассказал о таком, происшедшем с ним случае...

— Мне было поручено выбрать место для оборудования наблюдательного пункта на переднем крае нашей обороны. Со мной следовал старшина роты Кузнецов, который и должен был этот НП построить. Подходим к передовой, а навстречу наша пехота. На нее напали немецкие автоматчики, вот и не выдержали, начали отступать. Испугаться я не успел, и мне удалось, — о средствах умолчу, — уложить в цепь ближайших ко мне солдат. Мы залегли. Залегли и немцы. Стали окапываться. Сначала для стрельбы лежа, потом с колена, еще глубже... Через некоторое время обозначились настоящие окопы.

С нашего тыла подползли три офицера. Спросили: «Кто командир?» Солдаты указали на меня. Записали мою фамилию.

А я по пословице «кто палку взял, тот и капрал», продолжал командовать. Затем передал свои «полномочия» пехотному младшему политруку...

Было у Олега Евгеньевича и еще очень немаловажное для будущего работника штаба призвание. Он умел хорошо и качественно оформить документацию. На войне не только снаряды и пули имели значение, но и чертежи. И особенно в наших, инженерных, войсках. Блиндаж, мост, переправа или переезд через противотанковый ров не строились без соответствующего чертежа. «Скатерти» отчетных карт в штабы армии и фронта, акты, карты минных полей и проходов, данные разведки — все это ложилось на бумагу руками многих штабных работников.

О. Е. Замотин охотно согласился на мое предложение. Так в штабе бригады появился опытный, дельный и знающий помощник начальника по разведке. Начав с укрепления кадров разведроты, он ввел обязательное условие, при котором разведгруппа, достигнув намеченного рубежа в тылу противника, должна была оставить там свой «след», подобно альпинистам, завершившим восхождение на вершину пика. Это могла быть гильза от снаряда, консервная банка или что-либо подобное, чтобы впоследствии можно было проверить — дошла группа до цели или отсиделась где-то. Замотин так же ввел для действий в тылу врага не приказной, а добровольный принцип, что повышало у разведчика чувство собственного достоинства и ответственности.

Данные разведки стали намного точнее, конкретнее, обоснованнее.

Я внимательно следил за организацией разведывательной службы в инженерных частях армии. Позже, уже в Восточной Пруссии, командующий армией не раз обращался к нашим разведанным, считая их более достоверными и точными, чем данные общевойсковой разведки.

Восемь дней временной обороны пролетели незаметно. За короткое время мы несколько пополнили поредевшие в предыдущих боях саперные подразделения, привели в порядок транспорт и инженерное имущество, заготовили детали для будущих мостов и переездов. В роли заместителя командующего — начальника инже-

нерных войск армии — после успешно проведенной разведывательной операции я тут же награждал отважных разведчиков правительственными наградами в пределах предоставленных мне прав.

28 июля армия перешла в наступление. На рассвете первого августа 148-й инженерно-танковый полк вышел к реке Кирсна в районе деревни Зубры. Танкисты и сопровождавшие их саперы 8-го гвардейского батальона знали о существовании здесь моста, по которому могли пройти танки, но в то же время предполагали, что вряд ли немцы при отступлении оставят им этот «подарок». Надо постараться успеть захватить мост до того момента, как фашистские солдаты поднимут его в воздух.

На броне головного танка, изготовившись к схватке с врагом, сидели саперы Бараненков, Страхов, Галкин и Майоров. Когда танк приблизился к мосту, из засады выскочили гитлеровцы. Саперы открыли по ним огонь из автоматов, спрыгнули с танка и вступили в рукопашную схватку. Бараненков и Галкин отправили «к богу в рай» трех немецких саперов, готовивших мост к подрыву, а Страхов и Майоров начали снимать заряды, заложенные для подрыва. В это время в западной части моста раздался взрыв. Гвардии ефрейтор Страхов заметил слабый огонек, съедающий бикфордов шнур, который тянулся к мосту. Под градом автоматных очередей Страхов в несколько прыжков достиг шнура и ножом перерезал его.

А тот, первый взрыв, особого ущерба мосту не причинил, и танки пошли на запад, к границам Восточной Пруссии.

В тот же день группа разведчиков 286-го инженерно-саперного батальона во главе с лейтенантом Бабкиным, проводя разведку на переднем крае в районе деревни Шешупишки, обнаружила мост через реку Шешупу возле водяной мельницы. Мост охранялся немцами. Саперы завязали бой, выбили противника из здания мельницы и удержали мост до подхода нашей пехоты.

К исходу 1 августа части 11-й гвардейской армии за сутки продвинулись на 25—30 километров, освободив более ста населенных пунктов, в том числе г. Кальварию. Выходом на ближайшие подступы к границам Восточной Пруссии 4 августа 1944 г. армия завершила в своей полосе последний этап операции «Багратион», операции, полностью освободившей от фашистского нашествия Белоруссию и наголову разгромившей фашистскую груп-

пировку армий «Центр», уничтожив и взяв в плен при этом более полумиллиона гитлеровских солдат и офицеров.

«Помни, воин!»

Вот и сбылось то, о чем мечталось все эти три с лишним года. Немалый «круг» пришлось сделать, чтобы вернуться на места, где я начинал войну. Мы снова в Литве, в полутора десятках километров от границы Восточной Пруссии. Но мы теперь далеко не те, что были 22 июня 1941 года. Да и немцы изменились.

Вспоминается один из плененных гитлеровцев (на войне их звали «фрицами»), которого взяли под Москвой. Он вел себя высокомерно, с явным презрением в голубых глазах и фанатично утверждал, что в ближайшие дни с нами все будет покончено. «Рус капут!» — твердил он, отказываясь давать какие-либо показания. Теперешние пленные вели себя по-иному. В их потускневших глазах был страх загнанного в клетку зверька, страх за себя, за свою судьбу, за судьбу Германии. Они торопливо выбалтывали все, что знали, ругали Гитлера и называли эту войну «проклятой». Теперь они повторяли: «Гитлер капут!» Но те, которые сидели в окопах, траншеях и дотах, сдаваться не собирались. Они сопротивлялись с отчаянием обреченных.

Только после войны стало известно, что маршал Г. К. Жуков предлагал в то время Верховному Главнокомандующему не останавливаться, а продолжать наступление на Восточную Пруссию, где, по его мнению, гитлеровцы нас не ждали, но Сталин с ним не согласился.

Гитлеровцы тогда действительно не были по-настоящему готовы к встрече с нами. В дневниках близкого подручного Гитлера Мартина Бормана сохранилась запись от 18 июля: «Русские у Августова, вплотную к границе Восточной Пруссии. Если их танковые соединения нажмут хоть немного, нам пока нечем остановить. Вновь формируемые дивизии все еще не имеют необходимых противотанковых средств». Позже стало известно и о том, что 5 июля Гитлер отдал приказ о формировании пятнадцати «гренадерских дивизий» для

прикрытия границ Восточной Пруссии, причем часть из них должна была прибыть на фронт в конце июля, остальные — в конце августа. Население Восточной Пруссии в то время было мобилизовано на строительство укреплений на ее границах и в глубине, вплоть до центра Восточной Пруссии — города и крепости Кенигсберг.

Войска 11-й гвардейской армии закрепились на оборонительном рубеже по линии Дарженики — Шилоболе — Любавас протяженностью 56 километров.

24 августа 1944 г. в войска были направлены «Указания по инженерному оборудованию полосы обороны 11-й гвардейской армии», подписанные командованием армии — Галицким, Куликовым и Семеновым. Этот важный документ мне хочется привести полностью. Указаниями предписывалось:

1. Оборону строить по системе опорных пунктов и узлов сопротивления на переднем крае и в ближайшей глубине в соответствии с инструкцией Генштаба по оборудованию системы траншей.

2. Каждый опорный пункт и узел сопротивления подготовить к круговой обороне.

3. Траншеи нормального профиля, в плане ломаные отчертания — змейкой, изломом или уступами.

4. В траншеях устроить стрелковые ячейки, площадки для пулеметов, ПТР с расстоянием 10-20 метров. Иметь навесы от шрапнели, пуль и осколков.

5. На каждый станковый пулемет и ПТР не менее двух-трех запасных позиций. Сделать приспособления для выскакивания на бруствер и переходы сверху. Ходы сообщения. Проволочные заграждения ставить не ближе 40 м от траншей. Минировать заграждения сюрпризами. Первую линию закончить к 27.08.44 г.

Минирование. 1-я очередь — прикрыть важнейшие танкоопасные направления как перед передним краем, так и в глубине с плотностью 1000 и 700 шт. на 1 км — к 27.08. Во вторую очередь создать сплошное противотанковое минное поле — 31.08.»

Объем работ, как видно из этого документа, огромен, сроки самые жесткие. Личному составу всех частей, а особенно саперам, приходилось работать практически без отдыха. Впрочем, это меня не беспокоило. Должности корпусных и дивизионных инженеров занимали люди с большим боевым опытом, хорошо знающие свое дело, и можно было не сомневаться, что все оборонительные работы будут сделаны и в срок, и качественно,

тем более что штаб инженерных войск армии детально разработал и довел до каждой саперной части соответствующие планы и организовал систематический контроль за их исполнением.

Меня, как и все командование армии, куда более беспокоила та, другая сторона, находящаяся за линией фронта.

Что мы знали тогда о Восточной Пруссии, кроме того, что она являлась форпостом германского империализма на востоке, постоянно горящим очагом агрессии? Мы знали, что Гитлер считал Восточную Пруссию кулаком, занесенным над Советской Россией, знали и высказывание Наполеона о том, что Восточная Пруссия родилась из пушечного ядра. Но мы, к сожалению, очень мало знали о ее естественных преградах, дорогах, реках, грузоподъемности мостов, всего того, что необходимо знать для организации наступательных действий и их инженерного обеспечения. Краткий справочник В. И. Глебова «Восточная Пруссия», изданный Воениздатом в 1944 году, руководящий состав армии получил лишь после войны. К тому же в нем содержались крайне ограниченные данные, не дающие представления об особенностях театра военных действий в Восточной Пруссии. Поэтому нам в этот период относительного затишья приходилось основное внимание уделять разведке, чтобы иметь наиболее полное представление об особенностях будущего театра военных действий, оборонительных рубежах противника, которые в скором времени предстояло преодолеть, дорожной сети и т. д.

11 сентября 1944 года штабом инженерных войск армии был вновь издан приказ, в котором указывалось на недостатки в разведывательной работе инженерных подразделений и в течение трех дней предлагалось пересмотреть состав разведрот и взводов и всех неспособных нести разведслужбу перевести в полевые саперные роты. Инженерные начальники предупреждались о личной ответственности за состав и проведение инженерной разведки.

Нами была разработана специальная инструкция по организации обеспечения и пропуску разведгруппы. Прежде всего, не так просто сформировать группу разведчиков, в которой каждый действовал бы самостоятельно. Разведчик должен хорошо ориентироваться на местности и в ночное время по карте и компасу, владеть оружием ближнего боя, знать на «отлично» саперное

дело, быть отважным, выносливым, дисциплинированным и безусловно честным. Всеми этими качествами обладает далеко не каждый.

Но вот группа подобрана. Начинается выбор участка, на котором разведчики будут переходить нейтральную полосу. Противник на этом участке должен быть «спокойным», не встревоженным. Наблюдение за передним краем противника ведется круглосуточно в течение трех-четырех дней. Ночами здесь действуют саперные поисковые группы, куда разведчики не включаются в целях их сохранения.

Когда обстановка выяснена, разработан маршрут движения разведгруппы, в первой траншее нашего переднего края собираются помощник начальника штаба саперной части по разведке, командир разведподразделения, командир взвода, два связных, санитар и группа сопровождения — та самая поисковая группа, которая действовала в этом районе, изучила местность, каждую тропку и кочку на ней. План проведения разведки обсуждается с командиром стрелковой части, несущей здесь оборону.

Наконец наступает час начала разведки. Первой на нейтральную полосу выходит группа сопровождения. За ней по одному, по-пластунски выдвигается тыловая разведгруппа и ползет до проволочных заграждений противника. Группа сопровождения делает проход в проволочных заграждениях и минных полях и ведет наблюдение за противником все время, пока разведгруппа преодолет траншею противника и скроется. Тогда группа сопровождения закрывает проход и возвращается в свою траншею. А разведчики, коль все сошло благополучно, продолжают идти по своему маршруту цепочкой, не теряя друг друга из виду, не разговаривая, наблюдая за всем происходящим вокруг и так до рассвета, когда старший группы выберет стоянку для дневки с хорошим круговым обзором и подальше от населенных пунктов. Двигаться по тылам противника в дневное время разведчикам не рекомендуется.

В конце сентября, когда в Ставке разрабатывался план новой наступательной операции, штаб инженерных войск армии решил провести глубинную инженерную разведку в направлении Ивановка — Садены, Будвце — Поевонь — Шаки — Гросс Зоденен. Предстояло разведать оборонительные рубежи противника на этом направлении, характер и расположение на местности противо-

танковых и противопехотных минных полей, заграждений, состояние дорог и мостов. Командиром группы назначили опытного разведчика командира взвода отдельной разведроты 66-й бригады лейтенанта Лукашова. В группу вошли старшина Печников, младший сержант Осман-оглы, ефрейторы Мартынов, Антипов и Куликов. У каждого было по автомату с пятью запасными дисками, по пять ручных гранат, финские ножи, продукты питания и необходимое саперное снаряжение.

Подготовку к выходу вели в течение пяти суток. Тщательно изучался и разрабатывался маршрут движения в тылу противника. Ночь на 27 сентября выдалась темной, моросил мелкий дождь, всю местность затянуло туманом,—лучше погоды не пожелаешь,—и группа прошла в тыл противника незамеченной. А в шесть часов утра 30 сентября, как и было намечено, разведчики возвратились без потерь, доставив очень ценные сведения.

В районе Гросс Зоденен разведчики обнаружили и нанесли на карту сплошную траншею полного профиля с пулеметными и стрелковыми ячейками, в районе Васильево — артиллерийскую батарею. Неподалеку от Шаки они обратили внимание на движение легковых автомашин и мотоциклов, а также на телефонную связь в два кабеля, что означало наличие там штаба одной из воинских частей противника. На участке Поевонь — Рогатне разведчики выявили две линии траншей, причем перед первой траншеей был установлен проволочный забор, а в самой траншее поставлены железобетонные колпаки, оборудованные станковыми пулеметами. Они отмечали движение и направление каждого танка и бронемашин и все, что требовалось знать для организации прорыва обороны. Все участники рейда были награждены орденами.

В районе Виштынец-1 успешно действовала в тылу противника разведгруппа отдельной разведроты 2-й гвардейской штурмовой инженерно-саперной бригады во главе с гвардии старшим сержантом Замазаевым. Она обнаружила и нанесла на карту расположение траншей противника, скопление танков в районе Шилосады, минометную и зенитную батареи в районе Телержишки, штаб в Подлюбишках...

Так, по данным нашей разведки, по крупицам складывалась общая картина об обороне немцев и их поведении, о чем инженерная служба докладывала штабу

армии и планировала инженерное обеспечение частей в период будущего наступления.

В ночь на 11 октября группа сержанта Мифтахова из разведроты 66-й бригады вышла на поиск в районе Уж-боле к передовой линии траншей противника. Прорыв проход в минном поле, прикрывающем наш передний край обороны, группа поползла. Нейтральная полоса ночью оживала. Противник то вел по ней ружейно-пулеметный огонь, то забрасывал гранатами, то освещал ракетами так, что разведчикам приходилось буквально сливаться с землей и лежать, не шевелясь, пока не погаснет ракета.

До траншей противника оставалось каких-нибудь сорок — пятьдесят метров, когда разведчики Мифтахова услышали слева приглушенный разговор по-немецки. Сомнений не было — это гитлеровская разведка в свою очередь подбиралась к нашему переднему краю. Вступать в перестрелку не входило в задачу нашей группы, и она продолжала ползти вправо по намеченному маршруту. Путь ей преградил проволочный забор. Поползли вдоль него. Неожиданно забор оборвался. Наверняка здесь должно быть минное поле. Теперь нужна особая осторожность. Руками прощупывали каждый кусочек земли впереди себя. Взлетела очередная осветительная ракета. При ее свете немцы заметили разведчиков и открыли огонь. Саперы продолжили поиск до тех пор, пока разведчики Каноньихин и Никифоров не обнаружили минное поле. Первую мину тут же обезвредили, вторую прихватили с собой в качестве образца. Задание было выполнено, теперь можно отходить. Сержант Мифтахов метнул гранату в траншею противника. Так, отстреливаясь и забрасывая противника гранатами, группа возвратилась без потерь и дала координаты немецкой разведки, по которой тут же был открыт артиллерийский и минометный огонь. В результате вражеская вылазка сорвалась. Немцы потеряли при этом двух убитых, трое были ранены.

Не всегда и наши вылазки проходили благополучно. Одна из поисковых групп, выйдя в нейтральную зону, попала под минометный обстрел. Один сапер был убит, другой ранен, третий контужен. Не повезло и группе лейтенанта Лукашова, которая в ночь на десятое октября вновь попыталась проникнуть в тыл противника. Несмотря на тщательную подготовку перехода, немцы обнаружили разведчиков и открыли интенсивный огонь.

Ефрейтор Куликов был при этом убит, а лейтенант Лукашов ранен. Тут уж ничего не поделаешь — война без жертв не обходится.

Весьма ценные данные штаб инженерных войск получал и от саперных наблюдательных постов, в задачу которых входило неотрывное наблюдение за малейшими передвижениями противника. Представляет интерес разведывательное донесение корпусного инженера 8-го гвардейского стрелкового корпуса гвардии подполковника Е. Ю. Гласко:

«За истекшие сутки установлено наблюдением с саперного наблюдательного поста: на юго-восточной опушке леса дзот противника с фронтальной амбразурой, левее дзота 150 м — блиндаж противника, из которого в 17.00 11.10.44 выходил офицер и снова скрылся в нем. Левее того же дзота 250 м — пулемет противника. На церкви д. Кунишки-Лянкен обнаружен НП противника, где наблюдался блеск стекол и систематическое хождение туда через 1—1,5 часа немецких солдат и офицеров. У траншеи северо-восточнее 100 м церкви обнаружен пулемет противника».

Вот сколько ценных сведений может дать одно лишь зоркое непрерывное наблюдение.

Благодаря самоотверженности общевойсковых и инженерных разведчиков, а также аэрофотосъемкам, командование армии к началу наступательной операции было информировано об оборонительных рубежах противника.

Такие заблаговременно подготовленные оборонительные рубежи части 11-й гвардейской армии встречали и на подступах к границам Восточной Пруссии в районе г. Кальвария. Рубежи эти являлись предпольем основной обороны и возводились в необычной для немцев спешке, которые еще полгода назад и думать не могли, что советские войска окажутся здесь. Они согнали сюда тысячи людей из Польши, Германии, а также использовали военнопленных и местное население. Этот рубеж представлял из себя две — три линии траншей, соединенных ходами сообщения, усиленный проволочный забор, противотанковый ров, железобетонные огневые точки по всему рубежу через каждые 30—40 метров, опущенные в землю. Следующий рубеж через 5—6 километров также состоял из нескольких линий траншей. Там мы захватили склады с колючей проволокой, которую немцы не успели использовать и которая очень пригодилась нам впоследствии.

Перед войсками 11-й гвардейской армии находились три оборонительных рубежа. Их предстояло прорвать в ходе наступления. Рубежи готовились гитлеровцами в спешке. Основное внимание они уделили минированию, установке проволочных заграждений. Нужно отдать должное немецким фортификаторам — удачно они использовали местность. Оборонительные сооружения, как правило, находились на передних скатах высот и хорошо маскировались, наблюдательные пункты имели хороший обзор, каждая высотка была приспособлена к круговой обороне, создавалось много надолб, рогаток, ежей, минные поля тщательно маскировались.

Все эти рубежи прикрывали главную полосу обороны противника. На участке наступления 11-й гвардейской армии встретилось несколько мощных укрепрайонов из железобетонных дотов, с заполнением промежутков между ними средствами полевой фортификации. Особенно мощными были укрепрайоны на подступах к г. Шталлупенену. Железобетонные сооружения не поддавались даже тяжелой артиллерии. Только большой фугасный заряд, который заложили саперы под эти доты, разрушил их.

В период оперативной паузы особое внимание уделялось боевой подготовке саперов. В районе озера Ория (южнее города Кальвария) специально был оборудован армейский штурмовой городок. Здесь постоянно проходили учения, в том числе и с боевой стрельбой, всех родов войск 11-й гвардейской. Инженерные подразделения отрабатывали вопросы инженерной разведки, проделывания проходов в заграждениях, инженерного обеспечения обороны, действий саперов при форсировании малых рек и каналов, оборудования переправ, подрыва дотов и других железобетонных сооружений и т. п. Особо поучительными для саперов и командного состава были учения штурмовых саперных групп, которые организовывал и проводил с боевой стрельбой начальник инженерных войск армии Виталий Иванович Зверев.

2 октября начались командирские рекогносцировки во всех звеньях с участием командующего армией. Мы преодевались в солдатскую форму, выходили на передний край еще до рассвета и возвращались с наступлением темноты. Там, в первых траншеях, откуда предстояло наступать войскам и где мы наблюдали противника непосредственно на местности, отрабатывалось взаимодействие родов войск, в том числе и инженерных, намечались будущие проходы для пехоты и танков.

В Гумбинненской наступательной операции инженерным войскам 11-й гвардейской армии предстояло впервые воевать на вражеской территории — неизвестной и враждебной.

Местность и характер обороны противника в полосе предстоящего наступления предъявляли инженерным войскам исключительно высокие требования. Эти требования мы воплотили в подробном плане инженерного обучения войск как в подготовительный период, так и в ходе наступательной операции, а затем последовательно претворяли этот план в жизнь, хотя при наступлении не раз требовалось вносить в него коррективы.

Прежде всего нужно было точно подсчитать и соответственно потребностям распределить людские ресурсы. А это не такой простой вопрос, потому что, несмотря на прибывшее пополнение, людей не хватало. А саперы требовались всем и везде. Кроме штатных инженерно-саперных подразделений, стрелковым корпусам придавалось для инженерного обеспечения по одному батальону из 2-й гвардейской штурмовой инженерно-саперной бригады. Три батальона выделялись специально для дорожного строительства и переправ, один батальон — для проделывания проходов в минных полях и различного рода заграждениях и один батальон — для устройства армейских командных и наблюдательных пунктов армии.

Немало времени и сил работники штаба инженерных войск приложили к составлению графика переправы войск армии при форсировании рек всеми родами войск. Нужно было заранее предусмотреть как саму организацию переправ, исходя из наличия переправочных средств всех видов, так и маневр ими в зависимости от складывающейся обстановки, а также время на строительство мостов. Частично мы уже подготовили ряд переправ через р. Ширвинта, которая протекала по нейтральной зоне. Пять низководных мостов для пропуска танков и тяжелой артиллерии было возведено на ней под постоянным ружейно-пулеметным огнем противника.

Создавались подвижные отряды заграждения в составе саперного взвода или роты. Они придавались полкам и дивизиям для быстрого минирования при контратаках врага или разминирования полей в ходе боевых действий. Отряды обеспечивались необходимым количеством мин и автомобильным транспортом.

«Уже давно стала классической фраза: «Сапер оши-

бается только один раз!» — писал в своей книге «В боях за Восточную Пруссию» К. Н. Галицкий. — Действительно, неосторожность сапера, недобросовестность его могут привести к тяжелым последствиям и для него, и для многих людей, которые устремятся в проделанные им проходы. Инженерные войска армии справились со своей сложной боевой задачей. В ночь на 13 октября в полосе армии начали действовать 178 групп заграждения. К утру 15 октября они сняли 19 тыс. мин в исходном районе армии и более 20 тыс. перед передним краем, сделали 164 прохода, из них 42 — для танков. Ни один человек не был потерян при проделывании проходов!

К началу наступления инженерное оборудование исходного положения для первых и последующих эшелонов войск было полностью завершено: построено 22 командных и наблюдательных пункта, 188 блиндажей и землянок, отрыто 90 минометных и 60 артиллерийских позиций емкостью на батарею-дивизион, 21 км траншей и ходов сообщения, оборудовано 220 открытых пулеметных площадок. Для танков были открыты аппарели. Отремонтированы многие старые дороги, а на ряде участков построены новые общей протяженностью 114 км. На переднем крае для выхода в исходное положение танков и артиллерии через р. Ширвинта были построены переправы».

За этими сухими, но выразительными цифрами, которые привел в своей книге командарм К. Н. Галицкий, стоит поистине титанический труд саперов-воинов в период подготовки к наступлению и в ходе его, труд, не так ярко заметный, как подвиги пехотинцев, артиллеристов и танкистов, но столь же необходимый на войне и не менее героический.

В 94-м отдельном гвардейском саперном батальоне 83-й гвардейской стрелковой дивизии служил двадцатилетний гвардии ефрейтор коммунист Иван Герасимович Трофимов. В феврале 1943 года он был награжден медалью «За отвагу», а в январе 1944 года грудь сапера украсил еще и орден Красной Звезды. Коммунисты саперной роты избрали его своим парторгом и не ошиблись в выборе. Иван Трофимов показывал образцы мужества и отваги. Нелегко подсчитать, сколько раз выходил он на нейтральную полосу. Достаточно сказать, что за это время под постоянным огнем, проделывая проходы в проволочных заграждениях, действуя наощупь, буквально перебирая в пальцах каждый квадратный санти-

метр мокрой и холодной октябрьской земли, он обнаружил и обезвредил 275 противотанковых и 150 противопехотных мин, а при подготовке к прорыву в районе Волковышки — еще около 200 противотанковых мин. Накануне наступления парторг роты под жесточайшим ружейно-пулеметным огнем через проделанные им проходы в проволочных заграждениях сопровождал пехоту без единого подрыва. Если судить только по обезвреженным им минам, то выходит, что сапер не менее шестисот раз рисковал своей жизнью. Командование удостоило гвардии ефрейтора Ивана Трофимова ордена Отечественной войны II степени.

Комсомолец-сибиряк Михаил Шилов, уроженец села Биря Краснотуринского района Красноярского края, пришел с молодым пополнением в 30-й отдельный гвардейский саперный батальон 26-й гвардейской стрелковой дивизии в июне 1944 года. За период кратковременной учебы он так освоил саперную науку, так тщательно наловчился «прощупывать» землю, что товарищи над ним подшучивали: «Если Миша поле облазил, то и захочешь подорваться — не на чем будет». Перед наступлением Михаил Шилов в течение двух ночей проделывал проход № 25. Рядом свистели пули, взрывались гранаты, но он полз, преодолевая метр за метром, снимал и обезвреживал мины в нескольких шагах от траншей противника. Когда он стал ограждать проход в глубину вешками и проволокой, его ранило. Превозмогая боль, он достал индивидуальный пакет, сам перевязал рану и вместе с товарищами пошел в наступление.

А сколько раз рисковал жизнью сапер 6-го отдельного гвардейского саперного батальона 5-й гвардейской стрелковой дивизии алтаец коммунист Иван Александрович Емандаков! Он был старейшим в этом батальоне — пришел в него еще до войны, в апреле 1941 года, когда ему исполнился 21 год. За это время он обезвредил тысячи вражеских и установил более пяти тысяч своих мин. И никто не мог угнаться за ним по части копки траншей. Тут он держал свои, никем не перекрываемые рекорды. За две недели до наступления при оборудовании НП командира корпуса в районе Ужболе Иван Емандаков за 3 часа 15 минут прорыл 13 метров траншеи полного профиля, что по тем временам составляло пять норм. Не повезло саперу при проделывании прохода накануне наступления в районе Кумец-2. Участок, где работал Емандаков со своими товарищами на разминировании,

непрерывно простреливался гитлеровцами. Емандакова ранило, но он остался с товарищами. Ранило во второй раз — он продолжал работать. И лишь когда проход был готов и поставлена последняя вешка, Емандаков попрощался с боевыми друзьями и пошел в санчасть.

И подобных примеров героизма саперов в дни подготовки наступления на Восточную Пруссию я бы мог привести не одну сотню.

Накануне наступления во всех подразделениях зачитывалось «Обращение Военного совета и политуправления 3-го Белорусского фронта». В нем, в частности, говорилось:

«Мы идем в Восточную Пруссию. Настал час, когда величайшая историческая битва советского народа, его Красной Армии за свободу и независимость своей Отчизны переносится на территорию гитлеровской Германии, в логово фашистского зверя.

На долю воинов 3-го Белорусского фронта выпала великая честь первыми вступить на землю Германии...

Помни, воин! Там, в Германии, прячется немец, который убил твоего ребенка, опозорил жену, невесту, сестру, расстрелял мать, отца, сжег родной твой очаг. Иди вперед с чувством неугасимой ненависти к врагу...»

Эти слова звучали как набат. Они затрагивали самые сокровенные струны человеческой души, и воины клялись до конца выполнить свой долг перед Родиной.

В 9 часов 30 минут 16 октября началась артиллерийская подготовка. Я находился на передовом наблюдательном пункте армии, когда после залпа «катюш» открыла огонь вся наша артиллерия. Утренний туман снижал видимость и не везде позволял вести прицельный огонь, но хорошо было видно, как в один миг вся линия фронта стоявшего перед нами противника покрылась сплошной стеной разрывов на глубину до пяти километров. В воздух взлетали земля, камни, обломки.

В 11.00 взвились зеленые ракеты, обозначившие начало атаки. Поднялась и пошла вперед пехота. Саперы главную свою задачу выполнили еще за те полтора часа, пока длилась артподготовка. Они произвели контрольную проверку всех сделанных накануне ночью проходов, обозначили их, разрезали проволочные заграждения и еще раз проверили проходы в минных полях противника, который укрылся в траншеях и не поднимал головы. К началу атаки все было готово, опасность подрыва пехоты на минах исключалась, что и подтвердилось

впоследствии. На наших и минах врага не было ни одного случая подрыва ни людей, ни техники.

Одновременно с пехотой начали выдвигаться с исходных позиций танки и самоходные орудия с посаженными на броню саперами и автоматчиками. Нет, пожалуй, в саперном деле более опасной для жизни работы, чем сопровождать танки в бою. Сапер рискует быть сраженным еще тогда, когда танк только вышел из своего укрытия. Ведь противник прежде всего выбирает своей целью танк или самоходную установку. И если танкисты защищены от пуль и осколков броней, то саперы и автоматчики, сидящие на этой броне, не защищены ничем.

В ходе боя, если впереди окажется вражеское минное поле, сапер должен его разминировать буквально на виду у врага под непрерывным пулеметным, артиллерийским и минометным огнем и пропустить танки. Если встретится на пути преграда в виде лесного завала или полуразрушенного моста, сапер опять же под огнем противника должен сделать все от него зависящее, чтобы грозная машина, выражаясь языком мирного времени, не имела ни минуты простоя и не стала мишенью для вражеских огневых средств. Много бесстрашных саперов мы потеряли при подобных обстоятельствах. Честь им, память и слава!

В 12 часов 30 минут наша пехота овладела третьей линией траншей противника.

При прорыве обороны на участке наступления 5-й и 26-й гвардейских стрелковых дивизий в районе Кумец-1 — Ланкемишки впервые были использованы для очистки вражеских минных полей танки-тральщики.

148-й инженерно-танковый Борисовский ордена Александра Невского полк был придан 11-й гвардейской армии лишь на время прорыва обороны противника. Полк не был обеспечен тралами. Лишь 4 октября он получил с Тульского завода НКПС 12 тралов, которые могли обеспечить всего две танковых роты. С 8 по 12 октября полк занимался приваркой пружин к танкам Т-34 для прицепки тралов и проверкой их на учениях, организованных в районе дислокации полка.

В день наступления танки-тральщики выходили на минные поля противника, подрывали его противотанковые мины и одновременно вели бой, уничтожая огневые точки и пехоту врага.

В 12.00 танки-тральщики преодолели первую линию

обороны противника и вышли на западную окраину Ланкемишки. За ними шли танки 153-й танковой бригады и самоходные установки 343-го самоходно-артиллерийского полка.

В 13.00 тральщики вышли на рубеж Клайпуче, где встретили сильное огневое сопротивление и вступили в бой с противником. В 17.00 они были уже в районе Щуки и Юзефово, прорвав и вторую линию обороны. В 19.00 достигли Пурвенишки и, не встречая больше минных полей, были выведены из боя для приведения техники в порядок.

Всего за семь часов танки-тральщики проделали 36 проходов, подорвали 284 противотанковых мины, уничтожили или подбили 9 орудий, 7 минометных батарей, 4 автомашины. Ими было разбито четыре дзота, три КП командиров батальонов, убито и ранено свыше 500 солдат и офицеров врага. Полк захватил 9 орудий, минометную батарею, 50 лошадей и взял в плен 89 гитлеровцев. Потери же полка составили: один танк-тральщик сгорел, четыре подбито. Три из подбитых машин к вечеру были уже восстановлены.

На другой же день приказом командования фронта 148-й инженерно-танковый полк был передан в оперативное подчинение другой армии, и вся тяжесть по разминированию полей противника вновь легла на плечи саперов армии.

По плану войскам 11-й гвардейской армии 17 октября предстояло выйти на государственную границу и прорвать пограничный оборонительный рубеж. Противник, маневрируя резервами, перебросил на участок нашего прорыва свежие дополнительные силы и оказал упорное сопротивление.

Первой вплотную к границе подошла 18 октября 1-я гвардейская стрелковая дивизия, а первым из этой дивизии пересек линию границы третий батальон 171-го гвардейского полка под командованием старшего лейтенанта Мирзы Мамедова. К исходу дня войска армии пересекли границу Восточной Пруссии по всей полосе, составлявшей по фронту почти 35 километров и вышли к укрепленному гитлеровцами рубежу на западном берегу р. Писса, углубившись в пределы Восточной Пруссии на глубину до 5 км. Саперы сыграли в этом далеко не последнюю роль.

Теперь предстояло овладеть городом Шталлупенен и наступать на Гумбиннен.

Горсть земли

Удивительное явление человеческой психологии: вот только что стоял на такой же, с зеленой еще травой, напитанной влагой после недавних дождей земле, и она казалась доброй, родной, словно слит был с нею душой и телом, но вот сделал шаг, другой, миновал пограничный столб, и та же земля вдруг опажнула чем-то злым, мерзким, колючим, и та же самая трава словно оцетибилась и источала совсем другие запахи. Конечно, все это лишь человеческое воображение. Земля едина, и она никогда, с самого своего рождения не была виновата ни в чем. Виноваты люди, на ней живущие, ее терзающие.

Мы не считали себя виноватыми ни перед ней, ни перед всем человечеством. Мы шли с великой миссией освобождения этой земли от фашизма, который надо было вырвать с корнем, уничтожить, потому что он принес неисчислимое количество бед и несчастий не только советскому — всем европейским народам. Это понимали все наши солдаты. Ликование было всеобщим. И торжествуя по поводу перехода государственной границы, они проникались ненавистью к тем, кто первым вероломно нарушил ее три с лишним года назад, и готовы были отдать свои жизни, чтобы подобное никогда не повторилось.

Переходу государственной границы радовались все. Каждый по-своему. У каждого на этот счет были свои мысли, свои соображения. Но такой бурной, я бы сказал, даже необузданной радости, которую, не стесняясь, выказывал мой помощник по разведке подполковник Константин Евтихievич Мартынов, не проявлял из ближайшего окружения никто.

Мартынов и вообще-то был человеком экспансивным, удивляться приходилось, откуда в его щуплом и длинном теле вырабатывалось столько энергии, — спокойно стоять на месте не мог, и сущим наказанием для него было составление обязательных отчетов. В этот момент казалось, что стул, на котором он сидел, вот-вот закрутится, — а тут в него и вовсе будто бес вселился.

— Добрались-таки, смотрите-ка — добрались! — выкрикивал он, подпрыгивая, как мальчишка, кидаясь от

одного куста к другому, щупая и обламывая их голые ветки.— На прусской земле стоим, братцы! На той самой! Это понимать надо! Отсюда ж они, подлюки, войну начали, отсюда! Отсюда они намеревались меня, Мартынова, в раба обратить. А вот вам, видели? — под общий хохот он состроил большую фигу и ткнул ею в воздух, в ту сторону, где окопались гитлеровцы.— Никогда русский народ в рабах не ходил. И за рупь двадцать его не купишь! Эх, была б музыка — сплясал бы, честное слово...

Неподалеку разорвался пущенный немцами наугад снаряд, за ним другой...

— Вот тебе и музыка, Мартынов,— сказал кто-то и поспешно побежал в укрытие.

— Музыка эта, конечно, хреновая,— Мартынов и не подумал скрыться в открытой щели возле командного пункта,— да ничего, доживем — настоящая будет! Под духовой оркестр будем плясать. Здорово все-таки, братцы! Ведь на вражьей земле стоим. Отвоевали-таки свою, отвоевали! Теперь наша пришла очередь!

Над головами просвистел очередной снаряд, но Мартынов при этом даже не шевельнулся. Он стоял сейчас, глубоко о чем-то задумавшись, словно враз упрятал за пазуху так бурно выплеснувшуюся из его груди радость. Потом порылся в карманах, достал кисет, вытряхнул из него на ладонь остатки табака, сыпал в карман шинели, нагнулся и стал набивать кисет землей, перетряхивая ее и выкидывая крупные камушки.

— Зачем, Мартынов?

— Домой пошлю. Пусть посмотрят, пусть понюхают, чем немецкая земля пахнет.

— А чем она может пахнуть?

— Сказал бы, да боюсь — уши у вас повянут,— Мартынов вдруг подобрался, посуровел и уже совсем другим тоном проговорил: — А вообще-то, если хотите знать, кровью она пахнет. Понятно?

Он сжал кисет с немецкой землей в руке, положил его за пазуху и направился к штабному блиндажу.

Когда мы вступили на территорию Восточной Пруссии, наряду с лозунгами и призывами, мобилизующими личный состав армии на достижение победы, появились и такие, как: «Гори, проклятая Германия!» Мне казалось, что ненависти у наших людей накопилось достаточно, и не стоило еще более разжигать страсти. Я сказал об этом члену Военного совета П. Н. Куликову, но Петр Николаевич отмолчался.

К утру 19 октября саперы 226-го батальона подготовили новый наблюдательный пункт для командующего армией. Его построили в районе Галлкемена на высоте 141,6. Это был первый НП командарма на вражеской территории.

Погода в этот день стояла нелетная. Небо затянуло сплошными низкими облаками, из которых сыпал непрерывный морозящий дождь. С одной стороны это было нам на руку — не приходилось опасаться налетов фашистской авиации, но с другой — и наши самолеты не могли помочь нашим войскам. А поддержка с воздуха была бы весьма кстати, особенно 8-му гвардейскому стрелковому корпусу, который во взаимодействии с частями 5-й армии наступал на Шталлупенен, сильно укрепленный район. Гвардейцам предстояло прорвать полосу укреплений, состоящую из многочисленных дотов, расположенных на господствующих высотах и представляющих из себя мощные железобетонные огневые сооружения с тремя и шестью амбразурами, хорошо замаскированными и защищенными траншеями с открытыми пулеметными площадками и проволочными заграждениями.

Решающую роль в блокировке и уничтожении дотов сыграли штурмовые отряды с включенными в них саперными подразделениями. Многими штурмовыми отрядами в 5-й гвардейской стрелковой дивизии, прорывавшей Раудоненский укрепрайон, командовали не общевойсковые командиры, а офицеры инженерных войск: инженер-капитаны Ф. Н. Василенко, И. Г. Резов, дивизионный инженер-майор П. Т. Мельников, командир саперного взвода 17-го гвардейского полка лейтенант В. Н. Чуркин.

Действовали штурмовые отряды во взаимодействии с артиллерией, танками или самоходками, которые входили в их состав. Под прикрытием их огня к доту ползком подбиралась блокировочная группа из автоматчиков, огнеметчиков и саперов со взрывчаткой.

Можно было бы, конечно, рассказать о подвигах саперов в этот день своими словами, но поскольку о них написал в своей книге «В боях за Восточную Пруссию» командарм 11-й гвардейской К. Н. Галицкий, то уместно процитировать этот важный эпизод в ходе прорыва Раудоненских укреплений:

«К подлежащему уничтожению четырехамбразурному доту с вращающейся броневой башней в опорном пункте Дееден майор Мельников направил группу саперов во

главе с лейтенантом Чуркиным. Когда до дота осталось около 75 м, немцы предприняли контратаку. Саперам пришлось вернуться в исходное положение. Тогда артиллеристы и минометчики обстреляли неприятельские траншеи и тем создали возможность саперам обходным путем приблизиться к доту, ослепить его амбразуры и заложить у входа и у амбразур около 100 кг тола. По сигналу майора Мельникова лейтенант Чуркин поджег бикфордов шнур, раздался мощный взрыв и рухнула часть стены дота.

Не менее решительно действовала и штурмовая группа капитана Ф. Н. Василенко при штурме дота в опорном пункте Раудонен. Вначале три тяжелых танка (КВ) под командованием капитана Курако на больших скоростях прорвались в тыл дота, уничтожили артиллерийскую батарею и подавили пехоту врага. Саперы штурмовой группы во главе со смелым и находчивым капитаном Резовым под огнем противника ослепили все шесть амбразур дота, заложили 120 кг взрывчатки у его двери и произвели взрыв. Дверь была пробита, и гарнизон уничтожен.

В результате смелых и решительных действий одной из многих штурмовых групп 5-й гвардейской стрелковой дивизии был уничтожен дот в районе Пешикена. Когда отделение сержанта Сергеева находилось уже на подступах к доту, гитлеровцы внезапно обстреляли смельчаков пулеметным огнем. Четверо саперов было ранено. Сергеев с оставшимися бойцами подползли к доту обходным путем. Рядовой Данилов первым достиг дота. Пренебрегая опасностью, он взобрался на вершину колпака и сверху накрыл фашинами одну за другой три амбразуры. Увлеченные смелостью своего товарища, остальные саперы также быстро и решительно подобрались к доту и закрыли четвертую амбразуру. В следующий момент саперы заложили взрывчатку и подорвали дот».

Только за один этот день, благодаря мужеству и находчивости саперов, отваге поддерживающих их действия автоматчиков, артиллеристов и танкистов, соединения корпуса захватили и уничтожили девятнадцать дотов!

В то время, когда бойцы 8-го гвардейского стрелкового корпуса прорывали оборонительный рубеж в районе Шталлупенена, 16-й гвардейский стрелковый корпус отвоевывал плацдарм западного берега р. Писса.

Речушка эта невелика, ни с Березиной, ни с Нема-ном ее не сравнить, но переправа через Писсу оказалась нелегкой. Гитлеровцы заблаговременно подготовили оборонительный рубеж вдоль ее западного берега, использовав каждую складку местности, каждую высотку и болотце. Огонь противника был настолько мощен, что предпринятая 1-й гвардейской стрелковой дивизией при поддержке 213-й танковой бригады попытка форсировать реку с ходу не удалась. К тому же крутые отвесные берега высотой до 12 метров являлись серьезным естественным препятствием для танков и самоходной артиллерии. Не говорю уже о противотанковых минных полях, которыми был «напичкан» каждый мало-мальски танко-проходимый участок.

Ротой саперов я наводил переправу на одном из участков Писсы, где должен был наступать 171-й полк 1-й гвардейской стрелковой дивизии. Местность оказалась малоподходящей: с нашей стороны на подступах к реке трясина, с немецкой — высокий берег, по которому постоянно двигались фашистские танки и самоходки. И что странно — подойдут к краю обрыва, как бы оглянутся и... назад. И ни одного выстрела. Неужели не замечают нас? Хорошо, если бы так.

Настилаем гати, возводим из заготовленных здесь же элементов мост, и только вбиваем последнюю скобу, как подошедшие танки противника прямой наводкой уничтожают весь наш труд. Отстрелялись, убедились в содеянном и ушли. Даю команду подвезти новые элементы моста. Начинаем сначала. И лишь только собрался доложить, что переправа готова, танки и самоходки гитлеровцев опять появляются на противоположном берегу и снова в упор расстреливают и гати, и мост. Никогда, кажется, я не чувствовал себя столь беспомощным. Хоть криком кричи — не поможет. Авиационного прикрытия не было, да и погода не позволяла применить самолеты.

Звонит Галицкий, спрашивает, скоро ли наведем переправу. По голосу чувствую — нервничает командующий, вот-вот готов сорваться на грубость. У меня тоже нервы на пределе, но докладываю о сложившейся обстановке возможно спокойнее.

— Посылаю Семенова, — говорит Галицкий и кладет трубку.

Минут через пятнадцать-двадцать подъезжает командующий артиллерией генерал-лейтенант Петр Сергеевич

Семенов, в шинели и в фуражке с черным околышем. Он даже в трескучие морозы не одевал папахи. Выскакивает из машины стройный, подтянутый, порывистый. В свою артиллерию влюблен, как в девушку, и нет для него большего оскорбления, чем услышать, что бог войны вовсе не артиллерия, а, скажем, пехота или танки. Тут он сразу взвинчивается, подчас теряя самообладание, и начинает горячо доказывать, что если и есть бог на свете, то сидит он не в кресле и не на троне, а на артиллерийском лафете.

— Жалуешься? — Петр Сергеевич подошел ко мне, широко и приветливо улыбаясь.

— Нет, не жалуюсь, — говорю. — Издеваются, подлецы, как хотят, а мы не имеем возможности достойно ответить. Силенок не хватает.

— Сейчас мы устроим фрицам встречу, — Петр Сергеевич повернулся к адъютанту, дал указания.

Пока мы в третий раз исправляли поврежденные рядами гати и собирали мост через Писсу, по приказу П. С. Семенова подтянулась скрытно артиллерия, и лишь только танки врага показались на берегу, по ним был открыт ураганный огонь. Танки тут же развернулись и больше уже не показывались.

— Ну вот и все дела! — довольно засмеялся Петр Сергеевич. — Без артиллерии, брат, никуда. Артиллерия тебе не фунт изюму. Бог войны, ничего не скажешь!

Я поблагодарил нашего «бога» за помощь, убедился, что бойцы второго батальона 171-го полка переправляются на западный берег Писсы, отвоевывая плацдарм, и поехал на переправу, где в прорыв должны были вводиться танки.

Гитлеровцы в это время перешли в контратаку и усилили артиллерийский огонь по возведенным саперами переправам. Только что построенный мост для пропуска танков взлетел в воздух, как пушинка. Повторялось то же, что на участке 171-го полка. Мы предвидели такой поворот событий, и я еще раньше дал указание подбросить сюда сборные детали для тяжелого моста.

Под огнем врага мост был собран заново в течение получаса. Однако вскоре над переправой закружили фашистские бомбардировщики и частично ее разрушили. Однако к 14 часам танки и самоходные установки вместе с пехотой успешно переправились на западный берег Писсы и начали крушить гитлеровцев, расширяя захваченный плацдарм.

Часом позже к форсированию Писсы приступили части 31-й гвардейской дивизии, наступавшей на левом фланге 16-го гвардейского стрелкового корпуса. К вечеру дивизия овладела опорным пунктом Эвайнен, а в течение ночного боя — крупным узлом дорог Кассубеном, обеспечив таким образом необходимый плацдарм для ввода в прорыв 2-го гвардейского танкового корпуса.

В эти сутки я не сомкнул глаз, объезжая переправы, проверяя работу комендантских служб, подбадривая уставших до изнеможения саперов, которые обеспечивали переправу через Писсу танкистам генерала А. С. Бурдейного. Почти непрерывно шел зарядивший с утра дождь, почва размякла, и чтобы танки могли продвигаться вперед, саперам приходилось делать жердевые настилы, прокладывая из бревен колейные пути.

Противник не ожидал такого массированного удара танков и нес большие потери.

«Таким образом,— писал К. Н. Галицкий,— к исходу пятого дня наступления на фронте армии сложилась следующая обстановка: ее центральная группировка (гвардейские 2-й танковый корпус и 31-я стрелковая дивизия), неотступно преследуя разгромленные части 561-й немецкой пехотной дивизии, глубоко обошла с юга шталлупененскую группировку. Выйдя в район Вальтеркемена, она создала выгодные условия для удара по противнику в районе Гумбиннена, Даркемена и Гольдапа».

Однако полностью осуществить намерения командарма не удалось. Противник разгадал направление главного удара армии и, наращивая свои силы за счет резервов и снятия войск с других участков, постоянно контратаковал части 2-го гвардейского танкового корпуса, потерявшего за два дня до 40 танков.

Немцы продолжали укреплять оборонительные рубежи на подходах к Гумбиннену — одному из важных узлов обороны Восточной Пруссии. Овладение же Гумбинненом было, можно сказать, в тот момент мечтой командарма Галицкого. Да и все мы уже нацелились на взятие этого города.

Части 2-го танкового корпуса вынуждены были завязать ожесточенный бой на юго-восточной и западной окраинах Гумбиннена. 31-я и 26-я гвардейские дивизии вышли на подступы к Даркемену, а 18-я гвардейская стрелковая дивизия овладела крупным опорным пунктом Восточной Пруссии городом Гольдап. Я получил указание приступить к созданию оборонительной линии на

восточном берегу реки Роминте, которую успешно форсировали наши части, продвинувшись в глубину почти на десять километров.

Приказ этот вызвал во мне недоумение, но командующий положил трубку телефона без каких-либо объяснений. Хорошо зная Кузьму Никитовича, я по тону его голоса угадал, что он и сам отдает этот приказ вопреки собственной воле.

Впоследствии выяснилось, что Галицкому не удалось убедить командующего фронтом в целесообразности продолжения наступления на Гумбиннен, потому что в этот момент гитлеровцы контратаковали фланги армии мощными силами и подтянули в район Гумбиннена несколько свежих дивизий. Правда, в конце концов И. Д. Черняховский согласился, что есть резон продолжать наступление, хотя бы на флангах армии, чтобы выпрямить линию фронта, но Генштаб не утвердил и этого решения. Даже И. Д. Черняховский не знал тогда, что Ставка Верховного Главнокомандования не ставила сейчас задачу очистить от врага территорию Восточной Пруссии, и наша наступательная операция играла вспомогательную роль, чтобы отвлечь противника от главного стратегического направления — на Берлин.

К утру 24 октября вырвавшиеся вперед дивизии армии и танковый корпус генерала Бурдейного отошли на линию обороны, намеченную командующим фронтом. В нашей боевой жизни начинался новый этап, теперь уже на территории Восточной Пруссии.

Начальник инженерных войск

Мы хорошо понимали, что переход к обороне в данный момент является всего-навсего оперативной паузой для приведения армий в порядок и подтягивания тылов, чтобы подготовиться к следующей наступательной операции. Верховное Главнокомандование давало нам возможность не просто собраться с силами, но и оглядеться на совершенно незнакомой нам земле, по привыкнуть, если так можно выразиться, к чужим местам, освоиться и досконально изучить противника, который

на своей территории, естественно, будет сопротивляться особенно яростно и ожесточенно.

За период первой Восточно-Прусской наступательной операции нам уже пришлось испытать упорство противника и, главное, познакомиться с его обороной, глубоко эшелонированной, тщательно продуманной с инженерной точки зрения и до предела насыщенной огневыми средствами. Наша разведка, и в частности инженерная, хотя и дала очень много весьма ценных данных, но не смогла дать полной картины. Поэтому немало загадок из-за отсутствия необходимых сведений приходилось разгадывать в ходе наступления, что нередко приводило к задержкам.

Как только обозначилась оборонительная линия 11-й гвардейской армии, мы разработали маршрут и направили в тыл противника разведгруппу отдельной разведроты 66-й инженерно-саперной бригады из четырех человек под командованием старшего сержанта Халматова, смелого и опытного разведчика. Вместе с ним ушли ефрейтор Харламов, разведчики Мартынов и Сметанников. Группа перешла передний край противника в ночь с 28 на 29 октября и возвратилась на рассвете 3 ноября.

Разведчики установили, что по восточному берегу реки Гавайте проходит траншея полного профиля, хорошо замаскированная и незанятая пока войсками. Ни проволочных, ни других препятствий и заграждений вдоль нее не было. Сама речка танкопроходима, с отлогими берегами. Глубина ее небольшая — всего 0,3—0,5 метра, дно каменисто-песчаное. В районе же Эрженингкен русло вообще пересохло, так что здесь может свободно пройти и автотранспорт.

Проведенная разведка установила, что дорога Вильгельмсберг — Виджунен имеет ширину 10 метров, с гравийным покрытием, проходима для всех видов транспорта. Разведчики обнаружили также дорогу от железнодорожной станции до рощи, по которой непрерывно шел автотранспорт с боеприпасами, а из рощи возвращался порожняком. Очевидно, в роще скрыт артиллерийский склад противника. Разведчики-саперы наряду со всеми другими наблюдениями исследовали сам лес и сделали вывод, что деревья в роще в основном сосновые, пригодные для строительных работ и заготовки деталей переправ и мостов.

Дойдя до реки Вик, разведчики измерили все ее параметры, установив главное — речка танкопроходима.

Точно также они обследовали идущий на юг канал с сухим руслом и обвалившимися берегами.

Особенно нас интересовала река Ангерапп — конечный пункт маршрута разведчиков. Группа старшего сержанта Халматова, детально изучив порученный ей участок реки, в своем отчете сообщила: «Река Ангерапп шириной 18—20 метров, глубиной 1—3 метра. Восточный берег крутой, танконедоступен. Западный берег отложе и ниже восточного. Мостов в разведанном районе нет. Имеется один брод. Оборонительные сооружения на восточном берегу не отмечены. На западном берегу на расстоянии 400—500 метров от берега проходит траншея. Впереди нее немецкий забор со спиралью Бруно внутри. Наблюдаются бетонные колпаки с амбразурами впереди траншеи на 1,5—2 метра на расстоянии друг от друга 100—120 метров».

Наряду с этим разведчики отметили две линии траншей в районе Шестокен, вторая проходила вдоль восточной стороны дороги в пятистах метрах восточнее Пилькаллен; двухпутную гравийную дорогу Граблишкен — Буилин, по которой в обоих направлениях двигались автомашины; обнаружили скопление войск в направлении Гросс Гуделлен с четырьмя танками типа «пантера», четыре шестиствольных миномета в районе Иогаллен, телефонную связь по земле и на шестовке, идущую в Ишдагтен, что свидетельствовало о размещении там войскового штаба, и многое другое.

Штаб армии был удовлетворен результатами разведки, но сам участок разведки был сравнительно небольшим, и потому в ночь с 6 на 7 ноября 1944 года через передний край обороны в полосе 26-й гвардейской стрелковой дивизии под огневым прикрытием от 75-го полка в тыл противника ушла новая группа саперов-разведчиков, возглавляемая младшим сержантом А. И. Видовым, не раз до того побывавшая в немецком тылу. Перед группой, в которую входили разведчики Кононыхин, С. В. Ляпин, С. М. Терцков, В. С. Логунов и радист С. Кудицкий была поставлена задача установить проходимость дорог, исправность мостов, наличие объездов и переправ. Они должны были на порученном им участке разведать реки Гавайте и Ангерапп, установить наличие инженерных заграждений и их характер, разведать подходы и подвоз резервов противника по дорогам Ларкемен — Швиргсклен, Ларкемен — Гудволен, Ларкемен — Ангерсбург и Клайн Думбельн. Углубившись в тыл противника

на 20 километров, группа вернулась без потерь с ценнейшими сведениями, которые впоследствии были использованы при разработке плана наступательной операции.

Немало надежд мы возлагали на разведчиков 2-й разведроты 2-й гвардейской мотостурмовой инженерно-саперной бригады. Гвардии старший сержант Нерушев подготовил свою группу к переходу полосы обороны на левом фланге 58-го полка 18-й гвардейской стрелковой дивизии. В 21.30 31 октября группа по-пластунски преодолела нейтральную зону, составляющую 150 метров, и двинулась к мосту через шоссе. На подходе к мосту группу обнаружил противник из траншеи, идущей вдоль шоссе, и открыл огонь. Разведчики успели нырнуть в бетонную трубу под мостом, однако по выходе оттуда с другой стороны вновь были обстреляны. В конце концов им удалось выбраться оттуда целыми и невредимыми, но дойти до цели и выполнить задание они не смогли из-за интенсивного движения и скопления вражеских войск.

Вспоминается, как все мы переволновались, когда вдруг прекратилась радиосвязь с вновь ушедшей в ночь на 20 ноября в тыл врага разведгруппой старшего сержанта Халматова.

В точно договоренное время разведчики связывались по радию с ротой и условленным шифром передавали свое местонахождение и данные о противнике. А тут с утра 22-го радиосообщения поступать перестали. Все могло случиться — в тылу врага не в гостях у тещи. Не было связи и на следующий день. Наконец мне позвонили и доложили, что 24-го группа Халматова перешла линию обороны в условленном месте. Оказалось, у них вышла из строя рация. С заданием же разведчики справились успешно, пополнив наши штабные карты новыми данными.

В те ноябрьские дни гитлеровцы не сидели спокойно в своих блиндажах. Они систематически атаковали наши позиции, пытаясь нащупать слабые места в нашей обороне. Нам постоянно приходилось укреплять оборонительную линию новыми инженерными сооружениями и заграждениями, ремонтировать дороги, строить мосты, производить минирование. И все это чаще всего под непрерывным огнем противника.

Нередки были случаи, когда саперам, чтобы установить мины, приходилось вступать в единоборство с вра-

гом. Так, командиру роты 11-го гвардейского мотоштурмового инженерно-саперного батальона Финаеву было дано задание перекрыть противотанковыми и противопехотными минами перекресток дорог у поселка Шестокен в полосе 26-й гвардейской стрелковой дивизии, где противник неоднократно предпринимал вылазки при поддержке танков и самоходной артиллерии. Когда саперы вышли на перекресток, гитлеровцы, засевшие в стоящих неподалеку домах, открыли по ним огонь. Финаев приказал командиру отделения гвардии старшему сержанту Титову обойти дома и выбить из них фашистов.

Мотоштурмовым батальон именовался недаром. Все его бойцы, кроме чисто саперного дела, отлично владели оружием и навыками штурмового боя огнем. Не прошло и получаса, как дома были очищены от немцев, и командир роты тут же организовал работы по минированию. Но спокойно потрудиться им не удалось. Выкуренные из домов гитлеровцы с подоспевшим подкреплением пошли на саперов в атаку. Финаева тяжело ранило, но он не оставил бойцов, пока не была отбита атака. Саперы не только заминировали перекресток, но и уничтожили при этом до 20 гитлеровцев.

В полосе действий 84-й гвардейской стрелковой дивизии по данным разведки и показаниям пленных на 3 ноября намечалось наступление немцев. Все меры по минированию и устройству инженерных заграждений на этом участке были приняты, части дивизии подготовились во всеоружии встретить врага. Однако существовала опасность, что по железной дороге в район Гольдап могут выйти мотомехчасти и бронепоезда противника. Помешать этому должен только подрыв железной дороги в тылу противника. Произвести его поручалось отделению гвардии старшего сержанта А. М. Малашкина из 8-го отдельного гвардейского мотоштурмового инженерно-саперного батальона.

Участок подрыва был выбран на перекрестке железной дороги и шоссе. В ночь со второго на третье ноября саперы вышли на выполнение задания. Это была поистине ювелирная работа, сопряженная с немалым риском для жизни. Требовалось незаметно для противника протащить через нейтральную зону три фугаса, заложить их под рельсы, вернуться в траншею и повернуть ручку подрывной машинки. На случай осечки саперы протянули также к фугасам бикфордовы шнуры, чтобы взрыв можно было продублировать огневым спо-

собом. Но осечки не произошло. На ремонт взорванного полотна немцам потребовался бы не один день. Кроме того, этот участок был пристрелян нашей артиллерией.

О высоких результатах работы саперов и, в частности, нашей инженерной разведки говорил полученный нами приказ начальника инженерных войск 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Н. Баранова. В этом приказе от 12 ноября 1944 года после постановки задач на ближайший период отмечалось, что «необходимо учесть опыт инженерной разведки при прорыве пограничной долговременной оборонительной полосы противника. Изучение этой полосы после прорыва показало, что большая часть данных инженерной разведки подтвердилась». И далее: «На фронте прорыва инженерной разведкой были установлены места и границы всех минных полей перед передним краем обороны противника. Это способствовало тому, что ни одного случая подрыва танков и личного состава на минных полях противника на переднем крае не было».

Успехи, отмеченные инженерным командованием фронта, были достигнуты благодаря храбрости и сноровке наших саперов. Это был и результат постоянной их учебы.

Два с лишним месяца оборонительного периода мы использовали для повышения боевого мастерства саперных подразделений, учитывая при этом сложившуюся на данный момент обстановку и вновь возникшие задачи, стоявшие перед войсками 11-й гвардейской армии в целом и ее инженерной службой в частности.

В приказе начальника инженерных войск армии от 2 декабря 1944 г. говорилось: «1. Настойчиво использовать все возможности для подготовки инженерных частей в ночных условиях. 2. По специальной и тактико-специальной подготовке 30% учебного времени отводить на ночные занятия, а по минированию и разминированию — 70%. Учесть инженерные войска взаимодействию ночью с другими родами войск в условиях глубокоэшелонированной обороны противника, насыщенной дотами, дзотами, минными полями, различными заграждениями. 3. Научить инженерные части смелым действиям ночью при борьбе с танками, широко используя при этом противотанковые мины, ранцевые огнеметы, противотанковые гранаты».

Этот приказ нацеливал саперов главным образом на ночные действия, которые ставили противника в затруд-

нительное положение, когда он пытался применить эффективные контрмеры. Ночью возможно скрытно установить или разминировать минное поле. Подорвать то или иное инженерное сооружение также проще и безопаснее в ночных условиях. При этом действовать саперам приходилось фактически наощупь. Без тщательной постоянной тренировки, когда вырабатывается автоматизм, этого не сделаешь. Ведь даже в проволочных заграждениях врага саперов частенько поджидали «сюрпризы» — подвешенные к проволоке и замаскированные мины или ракеты, которые при малейшем неосторожном движении взрывались или взметались в небо, освещая округу ослепительным огнем.

В новом приказе начинша армии от 10 декабря 1944 г. подчеркивалась особая роль подвижных отрядов заграждения (ПОЗ), которые действовали в основном при наступлении и чаще всего днем, на открытых местах и на виду у противника. Поэтому ставилась задача «систематически обучать и тренировать ПОЗ, постоянно держать их в состоянии полной боевой готовности и в случае контратаки танков немедленно, по указанию командиров соединений, выбрасывать для прикрытия угрожаемых направлений».

Идея организации ПОЗ возникла в середине войны, когда скорости неприятельских танков и прочности их брони надо было противопоставить подвижность, внезапность и мощь взрывных заграждений. Основная особенность тактики ПОЗ — установка мин не заблаговременно, а непосредственно в ходе боя перед идущими в контратаку танками и пехотой противника. Неприятеля ошеломляла внезапность возникновения минных заграждений там, где его разведка их не обнаружила.

Инженерная разведка у гитлеровцев была поставлена хорошо. Они, как и мы, выходили в ночные поиски на нейтральную зону, вели наблюдения за нашей оборонительной линией и знали, где установлены наши минные поля. Естественно, при подготовке очередной контратаки они выбирали направление для танков и самоходной артиллерии, где по их данным никаких минных заграждений быть не могло. И вдруг — подрыв! Это сработал ПОЗ, установивший мины буквально за считанные минуты уже во время движения танков противника.

Взаимодействуя с другими родами войск, ПОЗ выполнял в различных видах боя самые разнообразные задачи: прикрывал открытые фланги и разрывы на стыках

с соседними частями, преграждал пути подхода резервов к атакованным подразделениям противника, создавал отсечные заграждения, прикрывал огневые позиции артиллерии, а также штабы, аэродромы и тыловые учреждения на случай прорыва гитлеровцев.

Главное в действиях ПОЗ — подвижность, быстрота, скорость, немедленная реакция. Поэтому в ПОЗ отбирались наиболее опытные, находчивые, инициативные и решительные саперы-минеры. В войсках 11-й гвардейской армии были организованы и действовали два армейских ПОЗ, состоявшие из роты саперов каждый, а также корпусные и дивизионные — из взвода саперов и полковые — из саперного отделения. Все они были полностью обеспечены необходимым боекомплектом мин и взрывчатки, а также транспортом. Опыт показал, что там, где умело применялись ПОЗ, исключалась случайность и войска обретали большую устойчивость.

В том же приказе начинжа армии перед саперами ставилась и новая задача: «К 18.12. создать и обучить в каждой инженерной (саперной) роте отделения истребителей танков в составе 7 человек. Каждого обеспечить 2—3 противотанковыми минами, 2 противотанковыми гранатами, 2 бутылками с горючей смесью, автоматами или карабинами».

Саперам предстояло приступить к перестановке всех минных полей на зимний период, обращая особое внимание на их тщательную маскировку. Так что ни о каком затишье на нашем, саперном, фронте говорить не приходилось.

Кроме того, мы знали, что при наступлении на территории Восточной Пруссии встретятся озера, которые, может быть, удастся обойти, но, возможно, придется и форсировать. Форсировать подобные водные преграды на своей территории нам не приходилось, и потому необходимо было провести соответствующие учения. Мы организовали их на озере Гольдапер-Зее, находившемся в полосе нашей обороны.

Обстановка максимально приближалась к боевой. Передним краем обороны «противника» определили юго-западный берег озера, нашим частям «достался» северо-восточный, простреливаемый условным противником из всех видов оружия. Гвардии капитану Кравченко поручалось с пятью офицерами и четырьмя рядовыми саперами произвести детальную разведку, определить места подхода и устройства паромной переправы.

После проведенной разведки и обработки данных саперы приступили к прокладке колеи, гатей, устройству пристани, подвозу инженерного имущества. И в ночь на 8 ноября 8-й отдельный мотоштурмовой инженерно-саперный батальон успешно форсировал озеро, после чего состоялся детальный разбор проведенных учений.

В двадцатых числах декабря мы провели двухдневные сборы офицеров инженерных войск, которые открылись докладом «Значение и роль инженерной разведки в современной войне». Офицеры прослушали также лекции на темы «Принципиальная схема построения позиционной обороны немцев», «Система оборонительных рубежей в Восточной Пруссии», «Характеристика обороны противника в полосе армии» и другие.

Вот так, в порядке подготовки к новой наступательной операции, мы повышали свое боевое мастерство, не прекращая совершенствовать оборону, вступать в схватки с врагом, заготавливать поковки и детали мостов, которые нам предстояло применить в будущем.

А в начале января 1945 года в моей военной судьбе произошли значительные изменения. В связи с ухудшением состояния здоровья генерал-майор В. И. Зверев был отозван из армии и назначен начальником одной из высших офицерских школ, а я получил назначение на должность заместителя командующего и начальника инженерных войск 11-й гвардейской армии.

С новой должностью особо осваиваться мне не пришлось, поскольку из-за обострения болезни В. И. Зверева последние месяцы я фактически исполнял и его обязанности.

Перед этим назначением, в последних числах декабря, командарма вызвал к себе командующий 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховский. Вернувшись из штаба фронта, К. Н. Галицкий собрал своих ближайших помощников и проинформировал о задаче, которую поставил перед 11-й гвардейской армией комфронтом.

Настроение у Галицкого было приподнятое, но он многого недоговаривал. Во всяком случае, не сказал ни о сроках предстоящего наступления, ни об общем фронтовом замысле. Обижаться на это не приходилось. Секретности подготовки наступательных операций всегда придавалось важное значение.

Впервые 11-й гвардейской армии предстояло наступать не на острие главного удара, а во втором эшелоне. Армия должна была войти в прорыв, развить наступле-

ние в глубину с преодолением занятых войсками оборонительных рубежей противника и вступить во встречные сражения с подходящими сильными резервами неприятеля. Армии был придан 1-й танковый корпус.

11-я гвардейская сдала обороняемый участок 2-й гвардейской армии и, согласно указаниям фронта, сосредоточилась в исходном для наступления районе Шталлупенен — Виштынец — Эйдткунен.

На инженерные войска выпадала нелегкая задача обеспечения продвижения многотысячных войсковых колонн и множества военной техники в районы сосредоточения, оборудования там командных пунктов, подготовки к инженерному обеспечению наступательных действий войск на территории врага с преодолением естественных и искусственных препятствий. Вся подготовка велась при соблюдении тщательной маскировки. Заранее скажу, что инженерные войска успешно справились во всеми этими задачами.

Тяжкая доля в те дни выпала на саперов 140-го батальона, которым была поручена отрывка котлованов для складирования снарядов. Глинистая земля промерзла глубиной до метра, никакой техники в распоряжении саперов не было, взрывчатку из-за секретности проводимых работ применять нельзя. И саперы, вооружившись лишь киркомотыгами, ломами и лопатами, долбили и долбили мерзлую землю. Да еще ставили аппарели для въезда и выезда автомашин с боеприпасами. И таких котлованов, в двадцать четыре кубометра каждый, силами трех рот батальона было открыто около сорока. Часто район работ обстреливался противником.

В эти же дни штаб армии и штаб ее инженерных войск усиленно разрабатывали план предстоящей наступательной операции. Нам предстояло не прорывать оборону, как это было в предыдущих наступательных операциях, а на пятый день боевых действий выдвинуться на передовые позиции, сменить действовавшие на направлении главного удара части 5-й и 28-й армий и продолжать наступление, непрерывно наращивая силы из глубины боевых порядков. Мы не располагали собственными разведанными о противнике и его многочисленных оборонительных рубежах и инженерных заграждениях. Их предстояло получить из рук командования сменяемых нами частей и принять, как говорится, на веру. Положение сменяющего объединения аналогично положению шофера, который должен вскочить в кабину

мчащегося на высокой скорости автомобиля, сменить погибшего водителя и вести машину по бездорожью. Ситуация усложнялась тем, что противник, закрепляясь на заранее подготовленных оборонительных рубежах, оказывал упорное сопротивление.

Проект плана операции, разработанный оперативным отделом штаба армии, К. Н. Галицкий разнес, как говорится, в пух и прах.

— Шаблонно мыслите, товарищи,— сказал он на совещании, когда рассматривался этот проект.— Действуете по устаревшей схеме. Привыкли мыслить одними и теми же категориями, забыли, что сейчас перед нами поставлена совсем иная задача, чем прежде. Нельзя в данном случае планировать операцию по дням, как это было принято, когда армия осуществляла прорыв и на каждом этапе боя должна была уничтожать определенную часть боевого порядка противника. Мы не можем в данной обстановке детально предвидеть ход предстоящей операции, поэтому заранее разрабатывать схему действий просто-напросто неразумно. Это лишь ограничит возможности командного состава, скует его действия. Короче, надо планировать операцию так, чтобы командиры и штабы соединений действовали не по шпаргалке, расписанной по дням и часам, а вели бой, исходя из создавшейся обстановки. Только так они смогут проявить творческую самостоятельность и инициативу. Так что планируйте операцию не по дням, а по этапам, определяя лишь последовательность выполнения задач армии. Все. Желаю успеха! Войска таким образом будут действовать более целеустремленно и сосредоточено.

Вот в этом был весь Галицкий. Чрезвычайно строгий, не терпящий людей бездеятельных, безынициативных, но в то же время и справедливый, что понимал каждый, кому приходилось с ним близко общаться. Кузьма Никитович никогда не выставлял на первый план свое собственное «я». Каждому командиру, то ли корпуса, то ли батальона, он давал простор для самостоятельного мышления, что в немалой степени обеспечивало все успехи 11-й гвардейской армии. Не могу сказать, что Галицкого любили в армии все командиры, но что побаивались его строгого взгляда и в то же время отдавали ему дань величайшего уважения — это уж точно.

В период подготовки операции Кузьма Никитович объезжал штабы корпусов, дивизий, полков и проверял ход подготовки и готовность к ведению операции. С нача-

лом наступления он с начальником оперативного отдела штаба армии внимательно следил за ходом боевых действий. Главную задачу командарма он видел в том, чтобы в случае прорыва обороны противника стрелковым батальоном или полком нарастить силу удара и выйти на оперативный простор. При контратаках врага на каком-то участке он немедленно усиливал части, подвергшиеся атаке. Широкая эрудиция, общая и военная, высокое чувство долга и ответственности, целеустремленность в достижении поставленной цели, воля, подтянутость и организованность — таковы качества командарма Галицкого.

По своему богатому опыту трех войн, личным деловым качествам К. Н. Галицкий по общему признанию вполне заслуживал поста командующего фронтом, но Верховный, как известно, ничего не забывал и ничего не прощал. А было так, что в один из приездов маршала А. М. Василевского в 3-ю ударную армию, когда ею командовал Галицкий, между ними во время обеда произошел разговор, в котором Кузьма Никитович высказал свое мнение об ошибочном выборе направления главного удара наших войск в битве под Москвой. Александр Михайлович в ответ сказал, что они с Георгием Константиновичем Жуковым предлагали другой вариант, который привел бы к меньшим потерям, но Верховный не согласился. Галицкий неодобрительно покачал головой. Обед им подавала девушка Рита, которая чутко прислушивалась к разговору двух полководцев, и с тех пор Галицкий обрел немилость Верховного. Правда, на торжественном заседании в Кремле по случаю победы советского народа в Великой Отечественной войне Сталин вынужден был в числе выдающихся полководцев назвать и К. Н. Галицкого.

Кузьма Никитович высоко оценивал роль инженерных войск. Он неоднократно это подчеркивал, и не проходило дня, чтобы он мне не позвонил и не посоветовался. И инженерные войска армии всегда были на высоте стоящих задач. На минах не подорвался ни один танк, ни один солдат. Мосты через водные преграды ни разу не задержали наступления армии, не подвели и фронтовые дороги.

Командарм Галицкий умел подбирать и воспитывать кадры. Управление 11-й гвардейской армии было сплоченным, дружным, работоспособным. Часто командарм применял такой прием при обсуждении плана предсто-

ящей армейской операции. Он глубоко и внимательно продумывал план, принимал предварительное решение, собирал командиров корпусов, дивизий и приданных соединений и поручал начальнику штаба армии докладывать план от имени штаба. «Чтобы не довлело влияние командарма»,— говорил он. При обсуждении он вызывал участников на критику положений плана и обсуждение всегда было активным. После принятия командующим окончательного решения все энергично включались в работу по подготовке операции.

Лишь однажды мы с Кузьмой Никитовичем разошлись принципиально. Это было уже после штурма Кенигсберга. В городе осталось более 100 тысяч немецкого гражданского населения. Продуктами их обеспечивал комендант города генерал-майор Васильев. Продуктов не хватало, население голодало. К тому же в почти полностью разрушенном городе катастрофически не хватало жилья. Немцы к зиме сами восстановили один из районов Кенигсберга. Но когда дома были восстановлены, Галицкий приказал Васильеву переселить немецкое население в разрушенный район, а восстановленные ими дома передать войскам и начавшим прибывать сюда советским семьям. Я возражал против этого решения в категорической форме, на что Галицкий ответил: «А они разве не так с нами поступали?» «Это же не они,— пытался я разубедить Кузьму Никитовича.— Здесь же дети, женщины, старики. Нельзя с ними так жестоко обращаться». Однако Галицкий был неумолим. В зимнюю стужу немцы вынуждены были вновь оборудовать себе жилье в развалинах. До последних дней его жизни я при каждом удобном случае с упреком напоминал Кузьме Никитовичу о том бесчеловечном решении. «Война есть война, она жестока»,— говорил Галицкий, но я чувствовал, что он раскаивается в содеянном.

И еще в одном вопросе у нас были разногласия с К. Н. Галицким. Он был невероятно скуп на награды. Достаточно сказать, что в войсках 11-й гвардейской армии награжденных было меньше, чем в 43-й армии генерала А. П. Белобородова, хотя 11-я армия внесла больший вклад в разгром кенигсбергской группировки противника и овладение городом-крепостью Кенигсберг.

Но вернемся к январю 1945 года.

План предстоящей операции был разработан заново. Командарм утвердил его без замечаний. 5 января план утвердил и Военный совет 3-го Белорусского фронта.

Инженерные войска армии к этому времени были не только в достаточной мере пополнены приданной им штурмовой инженерно-саперной бригадой. 16-й и 36-й гвардейские стрелковые корпуса получили по одному инженерно-саперному батальону этой бригады, а 1-й танковый корпус, которому предстояло действовать в полосе 8-го гвардейского стрелкового корпуса — два батальона. Задачи, связанные с преодолением преград, постройкой мостов, командных и наблюдательных пунктов, разминированием, частичным восстановлением гидротехнических сооружений и переправ для тяжелых танков и артиллерии на реках Инстер, Дайме, Прегель и Алле возлагались на подразделения нашей армейской 66-й инженерно-саперной бригады.

В десятых числах января 1945 года все было готово к проведению новой наступательной операции, о чем командующий армией доложил Военному совету 3-го Белорусского фронта.

На подступах к Кенигсбергу

---

13 января 1945 года, когда войска 3-го Белорусского фронта начали вторую Восточно-Прусскую наступательную операцию, 11-я гвардейская армия в полной боевой готовности стояла в районе Эйдкунен — Пиллюпенен. К. Н. Галицкий с оперативной группой штаба армии выехал на наблюдательный пункт штаба фронта, чтобы быть в курсе событий и своевременно отдать приказ о вводе в бой своей армии. И Галицкий, и Черняховский не принадлежали к сторонникам абсолютно строгого соблюдения ранее разработанных планов операции. Все зависело от реально сложившейся обстановки, а не той, что была детально расписана на бумаге и тщательно вычерчена на штабных картах. Жизнь вносит коррективы, и командир любого ранга должен их учитывать и оперативно реагировать.

Противостоящее 3-му Белорусскому фронту гитлеровское командование предугадало день нашего наступления и в четвертом часу утра, за пять часов до намеченного нами начала операции, нанесло упреждающий огневой удар. И хотя из-за сильного тумана противник бил бес-

прицельно, по площадям, все же отдельные части 5-й армии, сосредоточенные на исходных позициях, понесли потери и в людях, и в технике.

В 9 часов 15 минут, как было заранее предусмотрено планом, началась наша общая артподготовка. Из-за крайне ограниченной видимости она, однако, желаемых результатов не дала. Как нам стало известно позже, И. Д. Черняховский отдал приказ перенести артподготовку и общее наступление на более позднее время, но в штабе фронта не сработал какой-то «винтик», и приказ до командармов вовремя не дошел. Поэтому начавшие наступление части 39-й, 5-й и 28-й армий встретили упорное огневое сопротивление, и весь день войскам первого эшелона фронта пришлось «прогрызать» оборону противника. В результате выдвижение соединений 11-й гвардейской армии было отменено.

Во второй день операции, как и накануне, нашим войскам удалось продвинуться вперед лишь на два—три километра. То же повторилось и на третий день... Наибольшего успеха добились соединения 5-й армии, которые первыми прорвали главную полосу обороны противника.

К вечеру 17 января в штаб армии вернулся К. Н. Галицкий, собрал весь руководящий состав, рассказал о сложившемся положении и объявил о необходимости подготовки войск к выдвижению на новое направление — в стык 39-й и 5-й армий.

Поздно вечером 18 января армейские соединения начали выдвигаться в новый район. Инженерным частям выпала нелегкая задача: валил густой снег с ветром, дороги были занесены, на мостах образовывалась наледь. Встречное движение автомашин с ранеными, поток всевозможного транспорта и военной техники других частей и соединений затрудняли выдвижение войск армии. Создавались пробки, которые не так-то просто было «расшить». Попробуй-ка разобраться в этом столпотворении колонн, орудий, повозок с различными маршрутами движения. И что всего важнее — в такой ситуации не раскрыть перед противником истинного направления движения армии и намечаемого района ввода ее в сражение.

К счастью, снег продолжал валить, немецкая авиация бездействовала, и мы шли не только ночью, но и днем, защищенные непогодой от воздушной разведки противника.

В архивах о тех сутках нашего передвижения не сохранилось никаких документов, даже малозначительных, потому что всяческая переписка была строго-настрога запрещена, приказы отдавались только устно, и офицерам связи приходилось цепко удерживать их в памяти. А сутки эти были настолько насыщены, настолько сжаты, что их можно бы приравнять ко многим суткам самых нелегких походов. За двадцать четыре часа с одним лишь трехчасовым привалом в такую вот непогодь армия преодолела по узким, обсаженным столетними деревьями и заснеженным дорогам около пятидесяти километров, а 83-я гвардейская стрелковая дивизия — все семьдесят...

И после такого марша пехотинцам сразу же пришлось вступить в бой, а саперам приступить к строительству мостов через реку Инстер, разминированию минных полей и расчистке двух завалов в районе населенного пункта Краупишки. Благо, накануне в оперативное подчинение 66-й инженерно-саперной бригаде была передана химрота 69-го отдельного батальона по химической защите для прикрытия саперов во время строительства переправ и мостов от наблюдения.

Саперы прекрасно понимали, что от их работы в немалой степени будет зависеть общий ход наступления и, несмотря на валящую с ног усталость, в срок выполняли поставленные перед ними задачи. Только саперы 140-го батальона менее чем за сутки построили мост под нагрузку 70 тонн на двойных свайных опорах длиной 24 метра, восстановили еще один разрушенный при отходе немцев мост, оборудовали к ним въезды для тяжелых грузов, разминировали три минных поля, проверили щупами и миноискателями полуторакилометровый участок дороги.

Однако не только строить и восстанавливать мосты приходилось саперам во время наступления, но и взрывать их. Подобное произошло в районе севернее Гросс Скайспиррен 20 января, когда гитлеровцы перешли в контратаку, надеясь вернуть этот, захваченный нами, населенный пункт. Четыре немецких танка с поднявшейся за ними пехотой двинулись к единственному здесь мосту. Сдержать натиск наша пехота не смогла, и единственным выходом из положения был подрыв моста.

В распоряжении саперов 45-го батальона 9-й штурмовой инженерно-саперной бригады сибиряка младшего сержанта Дмитрия Семеновича Черепанова и украинца

рядового Николая Николаевича Грабовецкого были считанные минуты. Их поддерживали огнем другие саперы батальона. Наметив наиболее уязвимые для подрыва места, Черепанов с Грабовецким подвязали заряды к фермам, проложили сеть и подорвали мост в тот самый момент, когда головной фашистский танк подходил к нему. Читатель при этом может сказать: стоило бы лучше дожидаться, когда танк взойдет на мост, и тогда уж взорвать, чтоб и танк вместе с фермами рухнул в воду. Но все дело в том, что мост был небольшим, и танк мог проскочить его даже в момент взрыва и наделать больших бед в расположении наших войск. Так что саперы в данном случае поступили правильно, сорвав контратаку немцев и не дав им возможности овладеть важным опорным пунктом.

В ночь на 21 января неожиданно потеплело, пошел дождь. За несколько часов растаял снег, раскисла почва и снова прибавилось работы саперам. Все-то было здесь не так, все не по-русски, даже эти капризы погоды. Вспомнились наши, настоящие русские зимы с постоянными морозами, глубокими снегами, и так защемило сердце, так захотелось глотнуть свежего и сухого морозного воздуха, что выругал в душе эту ни в чем неповинную погоду.

А днем дождь сменился снегом, температура понизилась, и стало вроде бы веселее. Танки и самоходные орудия уже не буксовали, шли вперед, хрустя ледяной коркой, покрывшей землю. Танкистов, как всегда, сопровождали саперы.

Одно из подразделений 2-го танкового корпуса наступало на местечко Вайдлякен. С ними находилось отделение младшего сержанта коммуниста Егора Дмитриевича Дмитриева 42-го инженерно-саперного батальона. Танки первыми ворвались на улицы этого населенного пункта. Еще при подходе к Вайдлякену сапер Никита Иванович Пащенко заметил перебежавших немцев, подтолкнул локтем сидевшего рядом на броне танка командира отделения: гляди, мол, как бы не ударили по танкам из засады. Дмитриев тут же скомандовал: «Прыгай!». На ходу они спрыгнули с танка, перебежками и по-пластунски подобрались к гитлеровцам и завязали бой. Им на помощь поспешили товарищи, спрыгнувшие с других танков, во главе с командиром первой роты старшим лейтенантом Нецветаевым и командиром взвода лейтенантом Богдановым.

Из окна одного из домов застрочил пулемет. Пащенко, обдирая локти о крошащийся наст, в белом маскировочном халате, прикрываемый огнем товарищей, подполз к дому с тыльной стороны, бесшумно открыл входную дверь, также бесшумно поднялся по лестнице, ведущей на мансарду дома, где засели фашистские пулеметчики, и автоматной очередью прошел расчет. Пулемет замолчал. И тут Пащенко услышал какой-то неясный шум, доносившийся с невидимой ему отсюда стороны. Словно сотни каких-то беспомощных голосов слились в единый неразборчивый гул.

Пащенко выбежал из дома. За эти несколько минут, пока он расправлялся с пулеметчиками, рота саперов Невцветаева «разобралась» с засевшим в Вайдлякене гарнизоном. Гул слышал не только Пащенко. Все саперы устремились туда, откуда он доносился, и увидели длинный, окруженный забором из колючей проволоки барак. Навстречу им выбежали плачущие от радости наши военнопленные, которым, — опоздай танкисты с саперами на час-полтора, — грозила верная смерть. Лейтенант Богданов построил военнопленных красноармейцев в колонну, — их было около пятисот человек, — и указал маршрут к штабу корпуса. Саперы помахали им на прощание и побежали к поджидавшим их танкам, чтобы снова идти вперед.

Труднее всех, пожалуй, было в этот день подразделениям 36-го гвардейского стрелкового корпуса, наступавшим на инстербургском направлении. Гитлеровцы непрерывно бросали в бой из Инстербурга свежие силы с танками и штурмовыми орудиями и, казалось, что людские резервы у них неисчерпаемы. И все же, разгромив более десяти опорных пунктов, войска корпуса к вечеру подошли к ближним подступам Инстербурга. Там проходила последняя линия обороны города, укрепление которой, включавшие долговременные инженерные оборонительные сооружения, оказались значительно мощнее, чем мы предполагали. К тому же корпусу предстояло форсировать реки Инстер и Прегель. И тогда командующий армией К. Н. Галицкий принял решение штурмовать город в ночь на 22 января. Армия не раз вела ночные бои, не говоря уже о тех постоянных учениях в ночных условиях, и это было одной из сильных сторон ее деятельности. О саперах и говорить не приходится. Они жили, как совы, охотясь за минами и проводя разведку только в ночное время. К тому же, как

я уже говорил, корпусу дополнительно был придан штурмовой инженерно-саперный батальон 9-й бригады, так что командиру корпуса генерал-лейтенанту П. К. Кошевому было на кого опереться при прорыве линии обороны.

Перед этим меня вызвал к себе К. Н. Галицкий, попросил доложить результаты проведенных в последние сутки инженерных разведок. Выслушав, призадумался, скользко взглядом по лежащей перед ним карте. Потом сказал:

— Плохо мы все-таки знаем противника, Михаил Георгиевич. Во многом приходится сомневаться. Нам предстоит форсировать реки Дайме и Алле с ходу почти на пятидесятикилометровом фронте,— карандаш командарма скользнул тупым концом по карте, обозначив главные пункты, которые нам предстояло захватить: Тапиау — Велау — Таплаккен — Зимонен.— Надеюсь, что создать сплошной рубеж обороны на таком широком фронте противник не успел. Но кто может гарантировать, что он не взорвет лед и мосты? Более того, взорвав имеющиеся плотины, он может затопить поймы рек. Что вы скажете на этот счет?

Война есть война. Самая детальная разведка не всегда могла дать исчерпывающие данные. Приходилось предугадывать намерения врага и всегда быть готовым к самому худшему. Наш штаб разработал детальный план инженерного обеспечения форсирования рек Дайме и Алле, и командующий хорошо был с ним знаком. Но все это было на бумаге, и я понимал и разделял сомнения Кузьмы Никитовича, отвечающего за судьбы и жизни десятков тысяч солдат и офицеров.

— Если так случится,— ответил я,— то единственный выход — взорвать лед на реке и пустить в ход плоты и паромы. Но это бесспорно задержит ход наступления. Нужно, по-моему, предупредить намерения немцев и попытаться захватить мосты и плотины передовыми отрядами.

Опыт применения передовых моторизованных отрядов, состоящих из стрелкового батальона, роты саперов на автомашинах, роты танков и артиллерийского дивизиона на механической тяге, у нас уже был и не раз себя оправдал.

Мне показалось, что Галицкий улыбнулся, слушая мое объяснение, а может быть, в постоянных заботах и тревогах, просто чуточку просветлело его лицо, а я принял

это за улыбку. Во всяком случае, мои слова, видимо, совпали с намерениями командующего армией.

Передовые отряды сыграли немалую роль и при штурме Инстербурга, где гитлеровские войска, несмотря на темноту, оказали упорнейшее сопротивление. Немцы, кстати, сами редко предпринимавшие ночные штурмы, наловчились отбивать наши ночные атаки, действуя достаточно умело. К пяти часам утра части 18-й и 16-й гвардейских стрелковых дивизий полностью овладели центром Инстербурга. В тот же день политотдел 9-й штурмовой инженерно-саперной бригады выпустил «молнию», в которой рассказывалось о подвиге саперов из 45-го батальона, возглавляемых старшим сержантом Богатыревым.

Коммунист Богатырев ехал на броне головного танка. На подходе к Прегелю он заметил лежащие на снегу провода, которые тянулись в сторону моста. Он соскочил с танка и одним взмахом ножа перерезал их. Но при этом он увидел, что возле ферм моста копошатся немецкие саперы, готовясь подорвать мост заложенными фугасами. Вместе с младшим сержантом Ольшанским, рядовым Гурьяновым и другими саперами, Богатырев бросился к мосту, который вот-вот мог взлететь на воздух. Они расстреляли гитлеровцев, обезвредили заряды фугасов, вспрыгнули на броню своего танка и пошли преследовать отступающего врага.

Благодаря подобным действиям саперов, мужеству пехотинцев, танкистов и артиллеристов, 11-я гвардейская армия за три дня боев с ходу прорвала главную оборонительную линию Ильменхорстского укрепленного района и, заняв свыше 250 населенных пунктов, продвинулась в глубину на 60—75 километров.

Вспоминается эпизод, когда передовые части форсировали реку Дайме в районе Велау и заняли плацдарм на берегу реки. Правда, выражение «форсировали» в данном случае не совсем оправдано. Дело в том, что река Дайме была покрыта льдом, разрушенном в отдельных местах снарядами. Пехота, поддерживаемая огнем артиллерии, прошла по нему легко и почти без потерь. Однако, заняв плацдарм на противоположном берегу, она не смогла продвинуться ни на метр, встреченная ураганным огнем врага. Для дальнейшего ее продвижения требовались танки. Но танки не могли пройти по тонкому льду с полыньями от разрыва снарядов. А неподалеку дразняще стоял железнодорожный металлический

мост с покореженными фермами от взрыва бомб и снарядов. Я находился тогда с наступающими войсками в другом месте. Меня разыскал по рации командующий:

— Осмотрите мост, прикиньте, что можно сделать. Необходимо срочно переправить на ту сторону танки, иначе наступление захлебнется.

Бросаю все, сажусь в машину, подъезжаю к железнодорожному мосту, осматриваю повреждения. Фермы повреждены осколками. Сечения элементов ферм ослаблены. Рассчитываю элементы по диаграмме Кремоны — нет, не выдержит тяжести танка. Нужно усиливать несущую способность стержней мостовых ферм.

Даю команду подвести проволоку, бревна и металлические балки. Саперы приступили к усилению ферм моста. Операция заняла около часа. За это время к мосту, видимо, по приказу командующего, стали подходить танковые подразделения. Подъехал на своем броневике К. Н. Галицкий и сразу ко мне:

— Ну что?

— Сделали, что успели.

— Танки пройдут?

— Должны пройти, хотя риск, конечно, есть.

— Больше ждать некогда. Будем рисковать! — Кузьма Никитович повернулся к командиру танкового подразделения: — Начинайте переправу.

— Не могу, товарищ командующий армией. Под танком эта поврежденная железяка на кусочки развалится. Зря погубим людей.

Галицкий задумался, не решаясь, видимо, повторить приказание. Мост и на самом деле не внушал доверия.

Тогда я пошел к головному танку, сел рядом с водителем и попросил ехать плавно, без рывков, не переключая взятой скорости.

Страха, прямо скажу, не испытывал, но на сердце все же было тревожно: а вдруг не выдержит! И не о том думал, что могу погибнуть вместе с этой машиной, а о том, что если обрушится мост, может захлебнуться наступление. А фермы под нами колеблются, мост трещит, скрипит, стонет, повизгивает... Так и подмывало сказать водителю, чтоб прибавил скорости, хотя и понимал, что делать этого ни в коем случае нельзя.

Ничего, проскрипели, сошли с моста на берег.

Кузьма Никитович встретил нас на том берегу. Оказывается, командарм бежал по льду параллельно иду-

щему по мосту танку, тоже в немалой степени рискуя собой. Танкистам была дана команда переправляться по одному, на небольших скоростях и плавно.

Танки подоспели вовремя, сорвав готовившуюся контратаку немцев. И все пошло своим чередом.

23 января 1945 г. на ближних подступах к Кенигсбергу я с группой офицеров проводил рекогносцировку, чтобы наметить места проходов для танков и артиллерии.

Мы воевали уже на вражеской территории. Победа открыла нас и как-то притупила бдительность. Я и шесть офицеров шли по первой траншее в полном офицерском обмундировании, не накинув на себя даже плащ-палаток. Вели разведку, пользуясь биноклями. Противник открыл ураганный огонь из всех видов оружия.

Очнулся я на НП командира батальона, в нескольких метрах от первой траншеи, окруженный людьми в белых халатах, и ничего не мог сразу понять. Это уж потом мне рассказали, что возле меня разорвался артиллерийский снаряд, и только по счастливой случайности я остался в живых. Раненого осколками в руку и голову и контуженного, меня на носилках вынесли девушки-санитарки. Мне неизвестны их имена, но я им безмерно благодарен.

Ранение и контузия заместителя командующего армией — начальника инженерных войск в самый ответственный период подготовки наступления вызвало тревогу. Командарм Галицкий, выслушав по радио доклад командира стрелкового батальона о моем состоянии, спросил: «А Григоренко станет в строй?» Старший врач ответил: «Полковник Григоренко подлежит немедленной отправке в госпиталь. В строй он не станет», и получил указание Галицкого сделать все возможное, чтобы Григоренко остался в строю. Позже Кузьма Никитович рассказал мне следующее...

Первым он разыскал представителя ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза А. М. Василевского и обо всем доложил ему. «Как же так неосторожно! — сказал в ответ маршал. — Прикажете, Кузьма Никитович, принять все меры, чтобы обойтись без госпиталя. Без Григоренко вам будет трудно». Вторым командарм разыскал генерала армии И. Х. Баграмяна. Командующий Земландской группой войск, выразив сожаление по поводу случившегося, тут же прислал из своего штаба полковников А. А. Винского и А. И. Фельдмана на замену начальника инженерных войск в случае

выхода его из строя. Однако в командование инженерными войсками 11-й гвардейской армии им вступить не пришлось, поскольку я через четыре часа после контузии пришел в сознание и категорически отказался от госпитализации, хотя врачи так же категорически на этом настаивали.

Командующий фронтом генерал армии И. Д. Черняховский, когда командарм доложил ему о происшедшем, сказал, насупившись: «А почему это Григоренко разгуливает по переднему краю при полном параде, как на Невском проспекте? Вот и догулялся! Приказываю строго-настрого запретить всему командному составу появляться в первых траншеях в офицерской форме. Иначе мы вообще останемся без командиров». Лично мне Иван Данилович никаких замечаний при встречах не делал. После его гибели, примерно в аналогичных условиях, я подумал о том, что он вел себя на виду у противника так же, как и я. В форму рядового не переодевался. Наиболее осторожным был А. М. Василевский, который в войсках появлялся в защитного цвета комбинезоне без знаков различия.

Перевязанная голова гудела от контузии и ранения, язык с трудом поворачивался во рту, но сознание работало четко. Я понимал, что новому человеку трудно будет быстро сориентироваться в сложившейся обстановке и провести необходимое инженерное обеспечение операции армии. Да и вообще о каком госпитале может быть речь, если руки-ноги целы, голова погудит да перестанет, а заикание со временем пройдет само собой.

О моем решении врачи доложили К. Н. Галицкому. Он обрадовался и отпустил в мой адрес несколько очень лестных для меня эпитетов. Винский и Фельдман жили дня три в другом городке, скрытно от меня, чтобы, как они позже выразились, «не травмировать мою психику».

Вначале я командовал инженерными войсками лежа, затем сидя и, наконец, поехал в войска перевязанный и заикающийся. Став в строй, я был рад выслушать доклад о том, что саперы 6-го отдельного гвардейского батальона выполнили мое распоряжение, построив в ночь с 23 на 24 января ледяную переправу с верхним строем через р. Прегель в районе южнее д. Шаберау. Работы велись под непрерывным огнем, и через новую переправу прошли самоходные артиллерийские дивизионы 5-й и 83-й гвардейских стрелковых дивизий. Одновременно получил донесение начальника штаба 137-го

отдельного понтонно-мостового батальона гвардии капитана Кравченко, в котором говорилось, что «во исполнение Вашего приказа к 17.30 24.01. 45-м батальоном наведен 60-тонный понтонный мост дл. 52 м через устье Алле в районе Велау. За время действия пропущена боевая техника 2-го Тацинского танкового корпуса, 1-й гвардейской стрелковой дивизии, 43-й танковой бригады и мн. др.». Моя работа пошла своим чередом.

25 января соединения 11-й гвардейской армии прорвали оборонительные рубежи на реках Бибер и Куффлис и, наступая вдоль железнодорожного полотна Велау — Кенигсберг, заняли свыше 70 населенных пунктов и 6 железнодорожных станций.

В этот день особо отличились саперы взвода гвардии лейтенанта Алексея Павловича Степанюка из 11-го отдельного гвардейского штурмового инженерно-саперного батальона.

Их было двадцать два человека. Они сидели десантом на броне четырех танков. Танки, получив задачу прорваться через линию обороны противника, мчались с такой бешеной скоростью, что саперы едва удерживались на броне. Еще на подходе к немецким траншеям они подверглись ураганному огню гитлеровцев, которые били по ним из орудий, минометов, винтовок и автоматов.

Возле танков вздымалась от разрывов снарядов земля, пули и осколки ударялись о броню, цвикая, цокая, свистя и посвистывая. Шестеро саперов были смертельно ранены. Полоса обороны оказалась позади. Танки пошли спокойнее. Впереди показался населенный пункт Маценфельде. По команде лейтенанта Степанюка саперы прыгнули с машин и заняли оборону возле дороги. Танки же, как было предусмотрено планом, ушли вперед.

Саперы не предполагали, что гарнизон немцев, оборонявших Маценфельде, составляет целый батальон — более двухсот человек. Остаться подле дорожной насыпи было равносильно самоубийству. Командир взвода дал команду разбиться на группы по три-четыре человека, каждой группе захватить по одному из ближайших домов и драться до последнего патрона.

Сам Степанюк взял с собой ефрейтора Жернового Василия Юрьевича, рядового Михаила Филипповича Семенюка, и они втроем захватили пустой крайний дом на правом фланге. Остальные, опередив ошеломленных немцев, засели в соседних домах.

Гвардии лейтенант Степанюк велел Жерновому стать у правого окна, Семенюку — у противоположного, а сам взбежал по лестнице на чердак, откуда проще было вести наблюдение и расстреливать пришедших в себя и начавших осаждать дом гитлеровцев. А их, как ему показалось, была тьма-тьмущая. И не удивительно: на обычный кирпичный домик, который ни особняком, ни хоромами не назовешь, не из богатых, видимо, был хозяин, двигалось не меньше сотни фрицев, орущих: «Рус, сдавай! Хеде хох!» Степанюк первым открыл огонь, за ним остальные. Все они были опытными, обстрелянными в предыдущих боях саперами. И возраст далеко не юношеский. Жерновому — за сорок, Семенюку минуло тридцать шесть, лейтенанту недавно тридцать второй пошел. Все трое с Украины, только из разных областей.

После нескольких минут неравного боя на мостовой осталось лежать десятка три гитлеровцев. Однако остальные не отступили. Они начали окружать дом. Жерновому с Семенюком пришлось перебраться на чердак к своему командиру, потому что группе немцев удалось ворваться в комнату. И кто знает, как сложились бы обстоятельства, если бы в этот момент не вернулись танки и не стали обстреливать поселок.

Немцы поспешили укрыться в каменном сарае на окраине Маценфельде. Танки сделали несколько выстрелов прямой наводкой, но снаряды не причинили никакого ущерба толстым кирпичным стенам. Тогда саперы по команде командира взвода плотно окружили сарай. Гвардии сержант Павел Титович Зенкевич и сибиряк-алтаец рядовой Федор Герасимович Горлов стали строчить по окнам сарая из станкового пулемета, отбитого у гитлеровцев. Тяжело раненный, истекающий кровью, сапер Виктор Сурков, из города Сенгилея Ульяновской области, самый молодой из всех шестнадцати, ему только-только минуло восемнадцать лет, не выпускал из рук автомата. Бил по немцам из захваченного ручного пулемета белорус Сергей Яковлевич Перевалов...

Прикрываемые огнем, остальные саперы подползли к окнам сарая и стали бросать в них гранаты. Гитлеровцы запросили пощады. В результате трехчасового боя было уничтожено 108 гитлеровцев и 47 взято в плен. Захвачено три пулемета, одна рация, более сотни винтовок и автоматов. Танкисты разбили три пушки

и бронетранспортер. В неравном бою пали смертью храбрых четыре сапера.

Почти такая же ситуация сложилась и при взятии населенного пункта Шнейдерин, где взвод саперов-десантников под командованием гвардии лейтенанта Фомы Ефимовича Козлова, комсомольца с Витебщины, в течение часового боя уничтожил 117 гитлеровцев и семерых взял в плен.

Саперам, обеспечивавшим наступление частей 18-й и 83-й гвардейских стрелковых дивизий, не пришлось вступать в бой, но героизм они проявили в борьбе с обрушившейся на них стихией. Враз вдруг разорвались облака, засветило солнце, снег начал таять, и низины, по которым, скрываясь за невысокими, покрытыми лесом холмами, должны были пройти танки и самоходная артиллерия, затопило водой, словно в весеннее половодье. Саперы рубили лес и, стоя в ледяной воде, настилали гати: где два-три десятка метров, а где и до километра. Почти по всей линии фронта наступления дивизий 11-й гвардейской армии встречались то залитая водой канава, то оттаявшее болото, то невидимый канал, скрытый до той поры снегом.

Однако, несмотря на мужество и героизм всех войсковых соединений, наступление все же затормозилось, и за 26 января войска армии продвинулись всего на 4-12 километров, что никак не соответствовало плану наступления и выполнению задачи, поставленной командованием.

Последние дни января запомнились мне обильными снегопадами, крепкими для этих мест морозами, доходившими в отдельные часы до двадцати градусов, постоянным не сильным, но пронизывающим ветром. Нелегко было в таких условиях прогрызать оборону врага, который, предчувствуя свой близкий конец, сопротивлялся еще упорнее, еще злее, чем раньше. И если у противника с каждым пройденным нами километром фронта силы концентрировались, сжимались во все еще мощный кулак, то наши, наоборот, таяли, иссякали. И хотя из-за непогоды войска не ощущали на себе ударов вражеской авиации, которая при чистом небе буквально свирепствовала над переправами и мостами, наша бомбардировочная авиация в свою очередь не могла способствовать наступающим частям армии. А задача, поставленная перед гвардейцами, была непростой: овладеть южной частью Кенигсберга, левым крылом

армии выйти к заливу Фришес-Хафф, отрезав тем самым кенигсбергскую от южной группировки войск.

26 января Военный совет армии издал специальную листовку, в которой говорилось, что «овладеть Кенигсбергом — дело нашей чести, славы, доблести».

Кенигсберг был совсем рядом. В редкие часы про света, когда переставал сыпать снег и в затянутом облаками небе появлялись солнечные прогалины, в бинокль можно было разглядеть шпили кирх и дымящие трубы заводов столицы Восточной Пруссии. Казалось, стоит лишь немного принапрячься, и можно идти на штурм. Но, как говорится, близок локоть, да не укусишь. Подступы к Кенигсбергу преграждали сильнейшие, насыщенные всеми видами инженерных сооружений оборонительные рубежи. К тому же противник уплотнил боевые порядки, спешно перебросив под Кенигсберг новые части из самого города и с других участков фронта.

И все-таки соединения армии продолжали продвигаться вперед. Пусть не столь скоро, как хотелось бы и как предусматривалось планом операции. К исходу 27 января они вышли на рубеж Крауссен — Шенмор — Ватеркайм. На следующий день 31-я дивизия овладела важным населенным пунктом Голлау, перерезав шоссе Кенигсберг — Мансфельд, а левифланговая 11-я дивизия, которая наступала вдоль реки Фришинг, разгромила цеплявшегося за каждый метр и предпринимавшего усиленные контратаки врага, заняла Лихтенхаген, прикрывавший пути к заливу Фришес-Хафф, до которого оставалось всего около десяти километров.

29 января, начав утром новое наступление, части 16-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал опытный, прошедший боевую закалку под Сталинградом генерал С. С. Гурьев, достигли укреплений внешнего обвода Кенигсберга. Вот тут-то мы и поняли по-настоящему, что пройденное было по существу лишь предпольем, а настоящий орешек ждал нас впереди. Надо отдать должное немецким военным, которые столь умело, тонко продумали и в совершенстве исполнили оригинальную и мощную систему обороны. Прав был маршал Василевский, который сказал: «Кенигсберг — крепкий орешек. Его трудно будет разгрызть». Перед 1-й гвардейской стрелковой дивизией, которая наступала на правом фланге корпуса, оказался сплошной противотанковый ров, любой участок которого простреливался многослойным пулеметным огнем. За рвом находились две

линии траншей с тщательно разработанной и осуществленной задолго до войны системой дотов и других долговременных и полевых фортификационных укреплений и заграждений. Но самым главным препятствием на этом участке обороны явился форт «Понарт», который стоял в километре северо-западнее Альтенберга и был тщательно замаскирован пологими холмами с могучими вековыми деревьями. Почти невидимый, он в то же время как бы нависал над всей окружающей местностью огромной хищной птицей, следившей за нашими войсками зорким всевидящим глазом. Стоило поднять голову, и форт тут же огрызнулся артиллерийским, минометным и пулеметным огнем, бьющим с невидимых позиций.

Штурмовать форт с ходу было бы непростительной ошибкой, и командир дивизии, опытный полковник Павел Федорович Толстиков на полтора часа приостановил наступление. Всего лишь на полтора часа, чтобы подготовить штурм маленькой, но до предела укрепленной крепости.

В мирные дни полтора часа практически ничего не значат, в войне даже минуты, а иногда секунды решали судьбы целых городов, тысяч людей и успех сражения. Так и тут. За это до предела спрессованное время подтянули артиллерию для стрельбы прямой наводкой, наладили связь с мощной дальнобойной артиллерией, вышли на исходные позиции «катюши». Саперы успели подготовить заряды взрывчатки, штурмовые лестницы. Пехотинцы изготовились к атаке...

Что являл собой форт «Понарт», мы по-настоящему узнали уже после его штурма, когда познакомились со всем его «содержимым», хотя в общих чертах многое себе представляли из показаний пленных немецких солдат.

Форт «Понарт» представлял собой вытянутый по фронту шестиугольник, с размерами сторон 360×180 метров. Строили его еще в прошлом столетии со стенами толщиной от одного до трех метров. За последние годы модернизировали, оборудовав четырьмя артиллерийскими батареями разных калибров и минометами. Форт окружался ровом шириной в двадцать пять и глубиной до семи метров. Передняя, обращенная к нам часть рва была отвесной и одета рваным камнем. Ров на два метра был заполнен водой. Из специальных боевых казематов каждый фас вдоль стен простреливался многослойным пулеметным и ружейным огнем.

В 15 часов комдив П. Ф. Толстиков отдал приказ о начале штурма. 167-й полк должен был обойти форт с запада и блокировать его, а 169-й полк атаковать с фронта.

«При организации штурма форта,— писал К. Н. Галицкий,— особое внимание обращалось на его артиллерийское обеспечение, для чего выделялось 77 орудий, из них 35 крупного калибра. Искусно спланировали их командующий артиллерией дивизии полковник А. Н. Ботвинник и начальник артиллерии полка майор А. А. Степанов. Три батареи дивизионной артиллерии и вся полковая и батальонная артиллерия 169-го полка были поставлены на прямую наводку для ведения прицельного огня по амбразурам и непосредственной поддержки стрелковых подразделений. Артиллерия, стрелявшая с закрытых позиций, вела огонь на подавление огневых средств форта и создавала огневое окаймление его с тыла, не допуская подхода резервов. Минометы полка были сведены в одну группу, чтобы их огнем закрыть входы и выходы из форта. Мощный артиллерийский огонь был открыт и по фортам, взаимодействующим с «Понартом», которые могли поддерживать его огнем».

Когда артиллерия начала «обрабатывать» сооружения форта, он скрылся из глаз в клубах дыма и тучах кирпичной пыли. Никакие снаряды не могли, конечно, пробить толщу стен форта, но нетрудно представить положение его гарнизона, оглушенного взрывами, ослепленного дымом, пылью и гарью. Осколки снарядов, если и не достигали засевших в укрытиях гитлеровцев, то не давали им возможности высунуться, чтобы открыть ответный огонь. Тем временем саперы полка под руководством инженер-капитана Л. З. Балыма и дивизионного инженера А. М. Жирнихина подорвали стены рва и частично засыпали его, чтобы по образовавшейся перемычке к форту могла подобраться гвардейская пехота.

Сделать взрывным способом перемычку дело не простое, оно требует соответствующих расчетов и знаний взрывного дела. И в этом случае сыграли свою роль заблаговременно проведенные нами учения в саперных подразделениях.

Как и в других соединениях, я часто бывал в 1-й гвардейской стрелковой дивизии и с проверками, и для обсуждения и утверждения планов инженерного обеспечения, и во время боев приезжал нередко, чтобы совместно

выработать план дальнейших действий. На дивизионного инженера Александра Михайловича Жирнихина всегда можно было положиться — не подведет. Особенно мне в нем нравились скромность и честность.

Родился он в Баку, в семье рабочего. В 1937 году был призван в армию, окончил Полтавское автомобильное училище, после которого в 1940 году был направлен в 1-ю гвардейскую стрелковую дивизию командиром паркового взвода инженерного батальона. С того дня он со своей дивизией не расставался и вырос до дивизионного инженера, которым был назначен в июле 1944 года. Шел ему тогда двадцать девятый год. Война выдвигала молодых и способных на высокие должности.

Но вернемся к штурму «Понарта».

Когда артиллерийский огонь прекратили из-за опасения ударить по своим наступающим подразделениям, саперы произвели подрыв ряда амбразур. Гитлеровцы открыли огонь из всех неподавленных артиллерией огневых точек. Но поскольку к тому времени наступила темнота, то били они не по цели. Нашим же гвардейцам по вспышкам хорошо были видны их огневые точки, да и действовать в ночной обстановке солдаты привыкли не хуже, чем днем, тем более, что мы точно знали их расположение.

Саперы произвели несколько взрывов направленного действия. Часть стен форта рухнула, и в образовавшиеся проломы бросились в бой гвардейцы батальонов, которыми командовали майор Н. И. Яковлев и майор В. В. Виноградов. Они расчищали себе путь гранатами, огнеметами и автоматами. Вскоре после полуночи все было кончено. Около двухсот оставшихся в живых гитлеровцев сдались в плен.

Однако на этом история со штурмом форта «Понарт» не завершилась. Даже бездействующий, лишенный гарнизона, с подорванными орудиями, он висел над дивизией, как проклятье.

«Сразу же после взятия частями 1-й гвардейской стрелковой дивизии форта «Понарт», — рассказывал Александр Михайлович Жирнихин, — немцы стали предпринимать отчаянные усилия для возвращения его в систему своей обороны и постоянно большими силами контратаковали позиции дивизии. Наш передний край находился всего лишь в километре впереди взятого форта.

Дивизия к этому времени после длительного наступ-

ления была ослаблена, и у противника появились реальные шансы возвратить форт, где размещался еще и крупный склад боеприпасов, которых мы не успели ни сосчитать, ни ликвидировать.

В этой обстановке командир дивизии, посоветовавшись со мной и вышестоящим командованием, принял решение взорвать форт. Это решение обосновывалось тем, что форт для нас не представлял боевой ценности, не вписываясь в систему нашей обороны. Для немцев же он представлял несомненную ценность. Захватив форт, они могли включить его снова в систему обороны, используя боеприпасы, сосредоточенные в сооружениях форта.

Работу по доставке взрывчатки и производству взрыва выполнял командир 2-й саперной роты 20-го отдельного гвардейского саперного батальона капитан Мозжухин со своей ротой. К сожалению, память не сохранила фамилий отличившихся при этом саперов.

По окончании подготовительных работ я доложил командиру дивизии о готовности и предупредил, что взрыв ожидается очень мощный и потому требуются специальные меры для максимального укрытия личного состава, а по возможности и отвод подразделений в более безопасное место.

Меры были приняты, и за час до рассвета форт взлетел в воздух. Сила взрыва была огромной. Однако никто при этом не пострадал, потому что бетонные стены рва сыграли роль своеобразного ствола, придав взрыву направленность прямо вверх. И большого разлета бетонных глыб по сторонам тоже не произошло.

На месте недавнего форта осталась глубокая воронка. Немцы не стали больше атаковать. Зато наша дивизия в тот же день отбросила противника ближе к Кенигсбергу и заняла выгодные позиции для последнего решающего штурма».

Александр Михайлович закончил свой рассказ. Тогда мы не знали, что до решающего штурма нам придется еще подождать два с лишним месяца.

После войны мне нередко задавали вопрос: нужен ли был штурм? Не правильнее ли было блокировать Кенигсберг и продолжить наступление войск Западного фронта на северо-запад? Отвечаю твердо и однозначно: штурм города-крепости был абсолютно необходим. Военно-политическая обстановка на фронте складывалась таким образом, что промедление с ликвидацией этого

крупного крепостного гарнизона могло привести к серьезным последствиям. По нашим разведывательным данным, Гитлер предпринимал отчаянные попытки к деблокированию крепости и восстановлению фронта южнее Кенигсберга. Он снимал войска с Западного фронта и спешно перебрасывал их на Восточный фронт, на территорию Восточной Пруссии и Польши. По некоторым сведениям, у него было даже намерение открыть фронт перед нашими союзниками и таким образом не дать возможности войскам Красной Армии войти в Германию.

Велико стратегическое значение кенигсбергского гарнизона и всей группировки фашистских войск в Восточной Пруссии и Польше. Фашистские войска нависали с севера над войсками Красной Армии, готовившей наступление на Берлин. Они могли нанести удар на растянувшийся фланг войск 2-го Белорусского фронта. Со взятием Кенигсберга еще больше падал престиж Гитлера, который многократно бахвалился, что Кенигсберг — неприступная крепость и в ней не бывать нашим солдатам.

С запада к деблокированию Кенигсберга рвалась сильная фашистская группа армий «Висла», непрерывно подкрепляемая свежими войсками и боевой техникой. Однажды на некоторое время ей удалось превосходящими силами прорвать фронт наших войск, пробить коридор вдоль залива Фришес-Хафф и соединиться с кенигсбергским гарнизоном. Коридор однако продержался недолго. С новым ударом наших войск кольцо вокруг города-крепости Кенигсберг вновь замкнулось.

С севера и востока оборонялась группа армий «Центр» (с 26.01.45 г. — «Север») численностью около 800 тысяч человек, в том числе 200 тысяч фольксштурмовцев. Оборона врага имела шесть укрепленных районов, оборудованных последними образцами оружия, и семь заблаговременно оборудованных оборонительных рубежей, не считая множества рубежей, созданных и оборудованных в ходе войны средствами полевой фортификации. Таким образом, наш Западный фронт оказался окруженным мощными группировками войск противника с сильным гарнизоном в Кенигсберге с фронтом по периметру более ста километров, для удержания которого необходимо было иметь значительные боевые силы.

В условиях сложившейся обстановки и постоянной

опасности прорыва нашего фронта войсками противника с запада и соединения с кенигсбергским гарнизоном ликвидация окруженной в Кенигсберге группировки войск диктовалась необходимостью.

Наши войска вышли на территорию Восточной Пруссии большим клином и занимали фронт чрезмерно большой протяженности. В результате прошедших сражений в боях за Восточную Пруссию войска поределели и требовали пополнения.

При обсуждении дальнейшего плана наступательной операции командующий армией К. Н. Галицкий обратил наше внимание на возможность нанесения контрудара со стороны противника, который всеми силами пытался избежать кенигсбергского «котла». А сил у него было еще предостаточно. Особое внимание Галицкий уделил левому флангу армии, поскольку выход наших войск к побережью залива Фришес-Хафф рассекал немецко-фашистскую группировку и лишал командование группой армий «Север» осуществлять маневры по суше между южной и северной группировками. Поэтому, усилив 36-й гвардейский стрелковый корпус двумя истребительно-противотанковыми бригадами и одним истребительно-противотанковым полком К. Н. Галицкий приказал его командиру генерал-лейтенанту П. К. Кошевому повернуть фронт на юго-запад, к утру 30 января выйти на реку Фришинг, закрепиться на ней и не допустить прорыва пехоты и танков противника к Кенигсбергу. На инженерную службу армии возлагалось инженерное оборудование оборонительного рубежа, огневых позиций для артиллерии и минометов, заграждений на танкоопасных направлениях.

Я тотчас выехал в штаб корпуса, чтобы на месте решить все вопросы инженерного обеспечения.

26-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Г. И. Чернова начала наступление в час ночи. К семи часам утра она овладела добрым десятком сильных опорных пунктов, вышла на северный берег реки Фришинг и на подступах к Бранденбургу приступила к созданию оборонительной линии. 11-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Н. Г. Цыганова не дошла до залива полтора километра и также перешла к обороне.

Мы только начали организовывать работы по обороне, как противник, воспользовавшись вдруг завихрившейся метелью, перешел в наступление, нанося основной

удар по боевым порядкам 26-й дивизии. Превосходство гитлеровцев в живой силе было трех- и четырехкратное, и в танках — абсолютное. С тяжелыми боями пришлось отойти на северные рубежи. По решению комкора, утвержденному К. Н. Галицким, в разрыв между флангами 26-й и 84-й дивизий была введена 18-я гвардейская стрелковая дивизия, которая с ходу вступила в бой и остановила дальнейшее продвижение противника. Но рубеж на реке Фришинг удержать не удалось.

Нелегкое положение складывалось и на подступах к Кенигсбергу. Разгром стотридцатитысячной группировки засевших в долговременных оборонительных сооружениях города-крепости гитлеровцев требовал разработки иной тактики борьбы. Разрозненные удары по крепости к успеху привести не могли. Для подготовки штурма была необходима оперативная пауза, чтобы подготовить войска, подвезти боеприпасы, пополнить армию танками, артиллерией, другой военной техникой и, конечно же, людьми. Солдат следовало обучить методам штурма.

С этими соображениями согласился Военный совет фронта. Главной задачей 11-й гвардейской армии ставился выход к заливу. 8-й и 16-й корпуса перешли к прочной обороне. Инженерные войска должны были оборудовать ее инженерными средствами так, чтобы высвободить максимум войск на правом фланге для усиления левого фланга армии — в направлении к заливу Фришес-Хафф.

Разработкой плана инженерного обеспечения обороны 8-го и 16-го корпусов, рассчитанной на отражение танковых и пехотных атак гитлеровцев, занялся штаб инженерных войск. Только в полосе обороны 16-го корпуса за 11 дней предстояло выкопать 11 километров траншей первой линии и столько же второй, соединить траншеи с блиндажами, землянками и огневыми позициями ходами сообщения общей длиной более пяти километров, обустроить 733 стрелковых ячейки и 336 универсальных площадок, подготовить 200 огневых позиций для 45- и 76-миллиметровых пушек и 216 — для минометов. По плану требовалось также установить 15 тысяч противотанковых мин и 13 километров проволочных заграждений.

Пока части 8-го корпуса и 1-й дивизии 16-го корпуса закреплялись на достигнутых рубежах, остальные соединения армии вели упорные бои, стремясь выйти на берег залива Фришес-Хафф.

Ожесточенная борьба развернулась на направлениях

господских дворов Вартен — Вундлакен и Вальдбург — Хайде-Вальдбург. Подвижной отряд заграждения 15-го отдельного гвардейского саперного батальона, перекрывая дорогу Вундлакен — Вартен, за одну ночь с 30 на 31 января установил 250 противотанковых мин. На заминированном саперами шоссе северо-западнее Вартена подорвалось самоходное орудие противника, а севернее Вундлакена, где также поработали минеры 15-го батальона, в ночь на первое февраля подорвались три танка и одна самоходка врага.

Работа минеров вообще никогда не оказывалась напрасной. Если и не было подрывов, то лишь потому, что противник, разведав минное поле, выбирал другое направление, чаще всего приводящее его в очередную засаду. Бывали случаи, когда саперы подкладывали мины чуть ли не прямо под гусеницы вражеских танков. Так, к примеру, севернее Гросс Каршау минное поле устанавливал взвод гвардии лейтенанта Михаила Николаевича Горгослизде из 20-го батальона. Танки противника шли прямо на них, выбирая направление, где мин еще не было, и обстреливали поле из своих орудий, подрывая снарядами уже установленные мины. Гвардии рядовой Римша, укрывшись в сугробе, поставил мины прямо перед движущимся в его сторону танком. Он успел отбежать всего лишь на десяток метров, когда последовал взрыв, и танк закрутился на месте с перебитой гусеницей.

Но не только установить, а и доставить мины на передний край не просто. Повозки, а тем более автомашины могли пройти не везде, и тогда приходилось перетаскивать опасный груз на своих собственных плечах.

В ночь на 2 февраля командир взвода 44-го инженерно-саперного батальона приказал красноармейцу Глушкову Семену Андреевичу доставить на передний край 400 противотанковых мин и 50 пакетов спирали Бруно. Глушков погрузил пакеты и мины на повозку и поехал к передовой. Дорогу перед тем как следует не разведали, и путь саперу неожиданно преградил широко разлившийся мелиоративный канал. Лошади стали. Понукать их бесполезно, да и небезопасно. Как протянуть повозку через канал? Передовая рядом — метрах в ста.

И тогда тридцатидвухлетний Семен Глушков, воюющий с первых дней войны, снял с себя вещевой мешок, вывалил на снег нехитрое его содержимое, набил его доверху минами и пошел через канал с ледяной водой

и полутораметровой глубиной. Отдал мины товарищам-саперам, которые тут же пошли их устанавливать, и снова обратно. На четвертой ходке при вспышке осветительной ракеты гитлеровцы заметили одинокую, согнутую под тяжестью мин фигуру сапера и открыли ружейно-пулеметный огонь. Глушков упал, прополз несколько метров и, когда огонь прекратился, вскочил на ноги и бегом помчался к товарищам. Никто не считал, сколько раз гитлеровцы пытались сразить подносчика боеприпасов и сколько раз удалось ему их обмануть, но к рассвету все 400 мин и пакеты колючей проволоки были доставлены рядовым сапером Семеном Глушковым по назначению.

Всю первую декаду февраля продолжались непрерывные бои за Хайде-Вальдбург, Хайде-Маулен, Вартен и Вундлакен. Эти населенные пункты, имеющие важное значение в борьбе за побережье залива Фришес-Хафф и шоссе Кенигсберг — Бранденбург, не раз переходили из рук в руки. В конце концов наши войска, отбив все контратаки гитлеровцев, основательно закрепились на широком участке шоссе, и все дальнейшие попытки немцев взять шоссе под свой контроль ни к чему не привели. Я отдал приказ силами 44-го штурмового инженерно-саперного батальона произвести в ночь с 14 на 15 февраля в полосе 16-го корпуса подрыв фугасами шоссе Кенигсберг — Бранденбург в пяти местах.

Особенно нас беспокоило состояние обороны 8-го корпуса генерала П. К. Кошевого. Корпус занимал оборону на широком фронте крайне ослабленными силами. Сам комкор Петр Кириллович был волевым, грамотным, требовательным командиром, но сил у него было мало. Мне последовал звонок командарма. Галицкий предложил взорвать мост в тылу обороны корпуса Кошевого через безводный канал. Я доложил, что этот мост не имеет никакого значения, канал проходим и без него. Кузьма Никитович сказал: «Мост имеет психологическое значение. Те, кто находится в первых траншеях, не знают, что канал безводный. Они будут упорнее сопротивляться, крепче держать оборону. Только подрыв моста надо произвести так, чтобы об этом не знал Кошевой». Ночью мы взорвали мост, а наутро позвонил командарм: «Кошевой жалуется, что вы взорвали мост, не согласовав с ним. Я ответил: разберусь». При встрече Кошевой выразил недовольство, на что я ответил: «Мост взорван для усиления обороны 8-го стрел-

кового корпуса». На том конфликт был исчерпан. Но в связи с этим мне вспомнилась другая история, к этому эпизоду не относящаяся, но волнующая меня по сей день.

Однажды ночью я выехал в войска и застрял в многометровой «пробке». Вышел из машины и пешком направился в голову колонны, чтобы принять меры к «расшивке пробки». Чем ближе я подходил, тем лучше слышал знакомый голос человека, который умелыми командами пытался ликвидировать скопление машин. Да, это был он, Ваня Рогоцкий, друг моей юности, а ныне комиссар стрелковой дивизии подполковник И. Ю. Рогоцкий. Мы вместе работали в Донбассе в комсомоле, одновременно поступали учиться в вуз. Он — на факультет политпросветработы Харьковского института народного образования, а я вместе с ним на тот же факультет и еще на инженерно-строительный факультет Харьковского технологического института. Рогоцкий получил высшее гуманитарное образование и был назначен заведующим районным отделом народного образования, я же, как уже говорил, был оставлен аспирантом на кафедре строительной механики. Часто встречались в Харькове. Рогоцкий еще в начале 1941 года стал политруком роты, агитировал меня пойти в кадры Красной Армии. Но с тех пор мы не виделись. И вдруг такая неожиданная встреча! Оглянувшись, Ваня узнал меня, мы расцеловались. Его дивизия входила в состав соседней армии. Вдвоем мы быстро ликвидировали пробку и условились о встрече, поскольку сейчас нам обоим было не до разговоров. Потом мы дважды встречались, вспоминали свои детские и юношеские годы. А дальше произошло нечто непонятное.

Под Кенигсбергом армия, в которую входила дивизия Рогоцкого, попала в окружение. Командарм рекомендовал выходить из окружения мелкими группами, на этом же настаивал и комиссар дивизии Рогоцкий. Командир же дивизии решил пробиваться в полном составе. Дивизия с боями вышла из окружения. Рогоцкого среди вышедших не оказалось. Он, действуя по рекомендации штаба армии, пробивался с небольшой группой офицеров и якобы попал в плен. По другой версии группа Рогоцкого была уничтожена в перестрелке.

Лет через тридцать после войны я получил письмо от офицера дивизии, в котором он сообщил, что Рогоцкий под угрозой расстрела выступал по немецкому ра-

дио с призывом к нашим войскам сдаваться в плен. Я поехал в Подольск и в Центральном архиве Министерства обороны перерыл все документы, относящиеся к этому периоду. Нашел политдонесения Рогоцкого в политотдел армии, но ничего компрометирующего его не обнаружил. Я и сейчас не могу примириться с мыслью, что подполковник Иван Рогоцкий, человек, до конца преданный коммунистическим идеалам, даже под угрозой немедленного расстрела мог дрогнуть и согласиться на подобную агитацию, когда война подходила к победному концу. А вообще... Психика человека, бывает, ломается. В какие только условия ни ставила человека война, и что только она с ним ни сотворяла!

12 февраля противник ослабил ведение огня по нашим войскам. Но и 11-я гвардейская армия тоже не в состоянии была продолжать наступление. Не хватало боеприпасов, в ротах осталось по 20—35 бойцов, требовала ремонта военная техника, особенно танки и самоходные орудия. Поэтому 9 февраля командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии И. Д. Черняховский отдал приказ перейти к жесткой обороне и готовиться к выполнению основной задачи — штурму города и крепости Кенигсберг.

Тяжелая утрата

Отдельные контратаки противника то на одном, то на другом участке были систематическими, но в целом на фронте наступило затишье. Однако было оно внешним. Обе стороны тщательно готовились к дальнейшим действиям. Мы — к штурму города, гитлеровцы — к его защите. Весь этот период я назвал бы невидимым сражением инженерных войск противостоящих сторон. Мы оборудовали исходную позицию для штурма, немецкие саперы — оборонительные рубежи. Основные инженерные работы, как и всегда, велись главным образом в ночное время — ночи все еще стояли длинные и темные. В период подготовки операции усиленно работали наши разведчики.

Группа разведки отдельной разведроты в составе старшего группы сержанта Видова, сержанта Егорова,

рядовых Ленцова и Грушевского вышла в тыл противника в ночь на 17 февраля с заданием выяснить обстановку в районе Розенау. На окраину поселка немецким командованием были согнаны военнопленные и гражданское население. Они вели инженерные работы по укреплению подступов к Розенау на развилке шоссе-ных дорог и возводили баррикады на улицах городка.

Сержант Видов с Грушевским шли впереди, за ними в некотором отдалении двигались Егоров с Ленцовым. Неожиданно их заметил и окликнул немецкий солдат. Видов, немного знавший немецкий язык, понял, что немец-охранник принял их за военнопленных, не заметив в темноте, что они вооружены. Охранник, сонный и наверняка недовольный своим положением, обозвал их русскими свиньями, бездельниками и прокричал, чтобы они не отлынивали от работы.

Неподалеку какие-то люди брали бревна из огромного штабеля и несли их к центру поселка, где возводилась баррикада. Видов не растерялся, подошел с остальными разведчиками к штабелю. Они взяли бревно и пошли следом за всеми. Когда солдат-охранник остался позади и не мог их видеть, разведчики бросили бревно возле дороги и продолжили путь по заданному маршруту. Вернулись они с ценными сведениями, обозначив на карте местонахождение вражеских артиллерийских и зенитных батарей, складов с боеприпасами и стоявшего юго-западнее Розенау на железной дороге бронепоезда.

18 февраля по всему фронту прокатилась горестная весть: погиб командующий фронтом генерал армии Иван Данилович Черняховский, которого ценили, любили и уважали буквально все — от солдата до Верховного Главнокомандующего.

Часом позже узнали подробности.

Утром Иван Данилович выехал в соединения 3-й ударной армии генерал-полковника А. В. Горбатова. В районе города Мельзак автомашину командующего заметили немцы и обстреляли из тяжелых минометов. Снаряд, разорвавшийся позади автомашины, смертельно ранил И. Д. Черняховского, сидевшего на заднем сиденье. По дороге в госпиталь командующий фронтом скончался. Было ему тогда всего тридцать восемь лет. Никого не щадила война.

И сейчас, по прошествии сорока с лишним лет, думается, что Черняховский при всей его мудрости и пред-

усмотрительности поступил опрометчиво. Невозможно определить мотивы, которыми руководствовался командующий, предпринимая поездку по открытой местности на виду у неприятеля, тем более что он был предупрежден об опасности командармом 3-й ударной. Или был в этом элемент бравады, объясняемый молодостью? Ведь и я около месяца назад выхаживал по первой траншее в полковничьей папаше, и Черняховский сделал мне через Галицкого за это выговор. А теперь вот сам...

События, предшествовавшие трагедии, разными авторами описываются по-разному. Уверен, что должностные лица, окружавшие Черняховского, не приняли надлежащих мер безопасности. Генерал Горбатов, узнав о намерении Черняховского приехать к нему в армию, ограничился лишь предупреждением о том, что «район Мельзака обстреливается противником», но не только не позаботился о более безопасном маршруте, но даже не высал офицеров для сопровождения по укрытым от вражеского огня дорогам, которые, безусловно, имелись. Командир корпуса, предупрежденный о выезде И. Д. Черняховского, не встречал его, уехав в это время на корпусной наблюдательный пункт. Сопровождавший же командующего фронтом майор плохо ориентировался на местности и путался в маршрутах. Вполне вероятно, что у Ивана Даниловича появилось подозрение о нежелании комкора встречаться с ним, и это вызвало его решение побывать на корпусном НП.

Пишу об этом с острой, до сих пор не утихнувшей болью потому, что мне неоднократно доводилось встречаться с Иваном Даниловичем в боевой обстановке, и каждая такая встреча оставляла глубокий след в памяти. И. Д. Черняховский покорял своим обаянием, высокой организованностью, силой воли, четкостью суждений и разносторонними знаниями.

Первая встреча с ним произошла вскоре после успешной проведенной наступательной операции «Багратион». Войска 11-й гвардейской армии закрепились тогда на занятых рубежах, получив приказ перейти к жесткой обороне по всему фронту.

На мне, как начальнике штаба инженерных войск армии, лежала ответственность за разработку и осуществление планов инженерного обеспечения обороны. А осуществить их было не так просто. Не хватало средств заграждений: противотанковых и противопехотных мин,

взрывчатых веществ, колючей проволоки. Войска плохо обеспечивались даже рядовым инструментом для производства инженерных работ — лопатами, киркомотыгами, топорами, ломачами, пилами, не говоря уже о скобах, болтах, штырях, которые мы в основном изготавливали своими силами в примитивных кузницах. Не справлялся с колоссальным объемом перевозок и транспорт. Приходилось всячески маневрировать силами и средствами.

Вот в эти-то особо трудные для инженерных войск дни и раздался однажды в час ночи в моем блиндаже телефонный звонок. Поднимаю трубку, узнаю голос командарма генерал-полковника К. Н. Галицкого:

— Зайдите ко мне. Вас хочет видеть командующий фронтом.

— Что с собой взять?

— Ничего не надо. Командующий фронтом просто желает познакомиться с вами.

— Есть, товарищ командующий! Иду!

Вхожу в блиндаж командарма, представляюсь. На встречу поднимается молодой, крепко сложенный, по мужски красивый генерал-полковник. Так вот он каков легендарный Черняховский, в недалеком прошлом пастих и путевой рабочий! В пронизательном взгляде видится усталость, но выглядит бодро, даже молодцевато. Иван Данилович протягивает руку.

— Садитесь,— приглашает Черняховский, показывая на свободный стул возле широкого, хорошо знакомого мне стола, и задает вопросы об оперативной обстановке в полосе обороны армии, инженерной подготовке позиций, наличии инженерных средств борьбы, о стоящем против нас враге и его оборонительных сооружениях.

Признаться, я никогда не робел в присутствии высокого начальства, считая, что какой бы высокий пост человек ни занимал, он такой же человек, как и ты, только наделенный большей властью. Отвечал конкретно, так как обладал хорошей памятью и держал в голове цифр не меньше, чем в штабных бумагах. Да и саму обстановку знал не с чужих слов.

Иван Данилович заметно оживился, глянул на меня с хитринкой, словно соображая, каким вопросом позаквыристее можно меня сразить.

— А как дела с минными заграждениями?

Я достал из полевой сумки карту минных полей, которую всегда носил с собой, развернул перед командующим фронтом.

Черняховский окинул карту внимательным взглядом, как бы перенося ее в свою память, и тут же поднял голову:

— А почему такая неравномерная плотность минных полей?

Водя карандашом по схеме, я доложил о танкоопасных направлениях, о соотношении сил на отдельных участках обороны и почувствовал, что и командарм, и командующий фронтом остались довольны моим докладом.

И снова взгляд с хитринкой:

— Скажите, полковник, почему у вас на карте несколько неряшливо оформленных участков? Вот здесь минные поля стерты, тут нанесены новые...

— Это моя рабочая карта, товарищ командующий фронтом. Я вношу в нее изменения в боевых условиях, когда приходится менять расположение заграждений. Мы постоянно следим за маневрами противника, силами и средствами и усиливаем участки, где он сосредоточивает войска или танки.

— Это я понимаю. Но можно было бы перед командующим фронтом положить чистую, а не потертую карту.

— Можно. Сейчас я вызову из штаба товарища с картой заграждений, выполненной тушью по состоянию на ноль-ноль часов.

— Сейчас не надо,— сказал Иван Данилович.— Но имейте это в виду, пожалуйста, на будущее.

— Есть, товарищ командующий! — я встал и взял под козырек.

Вышел из блиндажа командарма расстроенный. Упрекал себя за то, что послушал Галицкого и не прихватил с собой штабную карту.

Второй раз с командующим 3-м Белорусским фронтом мне довелось встретиться при несколько иных обстоятельствах. Войска 11-й гвардейской армии после успешно проведенной первой части операции «Багратион» также находились в обороне, но уже на территории Литвы. Сделано было много: перед фронтом армии установлены почти сплошные минные поля и проволочные заграждения, взорваны мосты и переправы, подготовлена широкая сеть траншей и ходов сообщения полного профиля, оборудованы огневые позиции для артиллерии, минометов, пулеметов, «катюш», танков, построены командные и наблюдательные пункты с высокой степенью защиты для командиров всех степеней. Так что

мы с полным правом могли считать нашу оборону достаточно надежной в огневом отношении, а ее инженерное оборудование хорошим. И то, что неожиданно к нам прибыл руководящий состав штаба фронта во главе с И. Д. Черняховским, нас не обеспокоило, хотя и стало известно, что Черняховский дал указания командующим родами войск и начальникам служб фронта провести проверку на высоком уровне требовательности, вплоть до придирчивости.

По окончании проверки состоялся разбор. Начальники родов войск и служб штаба фронта докладывали Ивану Даниловичу результаты проверки. Картина рисовалась в весьма мрачных тонах. Резко критиковались самые мелкие, легко исправимые недостатки в отдельных полках и дивизиях. Командарм заметно нервничал, а на лице И. Д. Черняховского читалось нескрываемое удовлетворение.

Дошла очередь до доклада заместителя командующего фронтом — начальника инженерных войск фронта генерал-лейтенанта инженерных войск Н. П. Баранова. Он докладывал последним.

Николай Парфеньевич был человеком высокой культуры и широкой эрудиции. Участник первой мировой войны. После окончания учебы в кадетском корпусе был назначен в команду охраны царя Николая Второго, откуда его «турнули» на Кавказ в войска за «вольномудство». Он был беспартийным и в разговоры на политические темы не вступал.

— Товарищ командующий фронтом, — начал генерал-лейтенант Баранов, — вы знаете, что я на своем веку перевидал немало оборонительных рубежей и их инженерное оборудование. Но, признаюсь, такого сильного инженерного обеспечения огневыми позициями, заграждениями, траншеями, ходами сообщений, командными и наблюдательными пунктами, как в 11-й гвардейской армии, мне встречать не приходилось.

— Это звучит неубедительно, — нахмурился Черняховский. — Общие фразы.

— Извините, товарищ командующий фронтом, но я могу привести и неопровержимые данные, — и Николай Парфеньевич стал говорить о протяженности траншей, плотности минно-взрывных заграждений, оборудованных позициях, как основных, так и запасных, назвал глубину оборонительного рубежа и так далее.

Я слушал Н. П. Баранова и в душе восхищался его

объективностью, выдержкой и благородством. Он спутал все карты комфронтом, который хотел, как мы позже узнали, дать разнос командованию 11-й гвардейской армии.

После его доклада И. Д. Черняховский объявил перерыв. Позднее нам сообщили, что во время перерыва командующий фронтом был недоволен «адвокатством» Н. П. Баранова.

После перерыва выступил И. Д. Черняховский, который обобщил результаты проверки и поставил перед армией очередные задачи. Выводы были сдержанными, хотя в них сквозила чрезмерная строгость в оценках.

«Крутовато ведет разбор комфронтом», — думал каждый из нас, и в то же время оправдывал Черняховского: так, мол, и должно быть.

И все же от придирчивости проверяющих на душе остался неприятный осадок. Многие из нас считали проверку необъективной. Лично мне больно было за нашего командарма, который делал все, что в человеческих силах, чтобы 11-я гвардейская армия никогда не подвела командование — ни в наступлении, ни в обороне. Но самое удивительное заключалось в том, что К. Н. Галицкий, гордый и самолюбивый, с пониманием воспринял критику проверяющих и даже успокаивал нас:

— Все правильно. Я бы на месте командующего фронтом поступил точно так же. Разве мы со своих командиров корпусов, дивизий, полков спрашиваем меньше? Так что не унывайте. Иван Данилович верно считает, что с гвардейской армии спрос особый.

Позднее мне еще не раз доводилось встречаться с И. Д. Черняховским на наблюдательных и командных пунктах, на совещаниях, полевых и штабных учениях, докладывать ему оперативную обстановку и планы инженерного обеспечения частей 11-й гвардейской армии. И не раз в конце доклада Иван Данилович спрашивал:

— Ну как, полковник, карта минно-взрывных заграждений?

— Докладываю, товарищ командующий фронтом: так же как и при первом моем докладе вам — при мне рабочая, в штабе — парадная.

— Ну то-то же, — смеялся Иван Данилович.

В стиле его руководства войсками, в замыслах фронтовых и армейских операций, в разработке штабных документов виделся широкий размах, творческий под-

ход, глубокая эрудиция, настоящий талант организатора крупных сражений. Все мы, командиры разных степеней, ощущали его кипучую энергию, высокую требовательность, мужество и исключительную работоспособность.

Тяжела была утрата. Тяжесть усугублялась и тем, что до победного окончания Великой Отечественной войны оставалось всего два месяца и двадцать дней.

Ставка Верховного Главнокомандования возложила командование 3-м Белорусским фронтом на Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Назначение на эту должность такого крупного военного специалиста, являвшегося к тому же заместителем Верховного Главнокомандующего, еще раз свидетельствовало об огромной значимости Восточно-Прусской операции и полного разгрома врага на территории Восточной Пруссии.

С маршалом А. И. Василевским я столкнулся впервые в дни форсирования Березины. Фронтная стратегическая обстановка складывалась тогда весьма сложно. По плану операции 5-я танковая армия генерала П. А. Ротмистрова, впоследствии Главного маршала бронетанковых войск, должна была вводиться в прорыв в полосе соседней армии с севера. Однако противник на том участке оказал сильное сопротивление и его оборона не была прорвана. Командующий фронтом приказал генералу Ротмистрову повернуть армию и после соответствующего маневра войти в прорыв в полосе 11-й гвардейской армии в районе Борисова и обеспечить продвижение войск западнее Березины.

Честно говоря, у нас своих забот хватало по горло, только успевай поворачиваться, а тут — переправить целую армию со всем ее неимоверно тяжелым «имуществом». Сроки к тому же устанавливались самые жесткие.

На строительство нового моста через Березину мы направили 2-ю штурмовую инженерно-саперную бригаду, которой командовал полковник Георгий Тихонович Соколов. На него самого и его саперов можно было положиться, и я, отдав соответствующие распоряжения, не очень беспокоился за выполнение этой задачи. Меня куда больше волновали события, происходящие южнее этого участка, где под непрерывным огнем противника и частыми бомбежками переправлялись дивизии нашей армии, и потому с рассветом я поехал туда. Нужно было обеспечить срочную доставку понтонов и форсиро-

вание Березины. Транспорта, как всегда, не хватало, к тому же часть его пришлось отдать бригаде полковника Соколова.

Не успел я дать «накачку» за медлительность и нерасторопность некоторым саперным командирам, как меня вызвал по рации адъютант командующего армией и передал его распоряжение немедленно снова прибыть на строительство нового моста. Больше ни о чем адъютант не сказал, а я не спросил, поскольку разговор шел открытым текстом, и его могли подслушать немцы.

Приезжаю и вижу целую свиту военных, среди которых выделялся человек в американском комбинезоне защитного цвета без каких-либо знаков различия, что само собой говорило о высокой его должности. Только он повернул голову в мою сторону, я по портретному сходству узнал Александра Михайловича Василевского. Был он полноват, но не грузен, и полнота эта удивительно соответствовала его открытому, округлому, чисто русскому лицу с полными губами и мясистым носом. Вероятно, велико было стратегическое значение строящегося моста, если сюда прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования.

Я тут же представился, приготовился к докладу, но Василевский упредил:

— Полковник Соколов мне обо всем доложил. Мне важно знать, будет готов мост к вечеру или нет?

— Будет, товарищ маршал, — уверенно сказал я, не раздумывая.

Василевский посмотрел на меня долгим изучающим взглядом, словно сам себя спрашивал в этот момент, можно ли доверять слову стоящего перед ним полковника.

— При всех обстоятельствах мост к вечеру будет построен, — повторил я твердо, чтобы рассеять сомнения маршала.

— Вопросы, просьбы есть? — взгляд Василевского смягчился.

— Есть, товарищ маршал. Одна просьба: необходимо прикрыть строительство моста авиацией.

Работы велись днем, и самолеты противника в любой момент могли сбросить на мост бомбовый груз и свести на нет все наши усилия. Это беспокоило.

— Хорошо, такую команду я дам, — сказал Василевский, кивнул всем на прощание и уехал со своим окружением.

Слово свое мы сдержали. Ровно в девятнадцать ноль-ноль мост был готов. И вовремя! Буквально через несколько минут на головном танке подъехал генерал Ротмистров.

— Все в порядке?

— В порядке. Можете начинать переправу.

Почти сутки, не смыкая глаз, за разговорами на самые разные темы, просидели мы вдвоем с Ротмистровым на бревне, на противоположном берегу, пока через мост не переправилась вся 5-я танковая армия. На прощание генерал Ротмистров крепко и благодарно пожал мою руку, а я пожелал славным танкистам успеха в предстоящих боях.

Новый командующий 3-м Белорусским фронтом маршал А. М. Василевский провел ряд организационных мероприятий. Так, 1-й Прибалтийский фронт, которым командовал генерал армии И. Х. Баграмян, был преобразован в Земландскую группу войск с включением ее в состав 3-го Белорусского фронта.

Инженерные войска 11-й гвардейской армии в это время продолжали создавать на достигнутых рубежах прочную и жесткую оборону.

Хочется привести полностью один из документов, сохранившихся в архиве Министерства обороны СССР. Это описание рубежа обороны 16-го гвардейского стрелкового корпуса, сделанное корпусным инженером гвардии майором П. С. Фроловым на 24 февраля 1945 г.:

«1. Соединения корпуса — 31 и 84 ГвСД занимают оборону на рубеже: справа шоссе 200 м севернее Альтенберг (искл.) — севернее Хох Каршау — Гросс Каршау — железная дорога Кенигсберг — Бранденбург сев. 250 м Годринен — восточнее Вартен 500 м южнее Вартен 500 м — севернее Маулен — южнее отм. 4,0 — к Маулен.

2. Оборона противника проходит: справа по северной стороне шоссе Зелингфельд — Кальген (до Гросс Каршау), затем переходит на южную сторону шоссе — южнее отм. 6,6 южнее Вартен отм. 2,0 — севернее отм. 4,0.

3. Местность представляет собой равнину с некоторым понижением в сторону противника. Каких-либо резко выраженных высот или лощин не имеется, за исключением некоторых небольших высот (например, 20,3).

Поблизости от переднего края леса нет. Имеется лишь кустарник, небольшими площадями расположенный в разных местах по всему рубежу. Рек нет. Небольшой ручей проходит южнее Вартен в западном направле-

нии. Имеются ирригационные каналы, проходящие в направлении с севера на юг, и одна канава, проходящая с запада на восток (восточнее и южнее Годринен). В глубине обороны — восточнее 1,3 км Годринен расположено торфяное болото, вытянутое с севера на юг...

4. Естественное препятствие на переднем крае — заболоченный участок северо-восточнее Маулен. Естественное препятствие в глубине обороны — вышеупомянутое торфяное болото. Других естественных препятствий нет. Таким образом, весь рубеж в основном можно считать танкопроходимым. Ирригационные каналы, имеющие в своем большинстве меридиальное направление, большого значения, как естественные препятствия, не имеют.

Естественная маскировка, за исключением небольших площадок кустарника и отдельных хуторов (с насаждением), отсутствует.

Скрытых подходов к переднему краю не имеется, в связи с чем передвижение в дневное время затруднительно.

Некоторые возвышенности местности по отношению к противнику не представляют каких-либо преимуществ, так как местность одинаково просматривается как с той, так и с другой стороны на глубину до 1—2 км.

5. Наиболее танкоопасным направлением следует считать: шоссе Зелингфельд — Кальген, шоссе Кенигсберг — Бранденбург и шоссе, проходящее через Годринен.

6. В инженерном отношении рубеж оборудован следующим образом:

а) ПТМ поля сплошные перед всем передним краем от шоссе севернее Альтенбург 200 м до небольшого озера, что восточнее Вартен 600 м...

Всего установлено 16 308 противотанковых мин.

б) ППМ поля установлены лишь на отдельных участках частых контратак противника...

Всего установлено 1130 противопехотных мин.

в) Проволочные заграждения — рогатки прикрывают весь передний край. Имеется только один разрыв — южнее отм. 2,0—500 м (заболоченный участок).

Всего установлено рогаток 10 235 п/м.

г) Траншея — глубиной от 0,8 до 1,1—1,2 м шириной поверху 60—80 см, понизу — 30—40 см несплошная...

Часть траншей залита водой.

д) Ходы сообщения не развиты. На весь участок фронта протяженностью около 11 км имеется 7 ходов сообщения общей длиной 1878 м.

е) Стрелковые ячейки и пулеметные площадки имеются в недостаточном количестве. В среднем в 84 ГвСД одна стрелковая ячейка приходится на 20 с лишним метров фронта...»

Такие же описания рубежей обороны были представлены в штаб инженерных войск армии и остальными корпусными инженерами.

Читатель может представить себе и объемы оборонительных работ, и те сложности, с которыми саперам приходилось сталкиваться при их выполнении.

Что такое установить семнадцать с половиной тысяч мин?

И не на учебном поле при солнечном свете, а ночью, в крошечной тьме, под непрерывным ружейно-пулеметным огнем противника, под ослепляющими вспышками вражеских осветительных ракет, когда приходится тут же падать, вдавливаясь в холодную, насквозь промокшую или промерзшую землю, сливаться с ней недвижимо, и лишь только ракета погаснет, тут же вскакивать и продолжать опасную работу до следующей ракетной вспышки. И так ночь за ночью... И нельзя ошибиться.

Нельзя было ошибаться и нам, инженерным начальникам, при выборе места будущего минного поля. Оно должно дополнять и усиливать огневую систему, быть ее составным элементом. Важно выбрать наиболее угрожаемое направление. Варьированием установки минных полей и отдельных мин можно ввести противника в заблуждение, устроив «минный сюрприз» или подставить «бока» танковой колонны под огонь нашей противотанковой артиллерии.

Вместе с командирами войсковых соединений инженеры проводили рекогносцировки, вместе вырабатывали план действий, согласовывали вопросы взаимодействия с командирами артиллерийских и стрелковых частей.

Наша оборона была всегда надежна. За всем этим стоял труд отважных саперов-минеров, которые при установке минных полей показывали образцы мужества и отваги. Вот всего лишь несколько примеров...

Отделение саперов 243-го батальона 66-й бригады старшего сержанта Марка Викторовича Егуткина никак не могло приступить к выполнению задания по установке мин, потому что по определенному им участку беспрестанно строчил вражеский пулемет. Тогда Егуткин взял ручной пулемет, по-пластунски подполз к противнику и с расстояния около ста метров уничтожил огне-

вую точку врага, а затем приступил со своим отделением к минированию участка. Задание они выполнили в срок и без потерь.

Под сильнейшим пулеметно-минометным огнем на два часа пятнадцать минут раньше срока было установлено минное поле в полосе 16-й дивизии третьей ротой 140-го инженерно-саперного батальона, которой командовал коммунист лейтенант Банников.

Рота 20-го отдельного гвардейского саперного батальона производила минирование танкоопасного направления на участке 169-го стрелкового полка, находясь впереди боевых порядков пехоты. Саперов засек противник. Гитлеровские автоматчики попытались обойти бойцов с флангов, окружить и уничтожить. Командир роты гвардии капитан Николай Александрович Мозжухин приказал отставить на время минирование и взять в руки оружие. Немецкие автоматчики были уничтожены. Саперы же после этого установили 150 противотанковых мин, на которых на следующий день подорвались тяжелый вражеский танк и тягач. Тогда же на минных полях, установленных саперами 41-го батальона, подорвались один средний танк, два самоходных орудия и одна легковая автомашина.

В начале февраля, когда войска армии перешли к обороне, отражая атаки противника, минами перекрывались танкодоступные направления большей частью во время самой атаки. В этих случаях саперам частенько приходилось совмещать свою основную профессию с профессией бойца-пехотинца.

В ночь на 6 февраля противник предпринял атаку в районе Маулен. Перекрыть минами танкодоступное направление было поручено взводу младшего лейтенанта комсомольца Ивана Дудника. 257 противотанковых мин было уложено в землю, при этом часть взвода отражала атаку, а вторая устанавливала мины. Еще более трудную задачу пришлось выполнять саперам на следующую ночь, когда гитлеровцы предприняли три атаки, одну за другой. Ивана Дудника при второй атаке ранило в ногу, но он, наскоро перевязав рану индивидуальным пакетом, не покинул поле боя, пока задание не было выполнено.

Не о всех подвигах саперов мне тогда сообщали, не все удержалось в памяти. Нетрудно, наверное, представить читателю, с каким волнением и внутренним трепетом перелистывал я архивные документы тех дней и

читал короткие, лаконичные донесения. Вот хотя бы две выдержки из политдонесения начальника политотдела штурмовой инженерно-саперной бригады подполковника Чижова:

«9.02.45 г. 6 танков и до роты пехоты противника атаковали наши передовые части. Взвод пехоты разбежался. Противник двигался на населенный пункт, в котором было три сапера: сержант Гузанов, парторг роты рядовой Пессель и рядовой Чиченков. Сражались они до последнего патрона. Всех ранило. Гузанов с перебитой ногой сполз в воронку и продолжал бой. Расстреляв патроны, приготовил гранаты, но к нему сполз санитар и вынес с поля боя».

«Коммунист ст. сержант Мухоров со своим отделением саперов находился на КП командира 95-го стрелкового полка. Немцы окружили КП с трех сторон. Мухоров с отделением занял круговую оборону, отбил все атаки, истребив более 40 гитлеровцев. Командир полка, выйдя из КП, обнял и расцеловал Мухорова».

Сколько вопросов хотелось бы задать подполковнику Чижову! Откуда они родом, эти храбрецы? Где находился тот самый населенный пункт, названия которого нет в политдонесении? Может, это был просто небольшой хутор с домиком и сараем? И кто еще был из саперов с Мухоровым? Ведь не он же один сражался с гитлеровцами, просочившимися в наш тыл и окружившими КП командира полка...

Молчит пожелтевшая от времени бумага с выцветшими чернилами. И подполковника Чижова обвинять трудно. Это сейчас мы доискиваемся до причин, хотим знать все происходившее сорок с лишним лет назад. Тогда же было не до того. Тогда все казалось простым и ясным. Того же старшего сержанта Мухорова наверняка знали все в бригаде, и вряд ли подполковник Чижов думал, что его политдонесение будет аккуратно подшито в папку с надписью: «Хранить вечно». Иначе он, бесспорно, постарался бы изложить в нем все подробности, которые нас сейчас так интересуют.

А может, и хорошо, что он этого не знал? Краски ведь тоже бывают разными. Главное — сказана правда. Четкая и ясная. Остальное можно довообразить и домыслить. Даже представить себе Гузанова, Чиченкова и Мухорова широкоплечими, высокими, могучими богатырями, хотя на самом деле они, скорее всего, были обычными, не крупной стати людьми, усталыми, в по-

тертых и грязных шинелишках. Но ведь от этого значимость их подвигов не уменьшается, наоборот...

Весь февраль стояла погода с частыми мокрыми снегопадами, дождями и моросью, сплошными туманами, которые были на руку саперам-разведчикам.

Инженерно-разведывательные группы уходили на поиск в нейтральную зону по несколько раз в день, чтобы досконально разведать наличие оборонительных сооружений на переднем крае и в глубине обороны противника, минных полей на подходе к первым траншеям, всевозможного рода препятствий и заграждений. Засылались группы инженерных разведчиков и в тылы противника. С точными и достоверными сведениями возвратилась из тыла группа сержанта Видова с разведчиками Егоровым, Линцовым и Грушевским. За отведенные им сутки они углубились в оборону противника на пять километров, засекали места расположения артиллерийских батарей и позиций, складов боеприпасов, дотов и дзотов, по которым потом открыла огонь наша артиллерия.

Особенно мы усилили все виды разведки в марте, когда разрабатывался план штурма Кенигсберга. Только разведчики 9-й штурмовой инженерно-саперной бригады изучали в этом месяце оборону противника сто одиннадцать раз.

В ночь на 25 марта в тыл противника ушла группа разведчиков старшего сержанта Сарсенова, в которую входили еще два сапера — Иванов и Самделькин. Они возвратились через двое суток, установив, что основная линия обороны противника на этом участке проходит по южным окраинам Праппельна и Понарта. Там они обнаружили сплошную линию траншей. В жилых домах этих местечек окна были заделаны кирпичом, и в них устроены амбразуры для пулеметов. Инженерно-оборонительные работы велись немцами днем и ночью с привлечением гражданского населения.

Перейдя первую линию траншей противника в районе Гросс-Каршау, группа наткнулась на противопехотное минное поле. Детально его обследовав, саперы установили, что мины расположены в три ряда, в шахматном порядке, на расстоянии трех метров друг от друга. На южной окраине Праппельна разведчики обнаружили замаскированные досками 75-миллиметровые орудия, поставленные на стрельбу прямой наводкой, а на южной окраине Понарта, где проходила сплошная траншея с водой, на дне заметили ход к бункеру. Восточнее

леса ими был засечен и нанесен на карту замаскированный землей дот с двумя амбразурами. Продвигаясь дальше, они обнаружили три кирпичных сарая с амбразурами, дзот, узкоколейку, теряющуюся среди разрушенных домиков, что севернее Хох-Каршау и т. д.

Благодаря разведанным, полученным ими, мы имели довольно полные и достоверные сведения об инженерных сооружениях, артиллерийских и минометных позициях этого рубежа, что впоследствии значительно преопределило успех прорыва.

Нередко саперы-разведчики работали не только визуально. Идя впереди боевого маршрута самоходных установок 1-й гвардейской стрелковой дивизии, саперы-разведчики 42-го батальона комсомольцы младший сержант Григорий Баранович, рядовые Арменак Григорьян, Василий Самойленко, награжденный медалью «За отвагу», и пожилой сапер Сергей Алексеевич Пономарев вышли к железнодорожному мосту в районе станции Людвигсорт. Мост этот находился впереди боевых порядков пехоты под наблюдением противника, который намеревался, видимо, взорвать его, когда на мост взойдут наши танки или самоходки. Но маневр не удался. Саперы опередили гитлеровцев. Они скрытно подобрались к мосту, сняли с железнодорожного полотна 25 зарядов взрывчатки и охраняли мост до подхода нашей самоходной артиллерии.

Еще более похвальное самообладание проявил ефрейтор 43-го отдельного гвардейского саперного батальона Дмитрий Ефимович Топилин. На гимнастерке сапера красовался орден Красной Звезды, полученный им за отвагу, проявленную в боях под Оршей. Под огнем неприятеля он проводил разведку реки и моста в г. Бранденбурге. Заметил плохо замаскированные провода взрывной сети. Вытащил нож, перерезал. Собрался возвращаться, но подумал, что к зарядам могут быть дополнительно протянуты бикфордовы шнуры. И чтобы быть полностью уверенным, что гитлеровцы не смогут подорвать мост, ефрейтор Топилин решил вынуть взрыватели из снарядов. Когда вынимал последний взрыватель, его тяжело ранило. Подоспевшим на помощь товарищам он сказал, что мост разминирован и что боевую технику можно пропускать по нему без опаски. За этот подвиг ефрейтор Топилин был награжден вторым орденом Красной Звезды.

В задачу инженерных разведчиков часто входил и

захват «языков». В составе разведгруппы отдельной разведроты 66-й бригады под командованием старшины Приходько саперы Петр Александрович Силанов и Гавриил Ильич Береза неоднократно производили разведку инженерных сооружений переднего края противника. 8 марта западнее Гросс-Каршау они обнаружили немецкий бункер, забросали его гранатами, захватили трех «языков» и привели в штаб для допроса. Это уже было не то время, когда пленные гитлеровцы вели себя на допросах надменно и говорили, что Москва все равно будет стерта с лица земли. Сейчас безропотно соглашались, что война ими проиграна, что Гитлер погубил немецкую нацию, и рассказывали все, что знали. И проверка показывала, что говорят они правду.

Командир взвода 2-й роты 140-го инженерно-саперного батальона лейтенант Федор Федорович Коваленко по распоряжению командира роты прибыл на командный пункт командира 2-го батальона 97-го полка 31-й дивизии.

— Смотри туда, — сказал лейтенанту комбат, — видишь форт?.. Так вот из-за него мы ни на метр не можем дальше продвинуться. Полощет огнем почем зря — головы не поднять. Так что выручайте пехоту, братья-саперы.

Коваленко посмотрел в бинокль.

— Ну какой же это форт! Обыкновенный железобетонный бункер.

— Форт или бункер — черт их разберет! Пробовали подавить артиллерией — ничего не вышло, только снаряды зря извели.

— Артиллерией бесполезно, — сказал Коваленко. — У него ж стены в полтора метра, ни один снаряд не возьмет, если только в амбразуру не попадешь. Пехотой поддержите?

— Поддержим, конечно, лишь бы вы нам эту штуку вверх тормашками поставили.

— Попытаемся, — сказал Коваленко.

— На пути минное поле, — предупредил комбат. — Немцы этих мин где попало понатыкали. Двое моих солдат подорвались. Так что и тут без вас ни шагу.

Коваленко вернулся к своему взводу. Двенадцать саперов, воспользовавшись передышкой, сидели на дне второй траншеи. Лейтенант рассказал о поставленной перед ними задаче. Парторг второй роты рядовой Макеев поднялся:

— Я пойду первым. Коммунисты за мной. Задачу, товарищ лейтенант, выполним,— и вдавил дымящуюся самокрутку в глинистую стенку траншеи.

Вместе с пехотинцами саперы пошли в атаку. Гитлеровцы открыли сильнейший пулеметный огонь. Пехота залегла. Саперы броском достигли минного поля, сделали в нем проход, подобрались к бункеру с тыла. С поднятыми в руках гранатами Макеев, сержант Сергей Алешин, рядовые Николай Бирюков и Жернов и лейтенант Коваленко ворвались в бункер:

— Хенде хох!

Перепуганные неожиданным вторжением гитлеровцы тут же подняли руки. Их было одиннадцать человек. Пленных сдали обрадованному комбату.

Дивизионный инженер гвардии майор Васильев поставил перед взводом новую задачу: проделать в минном поле широкий проход, подвести к бункеру самоходную артиллерийскую установку и заминировать пространство впереди боевых порядков продвинувшейся пехоты.

Огонь из бункера уже не бил по саперам, а отдельные пулеметные очереди и ружейные выстрелы хоть и мешали работе, но уже не были так опасны. К тому же спустились сумерки и на землю упал туман. Саперы установили 250 противотанковых и 200 противопехотных мин. Лейтенант Коваленко отрапортовал о выполнении задания.

Все это происходило в те дни, когда в сводках Совинформбюро о действиях наших войск сообщалось коротко: «На фронте существенных изменений не произошло».

Накануне

С приближением начала штурма Кенигсберга я все чаще и чаще спрашивал себя: все ли сделано, нет ли каких упущений, которые могут отрицательно сказаться в ходе штурма.

Во второй половине марта — начале апреля я часто встречался со своими штабными работниками, в основном ночами, а с раннего утра до позднего вечера ходил или ездил по частям и соединениям, проводя рекогносцировки, проверяя выполнение ранее отданных

приказаний, уточняя планы инженерных работ, помогая войскам техникой.

Планом инженерной разведки нашего штаба предусматривалось в период с 15 марта по 1 апреля 1945 года уточнить систему инженерных сооружений и заграждений противника, проходимость танками местности, особенно в направлениях Зелигенфельд, Шенфлис, фл. Ной Форверк, Авайден, Гросс-Каршау, Понарт, Кальген. Намечалось установить наличие дотов, дзотов, убежищ и траншей, противотанковых препятствий (рвов, ежей, надолбов), баррикад и минных заграждений в глубине обороны противника в районах Шенфлис, Понарт, Розенау, парк Нессер-Гартен, Праппельн, Кальген, Шпандинен, Шенбуш и Континен, а также ширину, глубину и подходы к реке Беек, проходимость районов разведки танками, состав, наличие, укомплектованность и характер использования инженерных частей противника. План также предусматривал наблюдение за производством инженерных работ противником на переднем крае и в глубине его обороны и разведку состояния дорог, мостов и переправ через реку Прегель в Кенигсберге.

Задачи в боевых условиях ставились перед инженерными частями нелегкие, но справились они с ними вполне успешно, проводя инженерную разведку до последнего часа перед штурмом. Особые уточнения потребовались перед утверждением окончательного плана наступательной операции. Необходимо было, в частности, уточнить данные о немецком противотанковом рве на одном из участков, где планировался пропуск наших танков и самоходных установок.

Командир отдельной инженерной роты разведки капитан Решетник получил боевое распоряжение командира 66-й бригады, в котором предписывалось добыть сведения о противотанковом рве в районе от 200 до 500 м юго-восточнее отм. 17,1 между Авайден-Шпайхерсдорф и до северной окраины Шенфлис, представить данные о поперечном сечении рва и его протяженности. Если ров участками, то расстояние между ними. На обратном пути предлагалось установить наличие противотанковых надолб в районе южнее Авайден.

Всю ночь с первого на второе апреля группа разведчиков лейтенанта Москвитина провела в тылу противника, и возвратившись на рассвете, не только полностью выполнила задание и представила штабу точ-

ный чертеж рва со всеми размерами, но и добыла немало дополнительных сведений.

А вот группа разведчиков старшего лейтенанта Абдугали Курмангалиева, которой ставилась задача взять пленного в районе прудов восточнее Понарта, вернулась с пустыми руками. Противник проявил исключительную бдительность.

Иногда звонил командарм: «У Завадовского не получается с разведкой. Пошлите свою». Разведка инженерных войск армии всегда была полной и достоверной. Она заслужила добрую славу в войсках.

Однажды в штабе армии усомнились в том, что наши разведчики смогли проникнуть в тыл противника, добраться к пригородам Кенигсберга. Меня это задело, поскольку я сам «курировал» разведку, придавая ей исключительно важное значение, и заставлял своих помощников тщательно проверять и перепроверять все данные.

Вызвал начальника разведки 66-й бригады майора Замотина и поручил ему организовать разведку с опытными разведчиками инженерных подразделений с включением в состав разведгруппы хотя бы одного общевойскового. Маршрут — с юго-восточной стороны в район аэродрома. Там немцы наверняка усилили охрану. Обеспечение перехода взять на себя.

В тыл противника ушла группа из трех разведчиков-саперов и одного общевойскового. Они проникли в заданный район Кенигсберга, выполнили порученное задание и успешно вернулись в боевые порядки. Участник и «свидетель» — представитель общевойсковой разведки восхищался постановкой разведки у «инженеров».

Сохранилась разработанная разведотделом штаба инженерных войск армии записка тех дней об оборонительных сооружениях и заграждениях противника на подступах к Кенигсбергу. Привожу ее полностью, без какой-либо правки:

«Действием тыловых, поисковых групп, наблюдением, изучением материалов аэрофотосъемки, допроса пленных, перебежчиков, показаниями местного населения и изучением других источников разведки установлено:

Оборонительный рубеж в полосе прорыва проходил:

Первая линия: вдоль линии окружного шоссе; вторая: Зелигенфельд, Шенфлис, южн. окраина Авайден, южн. окраина Понарт, Праппельн и Шпандинен; третья: Иерузалем, Шпайхерсдорф, Понарт, Шенбуш, Континен;

четвертая: сев.-вост. окраина Розенау, Розенау, Центральный вокзал, северный берег р. Беек, военная гавань; пятая: собственно крепость-цитадель с фортами внутренней линии и сооружениями полевого типа.

1. Характеристика оборонительного рубежа.

В основу оборонительного рубежа положены: а) мощные узлы сопротивления — форты внешней и внутренней линии с многочисленными убежищами; б) приспособление к круговой обороне населенных пунктов, прикрывающих подступы к городу в южном направлении (Вартен, Кальген, Понарт, Авайген, Шенфлис, Зелингфельд); в) создание глубоко эшелонированной системы тактических и оперативных минно-взрывных заграждений.

2. Описание рубежа.

1. Первая линия.

а) Правый фланг армии.

Вдоль и южнее окружного шоссе между фортами № 11 (южн. окраина Зелингфельд) и № 10 (1,4 км сев.-вост. Альтенберг) одна-две линии противотанкового рва. Ров шириной 5—6 метров, глубиной 2,5—3 метра. Противотанковый ров включен в систему рвов фортов.

Перед фортами и рвом в 1—2 линии спираль Бруно, сеть на кольях, рогатки и минные поля.

Траншеи участками, прерывчатые (2—3 линии). Развития в боевом и техническом отношении не получили. Глубина их до 1,1 метра, огневых сооружений мало (1—2 единицы на 100—150 метров), одежда крутостей на незначительных участках, подбрустверные укрытия и блиндажи примитивны. Узлы сопротивления форт № 10 и 11.

б) Центр.

Оборонительные сооружения участка — прерывчатые в 1—2 линии траншеи. Траншеи в основном размещены по северному и южному кюветам окружного шоссе. Глубина траншей до 1 метра. Центральный участок сплошь прикрыт минными полями и проволочными препятствиями. Здания южной окраины населенного пункта сев.-вост. Бол. Каршау, строения Артополигона и фл. Нойфорверк противником приспособлены к обороне — оконные проемы их заложены кирпичом и оборудованы автоматными и пулеметными амбразурами.

Первая и вторая линии траншей связаны приспособленными к обороне ходами сообщения и являются отсечными позициями...

Опорные пункты: фл. Нойфорверк, Артополигон, отм. 20,3, сторожка Каршау.

в) Левый фланг.

Участок, иск. Бол. Каршау, Вартен; фортификационное оборудование участка аналогично центральному. Особенность его составляют: а) густая сеть населенных пунктов, приспособленных к обороне (южная окраина Праппельн, Кальген, Хафштром, Вартен) с центром — узлом сопротивления форт № 8 (Кальген). б) Наличие противотанковых рвов, прикрывающих танкоопасные направления (форт № 8, шоссе Бранденбург — Кенигсберг, поселок зап. Кальген, Хафштром).

Минные поля переднего края в основном противопехотные. Противотанковыми минами прикрыты главным образом участки дорог, подступы к населенным пунктам...

В районе отм. 6,6 на шоссе противотанковое минное поле с неизвлекаемыми взрывателями.

Минные поля, как правило, ставились между траншеями и проволочными препятствиями. Проволочные препятствия установлены на расстоянии 25—50 метров от траншеи.

Межтраншейное пространство первой линии на всем протяжении танкопроходимо. Местность ровная, с небольшим понижением в сторону противника. Открыта. На значительном протяжении распахана, хорошо просматривается и простреливается огнем противника.

Вторая и последующие линии оборонительного рубежа имеют траншеи полного профиля, густо соединенных ходами сообщения, в большинстве своем приспособленных к обороне...

Большинство траншей и ходов сообщения, приспособленных к обороне, имеют обшитые крутости рва. Обшивочный материал — доски, жерди, хворостяные щиты. На болотистых участках сооружены стенки из дерна. Стенки имеют врезные стрелковые и пулеметные ячейки...

Убежища располагаются непосредственно у траншей и огневых точек, причем большего количества они достигают в траншеях второй и последующих линий. Широко противником применено использование железобетонных колец для стрелковых ячеек, подбрустверных блиндажей и наблюдательных пунктов. Пулеметные, минометные и артиллерийские огневые точки преимущественно открытого типа с обшитыми крутостями.

Для укрытия личного состава у огневых точек имеются убежища.

Многочисленные железобетонные и кирпичные убежища и складские помещения, построенные в конце прошлого столетия, используются противником под размещение штабов, КП частей и укрытия личного состава во время артподготовки и авиационной бомбежки.

Убежища обращены входами к городу и все включены в систему полевой фортификации. Вокруг их, как правило, густо развитая сеть хорошо оборудованных траншей и ходов сообщения. На перекрытии их возведены пулеметные площадки, стрелковые ячейки (обычного типа) и наблюдательные пункты.

Артиллерийские позиции расположены главным образом за второй и третьей линией и густо сконцентрированы у дорог и фортов, прикрывающих основные направления к городу и крепости. Минометные позиции размещены между первой и второй линиями траншей.

Сеть наблюдательных пунктов широко развита. Пункты размещались главным образом на возвышенностях, фортах, убежищах, деревьях и чердаках многочисленных строений.

Минные поля в глубине обороны устанавливались главным образом на перекрестках дорог, у опорных пунктов, на придорожных дефиле. Кроме обычных типов мин отмечены поля 105-миллиметровых снарядов со взрывателем нажимного действия. В процессе наступательных действий саперами-разведчиками обнаружены ложные минные поля с использованием в качестве имитирующего средства консервных банок.

Противником широко применена установка фугасов натяжного и нажимного действия на дорогах, на улицах при въезде в город, у придорожных дефиле и на перемычках противотанковых рвов вдоль действующих дорог. Проведены завалы дорог деревьями. Все мосты на шоссе и через водные препятствия (р. Беек, р. Прегель и его притоки) подготовлены к разрушению.

В пригородах и главным образом в городе все центральные улицы и большинство переулков на правом берегу завалены металлическим ломом, кирпичом, камнем и забаррикадированы».

Далее в записке шло подробное описание фортов с таблицами и выкладками, и делался вывод, что «длительная и глубокая инженерная подготовка города Кенигсберг к обороне, постройка, а в последнее время по-

спешное развитие сооружений полевого типа,— создание сильных тактических и оперативных заграждений,— превратили город в мощный укрепленный район и подготовили его к длительной и стойкой обороне».

Следует отметить отличную работу армейской разведки под командованием полковника И. Я. Сухацкого.

Работая над планом инженерного обеспечения штурма Кенигсберга, я подумал однажды, что вполне возможно, что отдельным частям армии придется форсировать Прегель не в южной его части, которая была неплохо нами разведана, а восточнее Кенигсберга. Так не лучше ли заранее, на всякий случай, разведать подходы к реке, наметить места понтонных или мостовых переправ?!

Вызвал к себе командиров 4-й инженерно-штурмовой бригады, 9-й и 66-й инженерно-саперных. Поставил перед ними задачу разведки с тем, чтобы о ее результатах мне было доложено на следующий день в девять ноль-ноль. При этом присутствовал только что приехавший к нам в армию начальник инженерных войск Земландской группы войск генерал Василий Васильевич Косарев. Он одобрил мою инициативу. А у меня что-то весь день на душе кошки скребли. Не знаю почему, но казалось, что плохо, неудачно проведут разведку

С наступлением темноты не выдержал. Взял ординарца, переделался в солдатскую форму и пошел на разведку сам.

Местность простреливалась противником из всех видов оружия. И под этим огнем надо было пройти, а точнее, проползти полтора с лишним километра, используя неглубокие лощинки. Добрались до реки, пощупал рукой грунт на берегу и под водой. Немцы помогали обзору, постоянно подсвечивая реку и местность осветительными ракетами,— пометил на карте наиболее удобные для переправ места и вернулся обратно целым и невредимым.

В девять ноль-ноль ко мне в блиндаж пришли все три комбрига. Первым докладывает командир 4-й инженерно-штурмовой бригады полковник Лукашенко о том, что вся местность простреливается, пробраться не смогли, из шести посланных разведчиков вернулись лишь четверо, двое убиты.

Молчу.

Следующим докладывает командир 9-й штурмовой инженерно-саперной бригады генерал-майор инженер-

ных войск Ф. С. Пошехонцев, человек пожилой, всякого навидавшийся на своем веку, прошедший военную службу от офицера царской армии до генерала армии советской. Уж этот-то, думаю, сделал все как следует. Но и Пошехонцев почти слово в слово повторил то же самое, что и Лукашенко. Только потери у него оказались поменьше — один убитый разведчик.

Вся надежда теперь на комбрига 66-й инженерно-саперной бригады подполковника А. А. Черепанова. Но и тут полный провал: самых, дескать, «орлов» посылал, но и те не смогли пробиться к берегу сквозь заградительный огонь противника. Вернулись, правда, без потерь.

И тут я не выдержал. Все, что накопало постепенно во время докладов комбригов, взорвалось, словно в паровом котле, не рассчитанном на повышенное давление. Встал, стукнул кулаком по столу так, что лежащие на нем карты скатились на пол.

— Сынки вы маменькины! Орлы без крыльев! Вам готовенькое вынь, положи да еще и пережуй, чтоб только проглотить осталось! Враг на противоположной стороне реки, а ваши разведчики — мальчишки сопливые даже до своего берега добраться не смогли! Грош цена таким разведчикам. И командирам, которые над ними...

Ну и дальше в том же духе. Остановился, чтобы взять себя в руки и сказать более спокойно:

— Я сам разведал южный берег Прегеля. Да-да, вчерашним вечером, и ничего страшного, как видите, ни со мной, ни с моим ординарцем не произошло. Вот моя карта... Ставлю задачу... Несмотря ни на какие потери, возможные при проведении разведки, сегодняшней ночью изучить и детализировать намеченные здесь участки для переправ. Если будут другие соображения — возражать не стану, обсудим вместе. Доложить завтра, в это же время. Задача ясна?.. Можете идти...

Когда комбриги покинули блиндаж, Василий Васильевич Косарев, человек интеллигентный, посмотрел на меня внимательным взглядом и сказал:

— Нельзя так, Михаил Георгиевич. И свои нервы поберечь надо, и чужие пощадить.

— А что — целоваться мне с ними после всего? — я все еще не мог успокоиться. — Они же боевую задачу не выполнили. И выкручиваются к тому же неумело. Наверняка послали в разведку каких-нибудь пентюхов, а настоящих орлов пожалели. Да и проверить не удосужились, выспаться захотели...

— К тому же среди них был человек, который старше вас и по званию, и по возрасту,— добавил Василий Васильевич, имея в виду генерала Пошехонцева.

— Тем более, он в первую очередь с большей серьезностью обязан был отнестись к выполнению поставленной задачи.

Мы перевели разговор на другую тему.

После войны, в пятидесятые годы, мне довелось быть в служебной командировке. Работы оказалось много, и в гостиницу я возвращался поздно. Однажды, часов в двенадцать ночи, в дверь постучали. Я готовился ко сну и недовольно подумал про себя, кого это черти в такое время несут, уж не случилось ли что на заводе, пока я шел сюда. Пошел открывать. В вошедшем сразу узнал Ф. С. Пошехонцева, хотя он и был в гражданском костюме. Я откровенно обрадовался, провел его в номер. Федор Степанович смущенно извинился, что побеспокоил в такое время. Приходил, мол, несколько раз пораньше, но не заставал. О моем пребывании здесь узнал случайно, вот и решил повидаться...

Конечно же, начались воспоминания, разговоры о наших общих друзьях-товарищах: кто, где и чем сейчас занимается, на каком посту строит новую мирную жизнь... Вспоминая, добрались и до того злополучного эпизода, и тут Федор Степанович сказал, чего я никак не ожидал от него услышать:

— Знаете, Михаил Георгиевич, никто в жизни меня никогда так не ругал, как вы, но и никому в жизни я так не обязан, как вам. Поверьте моему честному слову. Я много думал о том случае и тогда, по выходе из блиндажа, и после войны. И пришел к выводу, что вы вправе были отругать нас еще сильнее. Да-да! Мне и по сей день стыдно за тот доклад. Спасибо вам за науку!

В высшей степени корректного, дорожившего каждым своим словом генерала Пошехонцева я уважал всегда. Теперь же мое уважение к нему удвоилось...

Армия продолжала готовиться к штурму Кенигсберга. Из резервов командующего фронтом и Ставки Верховного Главнокомандования она получила солидное подкрепление и техникой, и живой силой. Это касалось и ее инженерных войск. Никогда еще в моем подчинении не было столько штурмовых, инженерно-саперных и понтоно-мостовых бригад, как сейчас.

В предыдущих боях при взятии городов полностью

оправдали себя штурмовые отряды, которые отлично справлялись с поставленными перед ними задачами. Командарм К. Н. Галицкий при подготовке штурма Кенигсберга принял штурмовые отряды в качестве основной боевой единицы. В каждой дивизии создавалось по десять таких отрядов.

Штурмовой отряд в целом состоял из одной стрелковой роты, усиленной одним-двумя 45-миллиметровыми орудиями полевой артиллерии, одной 120-миллиметровой гаубицей, одним-двумя орудиями дальнобойной артиллерии, одним-двумя танками или самоходными установками. Кроме того, штурмовому отряду придавались по взводу станковых пулеметов и 82-миллиметровых минометов, взвод саперов и отделение огнеметчиков. Всего в отряде насчитывалось 150—160 человек.

Состав штурмового отряда подразделялся на четыре группы. Первая — штурмующая или атакующая — состояла из 20—25 стрелков или автоматчиков, двух-трех ручных пулеметов, двух ранцевых огнеметов и отделения саперов. Вторая — группа закрепления из 8—10 стрелков или автоматчиков, двух станковых пулеметов, одного орудия и отделения саперов. В третью, огневую группу, входили артиллерийская батарея, взвод 82-миллиметровых минометов, взвод танков или самоходных установок. Четвертая группа была резервной, с 10—15 стрелками или автоматчиками, одним-двумя станковыми пулеметами и орудиями.

Впереди, при штурме, в составе атакующей группы всегда шли саперы. Они расчищали путь от мин и проводили разведку инженерных сооружений. На своем вооружении саперы имели миноискатели, два щупа, несколько «кошек» с веревками для растаскивания мин, заряды взрывчатых веществ, ножницы для резки проволоки, указки для обозначения проходов, несколько сосредоточенных и кумулятивных зарядов для подрыва стен и вражеских инженерных сооружений. Кроме этого, каждый сапер имел личное оружие, ручные противотанковые, дымовые гранаты.

Наша обеспеченность перед штурмом боеприпасами, инструментом, взрывчаткой и прочим снаряжением была полная. Но мало иметь, надо еще и уметь владеть всем этим. А в саперные подразделения прибыло пополнение, в большинстве своем плохо обученное. Да и тем, кто прошел боевую закалку, не приходилось еще штурмовать такие города-крепости, как Кенигсберг. Поэтому

весь март саперы проходили боевую подготовку. Их учили разведке инженерных сооружений и заграждений противника, преодолению и уничтожению всевозможных препятствий в населенных пунктах, блокировке и подрыву дотов, бункеров и других убежищ врага.

Учебная обстановка была максимально приближена к боевой, реальной. Занятия проводились в специальных учебных городках с траншеями, проволочными заграждениями, минными полями. Устройству же проломов, подрыву стен и дотов саперы учились в подобранном нами населенном пункте с такими же, как в Кенигсберге, каменными зданиями, узкими, перегороженными баррикадами улочками, с многочисленными и разнообразными инженерными сооружениями. Каждому подразделению на учебу отводилось от одиннадцати до семнадцати дней и ночей. Особенно — ночей, поскольку ночные бои всегда приводили к хорошему результату, достигающемуся с меньшими потерями, чем в светлое время суток.

На специально оборудованных участках рек саперы учились преодолевать водные преграды в условиях города. Ведь нам предстояло форсировать реку Прегель, протекающую через Кенигсберг и разделяющую его на две примерно равные части.

Учились не только солдаты. Учились все офицеры, вплоть до командиров соединений, занятия с которыми проводил сам командующий 3-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

3 апреля в первой половине дня А. М. Василевский приехал на командный пункт армии. Перед этим К. Н. Галицкий предупредил меня, что возможно придется докладывать командующему фронтом о плане инженерного обеспечения войск армии в период штурма.

Докладывать мне пришлось не на КП армии в привычной обстановке, а прямо на местности, на армейском наблюдательном пункте, оборудованном на верхнем этаже сохранившейся при взрыве части форта «Понарт», откуда хорошо, даже без бинокля, просматривались пригороды и южная часть Кенигсберга.

Александр Михайлович Василевский неотрывно и, как мне показалось, слишком долго и молча рассматривал маячившую вдали высоту 17,1, на которую нацеливалось острие главного удара. Затем он перевел взгляд на товарную станцию железнодорожного узла, овладеть которой нам предстояло, не снижая темпа наступления. По спокойному, тщательно выбриту его лицу можно

было догадаться, о чем думает сейчас маршал. После такого осмотра Александр Михайлович повернулся к нам, давая понять, что теперь он готов выслушать наши соображения по поводу предстоящего штурма.

Кузьма Никитович, показывая на расстилавшуюся перед нами изрезанную траншеями и ходами сообщения землю, как бы вода по ней рукой, словно указкой по карте, доложил об оперативном построении армии и боевых порядках войск, задачах корпусов и организации взаимодействия соединений при штурме.

Армии предстояло наступать как бы на отдельном операционном направлении, при отсутствии на ее флангах активно действующих соседей, потому что левый ее фланг упирался в залив Фришес-Хафф, а на правом за рекой стоял в обороне стрелковый корпус 50-й армии. Мы должны были прорвать оборону противника на участке Юлиенхоф — Вартен и к исходу первого дня наступления овладеть рубежом Шенфлис — Понарт — Шенбуш — Кальген. Затем, развивая прорыв в северо-западном направлении, двигаться навстречу войскам 39, 43 и 50-й армий, штурмовавшим Кенигсберг с севера. На четвертый день штурма овладеть всей южной частью Кенигсберга и выйти на Прегель.

11-й гвардейской армии не ставилась задача форсировать реку Прегель. Предполагалось, что на реку одновременно выйдут три армии, наступающие с севера, и 11-я гвардейская, штурмующая город с юга. Позже командующий фронтом дал указания войскам армии быть готовыми к форсированию р. Прегель.

— Главный удар, — докладывал К. Н. Галицкий командующему фронтом, — наносят соединения 16-го гвардейского стрелкового корпуса во взаимодействии с ударными группировками 8-го и 36-го корпусов. В полосу главного удара направляются основные силы и средства армии, — Кузьма Никитович развел руки в стороны и свел их перед собой, как бы охватывая ими весь участок прорыва и образуя своего рода стрелу, к наконечнику которой устремляются войска. — Мы рассекаем основную группировку немцев на две части, нарушаем устойчивость ее обороны на всем фронте южного сектора крепости, подходим к южной окраине города, штурмовыми отрядами уничтожаем противника в узлах сопротивления и выходим на реку Прегель.

Василевский не раз останавливал командарма во время доклада, просил подробнее рассказать о действиях

штурмовых отрядов, артиллерии и авиации, вносил некоторые поправки, давал указания по взаимодействию с авиаторами. Когда Галицкий закончил доклад, Василевский подумал немного и сказал:

— Если ваша армия подойдет к Прегелю раньше, чем армии с северной стороны, то вам придется форсировать реку. Этот вариант вами проработан?

— Проработан, товарищ маршал.

— Где по плану намечены участки переправы?

— Прошу, Михаил Георгиевич,— повернулся ко мне Галицкий.— Доложите ваши соображения...— и представил меня командующему фронтом.

— Помню,— сказал Александр Михайлович,— пришлось встречаться. На Березине, верно?

— Так точно, товарищ командующий фронтом.

— Ну-ну, докладывайте...

План форсирования реки Прегель мы разработали во всех деталях, и накануне он был рассмотрен и утвержден К. Н. Галицким и членом Военного совета гвардии генерал-майором танковых войск П. Н. Куликовым.

Основные переправы намечались для 8-го корпуса по балочному мосту в четырехстах метрах севернее Розенау, для 16-го — в районе железнодорожного моста Рейхс-Брюке и для 36-го — в районе гаваней по паромной переправе, балочному и наплавному мостам. В полосе действия корпусов для переправы стрелковых подразделений и легкой артиллерии были подготовлены впервые полученные нами амфибии, а также деревянные саперные лодки, лодки надувные, легкие и наплавные парки. Командирам всех степеней было предложено использовать для форсирования реки все немецкие катера и лодки, находящиеся на плаву, а также предварительно заготовить плотики из подручных средств. Каждому корпусу, кроме имевшихся у них корпусных и дивизионных саперных батальонов, дополнительно придавались подразделения инженерно-саперных и понтонно-мостовых бригад.

А. М. Василевский, чувствовалось, остался доволен докладами и проделанной нами работой в целом, но, хорошо понимая сложившуюся обстановку и учитывая мощные оборонительные сооружения и опорные узлы противника на нашем пути, предложил спланировать операцию по глубине на трое суток, хотя мы предполагали выйти к р. Прегель к исходу второго дня операций. Как потом оказалось, маршал был прав.

Командующий фронтом не удовлетворился пребыванием на командном наблюдательном пункте и решил проверить ход подготовки к штурму непосредственно на переднем крае.

По ходам сообщения все мы направились в траншеи 1-й гвардейской стрелковой дивизии, солдатам которой вряд ли когда приходилось принимать на передовой линии столь представительное командование.

Командир дивизии гвардии полковник П. Ф. Толстиков доложил А. М. Василевскому обстановку. Александр Михайлович попросил подробнее доложить о стоящем против дивизии противнике, его силах, оборонительных сооружениях. Затем маршал Василевский пошел по траншеям, частенько останавливаясь возле солдат и расспрашивая их о поставленных перед ними задачах и настроении накануне штурма. Бойцы, нужно прямо сказать, за два месяца обороны отдохнули, привели себя в порядок и теперь с нетерпением ожидали начала наступления, хорошо понимая, что этот штурм многое изменит в ходе войны.

После этого А. М. Василевский отбыл в Норгенен, где размещалась оперативная группа штаба фронта, приказав нам прибыть туда во второй половине дня вместе с командирами корпусов, дивизий, командующим артиллерией и командирами средств усиления.

В Норгенене был установлен огромный макет города и крепости Кенигсберг, сделанный на основе аэрофотосъемок и разведывательных данных. Военные специалисты постарались воспроизвести на нем все, как в действительности — улицы, парки, здания, мосты, форты, реки, железнодорожные вокзалы... При одном взгляде на макет, на этот буквально как бы лежащий на ладони город-крепость, становилось видно, что штурм потребует от нас много усилий, умения и знаний. Ни на один из советских городов он не походил прежде всего тем, что его узкие улицы там и тут перекрещивались, образуя замысловатые геометрические фигуры.

Командующий фронтом решил провести занятия с высшим командным составом 11-й гвардейской армии на этом макете.

Во время занятий были рассмотрены различные варианты организационной структуры частей и подразделений для штурма Кенигсберга. А. М. Василевский настраивал нас на нелегкую борьбу, напоминая в то же время о нашем превосходстве в живой силе и технике.

Занятия проходили спокойно, ровно, рассудительно. Командиры «командовали» своими соединениями, словно штурм шел на самом деле, и в ходе этого «сражения» возникли вопросы, которым раньше не придавалось значения, а здесь они потребовали своих решений, которые тут же и были приняты.

«В ночь на 1.04.45 дивизионными и приданными саперами произведены работы: сделано проходов до траншей противника 9 шт.; сделано проходов до боевого охранения противника 11 шт. Снято противопехотных мин 39 шт.

За истекшую ночь от огня противника 16-я дивизия потеряла ранеными 13 человек, из них десять саперов при продельвании проходов».

Вот с этого боевого донесения дивизионного инженера и начались особо трудные и ответственные для саперов ночи перед штурмом Кенигсберга. Саперы, можно сказать, пошли на штурм за много дней до его официального начала.

За период довольно длительный обороны и мы, и противник старались обезопасить себя всевозможными видами инженерных сооружений и заграждений — минными полями, рогатками и заборами из колючей проволоки и спирали «бруно» с различными «сюрпризами». Теперь же в этом «хозяйстве», — и нашем, и противника, — надо было сделать проходы для пропуска пехоты, танков и артиллерии, очистить от мин заранее намеченные участки, обозначить их специальными указками и сдать по акту командирам подразделений, которые пойдут на штурм. Все эти работы проводились только ночами, скрытно от противника. Проход должен быть абсолютно чистым — ни одной мины. Иначе — подрыв орудия или танка.

Если в своем хозяйстве разобраться не очень сложно, — все поля с точным количеством установленных на них мин были зафиксированы на соответствующих картах, и риск заключался в умении вынуть взрыватель, — то на минных полях противника приходилось трудиться, как говорят, до седьмого пота. Там — уравнение со многими неизвестными. Неизвестно, в каком порядке установлены мины, какого они образца, в каком количестве и с какими хитростями. А уж на всевозможные «выдумки» немецкие саперы были горазды. Только коснется, случилось, наш сапер без предварительного осмотра проволочного заграждения противника, и тут же либо раз-

дается взрыв умело замаскированной мины, либо взлетает вверх осветительная ракета. И тогда по саперам открывается жестокий огонь. Несмотря на это, саперами армии было обезврежено более тридцати тысяч мин.

А что такое снять даже одну мину? Ведь она не торчит торчком, не красуется, как гриб-мухомор. Она застенливо лежит в земле, присыпанная, упрятанная, и ждет, когда сапер совершит ошибку, чтобы еще раз подтвердить всем известную поговорку. А сапер ползет, прощупывает занемевшими от холода пальцами каждый сантиметр мокрой или заснеженной земли. Ведь с миноискателем на виду у врага не пройдешь, щуп — штука неплохая, но не всегда надежная: взял чуть в сторону и пропустил мину, а уж руки не подведут. Вот и работают в ночной темени саперы, не обращая внимания на пошвыстающие пули: одни отыскивают, другие обезвреживают, третьи оттаскивают мины в стороны, четвертые обозначают вешками разминированный участок.

Но проходы в заграждениях — это лишь одна часть дела, которая ложится на саперов перед наступлением. Вторая — мосты, переходы, дороги. Одни разрушены, требуют восстановления и ремонта, другие надо возводить заново. Одни мосты предназначаются для пехоты, другие для тяжелой артиллерии и танков.

Первого апреля я приказал командиру 8-й понтонно-мостовой бригады развернуть лесопильные станки в районах Голлау и Левенсхаген и приступить к заготовке деталей мостов под грузы в 60 тонн. На заготовку трехсот погонных метров отводилось всего двое суток, поскольку 226-й инженерно-саперный батальон за одну лишь ночь перед штурмом должен был построить три моста в нейтральной зоне севернее Альтенберга и подвезти все детали для четвертого. О напряженной, даже сверхнапряженной работе саперов говорит хотя бы тот факт, что лишь саперами 140-го батальона за пятеро суток было заготовлено более 700 погонных метров сборных мостов, снято более десяти тысяч мин и за три ночи на направлении главного удара возведен 21 мост через противотанковые рвы. Это свидетельствовало о том величайшем духовном подъеме, который царил во всей армии перед штурмом города-крепости Кенигсберг.

В штаб инженерных войск поступали донесения о ходе подготовки исходного рубежа для наступления. Приведу одно из них, от дивизионного инженера гвардейской стрелковой дивизии гвардии капитана Балуева:

«5.04.45 г.

1. Части дивизии находятся на прежнем рубеже обороны в полной боевой готовности.

2. Саперные взвода стрелковых полков в течение ночи произвели проверку проходов в заграждениях противника, одновременно устроили переезды через траншеи для артиллерии.

3. Саперные подразделения (20-го огсб, 42-го ошисб и 2-я рота 11-го омшисб) в течение ночи работали по проделыванию проходов в заграждениях противника, одновременно производили проверку всех проходов, ранее проделанных в заграждениях наших и противника.

В результате проверки мин на проходах не обнаружено.

Все проходы в полосе действий 1-й гсд сданы по актам командирам стрелковых батальонов».

Нужно ли говорить, что ночи перед штурмом были трудовыми и бессонными не только для саперов, но и для всего командования инженерными войсками армии. Лично мне удавалось вздремнуть два-три часа перед рассветом.

Нередко ночью раздавался звонок командарма:

— Михаил Георгиевич, зайдите ко мне.

Минутка растягивалась на часы. Уточнялись различные детали операции, взаимодействие с другими родами войск, особенно с артиллерией, на которую возлагалось разрушение фортов, подавление огневых средств противника.

К 1 апреля было закончено оборудование артиллерийских позиций, куда установили пристрелочные орудия. Завершалось оборудование исходных позиций для наступления.

«В период с 12 февраля по 1 апреля,— отмечал в своей книге «В боях за Восточную Пруссию» К. Н. Галицкий,— на переднем крае было открыто для развертывания дивизий первого эшелона две-три линии сплошных траншей, соединенных между собой ходами сообщения и оборудованных открытыми пулеметными площадками и стрелковыми ячейками. На тех участках, где нейтральная зона превышала 300—400 метров, оборудование исходного положения производилось с 1 по 5 апреля...

В полосе армии на проделывании проходов работало 146 групп разграждения, которые с ночи на 31 марта и до утра 5 апреля полностью сняли свои минные поля, обезвредив при этом 16 270 противотанковых и 14 600

противопехотных мин. В нейтральной зоне и минных полях противника проделали 116 проходов, из них 78 комбинированных шириной 30 м и 38 проходов пехотных, шириной 15 м каждый, при этом было снято 270 противотанковых и 2344 противопехотные мины.

В ночь перед атакой все проходы были переданы на местности командирам подразделений первого эшелона и командирам танковых экипажей. Саперы с указками, ярко окрашенными с одной стороны, заняли окопы в проходах минных полей противника и с началом артиллерийской подготовки обозначили проходы.

В ходе операции инженерным частям 11-й гвардейской армии предстояло восстанавливать маршруты, построить и усиливать на них мосты, прокладывать колонные пути для выхода танков в исходные районы, обеспечивать их действия в глубине, а также боевые действия пехоты и танков...»

Первоначально штурм Кенигсберга намечался на утро 5 апреля. Поэтому в ночь на пятое соединения 11-й гвардейской армии заняли исходные рубежи и ждали сигнала к началу штурма.

На землю упал густой туман. Он позволил нашим войскам скрытно занять исходные позиции, так что противник ничего не подозревал. Однако туман и затем проливной дождь не позволили подняться в небо нашей авиации, которой отводилась значительная роль в первые часы штурма.

Командующий фронтом маршал А. М. Василевский перенес начало штурма на 6 утра 6 апреля. Но погода не улучшилась и к этому времени. Думаю, не было тогда среди бойцов и командиров человека, который не проклинал бы этот гнилой район, как окрестили промокшие солдаты небо над Восточной Пруссией. Казалось бы, все продумано до мелочей, все, что требовалось, сделано. И все же вновь и вновь тревожили мысли: все ли сделано? все ли так, как надо? не упущено ли что? не расхолодились ли мои саперы за время долгого ожидания? Во всем вроде бы уверен, сам не раз проверял, побывав во всех соединениях армии, а все же неспокойно на сердце. Душевное состояние каждого командира перед операцией похоже на состояние актера, выступающего на сцене. Он десятки раз играл эту роль, но каждый раз волнуется перед выходом. Скорее бы начиналось...

Первый день штурма

Ровно в 9 часов утра 6 апреля 1945 года артиллерия 11-й гвардейской армии начала артиллерийскую подготовку. Полторы тысячи орудий и минометов, в том числе 769 орудий крупного калибра, в течение двух часов били по заранее намеченным целям. С каждым новым залпом стены моего НП вздрагивали, и с насыпного потолка начинала сыпаться мелкими крошками земля, пробиваясь сквозь вибрирующие настилы бревен. Можно было только представить, что же творилось там, в Кенигсберге.

В первые же минуты после огневого шквала город как бы исчез из поля зрения, погрузился в сплошное море дыма, пыли и огня. Среди всего этого дымного пламени можно было разглядеть в бинокль взлетающие в воздух куски бетона, бревна, листы железа, искореженные остатки военной техники. В воздухе они стлकивались и рушились на землю. Так и думалось, что после всего этого в городе-крепости не останется ничего живого, только пламя будет пожирать дерево, которое еще не успело сгореть. Но хоть и любил генерал П. С. Семенов повторять, что артиллерия — бог войны, все же она даже при таком мощнейшем ударе не смогла причинить большого вреда живой силе противника. Гитлеровцы после первых же взрывов укрылись в недосягаемых даже для тяжелых снарядов подземельях, за полутораметровой толщиной стен казематов фортов, за серым железобетоном дотов. Впрочем, все это нам хорошо было известно, и никто не ожидал легкой победы.

«За всю войну, — отмечал К. Н. Галицкий, — мы еще не встречали таких укреплений, какие были созданы в Кенигсберге. В сущности это был крупнейший укрепленный район, рассчитанный на длительное сопротивление даже в условиях полной изоляции».

Не год и не два возводились укрепления этого города-крепости. Многие фортификационные сооружения были возведены здесь 700 лет тому назад, еще в 13—14 веках, и с тех пор оборона Кенигсберга постоянно совершенствовалась в связи с разработкой и применением новых средств вооруженной борьбы — современных ма-

териалов и последних достижений фортификационной науки в системе: броня — снаряд. Много было сделано и за то время, пока мы стояли в обороне. Ведь к инженерным работам, кроме специальных саперных частей, оснащенных механизмами и техникой, о которой мы и мечтать тогда не могли, привлекалось около 100 тысяч жителей города и его пригородов. В результате система обороны Кенигсберга образовалась из трех позиций, костяком которых являлись внешние и внутренние форты, долговременные железобетонные сооружения и разного рода убежища, дополненные развитыми средствами полевой фортификации.

Первая позиция была оборудована гитлеровцами в шести-восьми километрах от центра города. Ее протяженность составляла около пятидесяти километров, и состояла она из нескольких сплошных траншей, противотанкового рва, линии надолб, проволочных заграждений и минных полей. Позиция включала в себя полтора десятка старых фортов с полнокровными гарнизонами. Вторая позиция окружала город по его окраинам. Здесь гитлеровцы превратили каждое каменное здание в опорный пункт, опоясанный траншеями. Улицы пересекались баррикадами, на перекрестках — железобетонные огневые точки, надолбы. И мины, мины, мины... И, наконец, третья позиция опоясывала Кенигсберг по старой городской черте девятью фортами и цитаделью с гарнизоном в несколько тысяч человек.

Бесспорно, что и многочисленные, еще до начала штурма, бомбежки Кенигсберга, и сегодняшняя артподготовка произвели разрушения. Но последнее слово оставалось все же за пехотой, которой предстояло пройти все эти рубежи сквозь плотный заслон ружейно-пулеметного, минометного и артиллерийского огня обреченных гитлеровцев. Сколько их здесь еще осталось, можно судить лишь по одной цифре плененных, которых было более 90 тысяч. Но в плен-то они сдались потом, а сейчас под угрозой расстрела со стороны эсэсовских охранных отрядов, до предела напитанные гитлеровской пропагандой, сопротивлялись ожесточенно, не жалея боеприпасов. По свидетельству командующего гарнизоном города, в крепости было 130 тысяч гитлеровцев да столько же гражданского населения, в преобладающем большинстве вооруженного и принимавшего участие в обороне города.

Все это было еще впереди — и штурм, и подавление, и

пленение. А пока мы с начальником штаба инженерных войск подполковником Нетеминым Николаем Павловичем, недавним дивизионным инженером 26-й гвардейской дивизии, не отрывали глаз от биноклей, следили за всем, что творила наша артиллерия.

— Ну и дают жару артиллеристы! — восторгался Николай Павлович. — Так, пожалуй, и на нашу долю ничего не останется.

— Не беспокойся, останется. И пехоте, и нам хватит. Смотри — рошу с форта снесли, а сам форт стоит, как миленький, и никакие снаряды ему нипочем.

Дело в том, что кровли фортов были покрыты толстым трехметровым слоем земли с густо росшими деревьями. Артиллеристы пытались, разметаив снарядами землю, добраться до железобетонных сводов и разрушить их. Но снаряды отскакивали от перекрытий, не причиняя им никакого вреда.

В эти часы артподготовки в подразделениях армии состоялись собрания и митинги, на которых зачитывалось обращение к войскам Военных советов фронта и армии. Под грохот канонады бойцы напряженно вслушивались в слова, которые, надрывая голосовые связки, чтобы перекрыть грохот орудий, произносили политруки:

**«Боевые друзья, гвардейцы! На штурм
Кенигсберга!**

Во имя полной победы над врагом Родина приказывает нам разрубить последний укрепленный узел Восточной Пруссии, сокрушить крепость Кенигсберг и завершить разгром восточно-прусской группировки гитлеровских войск.

Стремительно штурмуйте и разбивайте укрепления врага. Смело врывайтесь на улицы города и всеми средствами громите вражеские опорные пункты, ломайте сопротивление противника!

Славные воины штурмовых отрядов и групп, бесстрашно штурмуйте крепость Кенигсберг, дерзко блокируйте вражеские форты, доты, разбивайте его бастионы. Настойчиво ведите бой за каждый дом, очищайте квартал за кварталом весь город Кенигсберг, беспощадно уничтожайте проклятых фашистов до полного их истребления!»

Саперы, как и все воины-гвардейцы, приняли это обра-

щение душой и сердцем и заверили, что достойно выполнят приказ и сделают все, чтобы приблизить час нашей победы.

Убедиться в этом довелось довольно скоро.

В 11 часов 55 минут реактивные минометы — «катюши» — произвели залп по основным опорным пунктам в полосе главного удара армии, а через пять минут пехота и танки пошли в атаку. Это было незабываемое зрелище. Немцы не смогли сразу опомниться от неожиданного, мощного и длительного артиллерийского удара, и подразделениям 26, 1 и 31-й гвардейских стрелковых дивизий при первом же броске удалось овладеть второй линией траншей. Но замешательство противника длилось недолго. Первыми ожили амбразуры восьмого и десятого фортов, затем заговорила артиллерия и пулеметы врага. По ходам сообщений из бетонных убежищ траншей стали заполняться гитлеровцами. Настоящий штурм только-только начинался.

Саперы в эти минуты заканчивали пропуск через проходы первых эшелонов дивизионной пехоты.

В ходе штурма Кенигсберга инженерные войска так же, как и стрелковые, действовали тремя эшелонами.

В первом эшелоне полковые, дивизионные и приданные саперы штурмовых инженерно-саперных бригад следовали в боевых порядках наступающих войск в составе штурмовых отрядов и групп. Они выполняли задачи инженерной разведки, участвовали в штурмовых действиях, обеспечивали войска проходами в заграждениях противника, сопровождали танки и самоходные установки, закреплялись на захваченных объектах и прикрывали внешние фланги инженерными средствами.

Во втором эшелоне действовали корпусные и приданные армейские и фронтовые инженерные части. Следуя в боевых порядках войск, они разминировали маршруты, расчищали проезды в препятствиях (баррикады, завалы, надолбы) и производили самые необходимые дорожно-мостовые работы.

Саперы третьего эшелона «выуживали» случайно оставленные мины, производя контрольную проверку маршрутов, строили мосты под тяжелые танки и артиллерию, вели разминирование улиц, зданий и выполняли специальные задачи, возникающие в ходе наступления.

Такое позшелонное построение инженерных частей предоставляло войскам возможность широкого маневра, способствовало быстрому подтягиванию тылов.

Наибольшая тяжесть, риск и опасность ложились, конечно, на тех саперов, которые действовали в первом эшелоне в составе штурмовых отрядов и групп. В основном, это были саперы 9-й штурмовой инженерно-саперной бригады генерала Пошехонцева.

Вспоминается сибиряк-богатырь коммунист лейтенант Уфимцев Виталий Вавилович. Было ему тогда всего 22 года. 45-й батальон, в котором Уфимцев командовал взводом, обеспечивал действия 84-й и 16-й гвардейских стрелковых дивизий. Еще в период подготовки к штурму взвод Уфимцева в полосе 84-й гвардейской дивизии выполнял одну из ответственных задач по проверке проходов в районе северо-западнее Годринен. Саперы справились блестяще — по их проходам техника и пехота прошли без единого подрыва. В начале штурма лейтенант Уфимцев получил приказ обеспечить проход танков через противотанковый ров в районе южнее Кальгена. Под огнем противника саперы Уфимцева за полчаса собрали и навели переправу. Танки пошли вперед. Уфимцеву доложили, что тяжело ранен командир роты. Уфимцев принял на себя командование саперами взводов, которые в составе штурмовых отрядов разных полков штурмовали Гайде Вундлякен. После двухчасового боя этот опорный пункт пал.

Справа, где наступали штурмовые отряды с саперами 41-го батальона, противник вел перекрестный огонь из двух дотов. Девятнадцатилетний ефрейтор из Калининской области Николай Гуля, — он пришел в бригаду с очередным пополнением лишь в конце 1944 года, — взял двух саперов и пополз к одному из дотов, лавируя между двумя едва заметными холмиками. Гитлеровцы увидели саперов. От пулеметных очередей взвихривалась земля. Одно из саперов ранило. Он застонал, и стон этот словно подхлестнул ефрейтора. До амбразуры дота оставалось метров двадцать открытого пространства. Николай Гуля вскочил, рванулся, слегка пригнувшись, вперед, на ходу дернул шнурок терочного взрывателя, бросил заряд в амбразуру и упал, вжавшись в землю, чтобы уберечь себя от ожидаемого сильного взрыва. Дот замолк. Подоспевшие санитары вынесли раненого сапера с поля боя, а ефрейтор Гуля вместе с бойцами пошел вперед. За этот подвиг он награжден орденом Красной Звезды.

В районе артполигона наступал штурмовой отряд со взводом саперов, которым командовал лейтенант Борис Петрович Богданов. Родом с Урала, Борис Петрович во-

евал в бригаде с апреля сорок второго года, был четырежды ранен, два раза — тяжело. В ходе наступления отряд «споткнулся» о бункер, гарнизон которого, как выяснилось впоследствии, состоял из ста двадцати гитлеровцев. Это был по существу форт с многочисленными амбразурами, складами боеприпасов и продовольствия, с вентиляцией и даже с канализационной системой. Для полного сходства с фортом недоставало заполненного водой рва, но зато вместо него была вырыта траншея, в которой несколько десятков гитлеровцев защищало подходы к бункеру.

Лейтенант Богданов отобрал пятерых, наиболее по его мнению отважных саперов, награжденных в разное время медалью «За отвагу» — сержанта Василия Степановича Прошукалова и рядовых Григория Балуюева, Яктобая Джумаева, Александра Басова и Шарифа Шарапова. По расчетам Богданова для подрыва бункера требовалось восемьсот килограммов взрывчатки.

Дождавшись темноты, они под непрерывным огнем подтаскивали взрывчатку к бункеру, предварительно забросав траншею гранатами.

Лейтенанта тяжело ранило.

— Давай в госпиталь, лейтенант, — подполз к нему Яктобай Джумаев.

— Какой госпиталь! Сколько еще взрывчатки осталось?

— Много, товарищ лейтенант.

— Много-ого! — передразнил его лейтенант, превозмогая режущую боль. — Какого же черта возле меня околачиваешься? Чтоб через тридцать, нет — двадцать минут вся взрывчатка была возле бункера. Выполняйте задание!

Со лба Григория Балуюева струйками стекал пот, падал в глаза, и Балуюев, втихую матерясь, размазывал его по лицу, волоча за собой очередную сорокакилограммовую партию взрывчатки. А из амбразур бункера строчили в темноту пулеметы, рассекая ее на части. Одна из шальных пуль не минула Балуюева, угодила в левую руку чуть повыше локтя. Сапер достал индивидуальный пакет, перетянул, не снимая гимнастерки, рану и снова пополз к бункеру, возле которого работал сержант Прошукалов с рядовым Шараповым, укладывая взрывчатку там, где указывал им лейтенант Богданов.

Наконец все было готово. Саперы ушли в укрытие. Сержант Прошукалов поджег бикфордов шнур и тоже

поспешил в укрытие. Раздался оглушительный силы взрыв. Ни один из находившихся в бункере гитлеровцев не остался в живых.

А вот огнеметчик 43-го отдельного ордена Красной Звезды батальона ранцевых огнеметов Григорий Пантелеевич Безъязычный вступил в схватку с гарнизоном бункера севернее Альтенберга один на один. Правда, бункер этот был втрое меньше, чем тот, который взорвали саперы Богданова, а сам Безъязычный владел очень сильным и удобным для этой цели оружием — ранцевым огнеметом.

Подходы к бункеру прикрывались артиллерийским и минометным огнем из стоящих в лесочке батарей. Безъязычный, где ползком, по-пластунски, где перебежками — от воронки к воронке, добрался до бункера и пустил затяжную огневую струю сначала прямо в амбразуру, а затем в вентиляционную трубу. Слабость наших ранцевых огнеметов состояла в том, что огнесмеси хватало только на две таких «затяжки». Бункер замолчал, огонь его был подавлен, но огнеметчик услышал, как в бункере продолжают о чем-то кричать живые гитлеровцы. Открылась тяжелая дверь бункера, и из нее с поднятыми руками вышли 15 немцев. На счету сапера появились первые пленные.

В самом Альтенберге загорелся сарай. Он был подожжен прямым попаданием гитлеровского снаряда. Сарай с виду как сарай — ну и гори себе, не такие сооружения полыхали, жалеть не приходилось. Но все дело в том, что в огромном этом сарае, приспособленном под гараж еще немцами, стояли две немецких автомашины, доверху нагруженные снарядами от шестиствольного миномета и две автомашины 43-го отдельного батальона ранцевых огнеметов, в кузовах которых находилась огнесмесь и боеприпасы. Немецкие снаряды и машины — черт бы с ними, а вот свои машины с огнесмесью были слишком дороги, чтобы шофер батальона сержант Александр Петрович Купцов так вот запросто отдал их на съедение огню. Сержант Купцов распахнул двери горящего сарая, когда начали рваться немецкие снаряды...

Люди, которые идут на подвиг, не думают ни о смерти, ни о подстерегающей их опасности. На раздумья времени у них не остается. Все мысли человека сосредоточены лишь на одном: как спасти, как уберечь... Человека ли, имущество, дом, боеприпасы...

Сержант Купцов, награжденный за январские бои

под Пилькаллоном медалью «За боевые заслуги», в считанные минуты вывел обе свои машины в укрытие и лишь тогда сам себе удивился и, наверное, поблагодарил про себя судьбу, потому что сарай не просто по-лыхал, а взрывался снарядами, и осколки их долетали даже сюда, в укрытие. Но теперь они уже не были так опасны, как в то время, когда, позабыв о них, он заводной ручкой прокручивал мотор автомобиля.

Упорные бои в этот первый день штурма развернулись южнее Понарта, где наступала 31-я гвардейская стрелковая дивизия. Здесь противник укрепил позиции специальным офицерским батальоном, врыл в землю танк и тщательно замаскировал противотанковые орудия. Как выяснилось позже, командование Кенигсбергского района предполагало, что именно здесь будет нанесен нами главный удар.

«Каждое каменное строение,— писал о Понарте К. Н. Галицкий,— немцы превратили буквально в крепость: замуровали окна, пробили в стенах бойницы. Улицы и переулки перекрыли баррикады, подступы к которым прикрывали минные поля и проволочные рогатки.

Трижды безуспешно атаковали врага полки 31-й дивизии. Противник вел плотный огонь из разных точек, многие из которых раньше выявлены не были. К примеру, дверь каменного сарая открыта, даже наполовину сорвана с петель, а из глубины его строчат несколько пулеметов, сметая начисто все, что попадет в сектор их обстрела. Кирпичный дом с замурованными окнами и дверями, но где же бойницы? Они умело скрыты за наличниками окон или ставнями. Попробуй разберись, откуда бьют пулеметы. Надо сносить весь дом. А за этим домом второй такой же, за ним третий... За домами расположены ходы сообщения, скрытые дороги, по которым можно незаметно подбросить подкрепления.

Лишь к вечеру отдельным штурмовым отрядом удалось прорваться в южную часть квартала западнее пруда и занять несколько домов. Развить успех дальше командир дивизии не смог, так как все резервы были израсходованы».

В составе штурмового отряда, о котором говорит К. Н. Галицкий, одним из первых на южную окраину Понарта ворвалось отделение старшего сержанта Айзиковича из 41-го штурмового инженерно-саперного батальона.

Следом за стрелковой ротой шли танки. И как только

первый танк показался на улицах предместья, по нему тут же ударила противотанковая пушка немцев. Она была так хорошо замаскирована, что никто и не заметил, откуда прозвучал выстрел. Командир штурмового отряда по направлению удара догадался, что пушка упрятана за железобетонной стеной, подходы к которой обстреливались с флангов пулеметным огнем. Командир приказал саперам подорвать стену так, чтобы через пролом смогла пройти самоходная установка.

Айзикович вместе с Владимиром Высоцким и еще двумя саперами, несмотря на обстрел, ухитрились подтащить взрывчатку под стену и взорвать ее. В пролом, выполненный как по заказу, тут же устремилась самоходка и подмяла под себя противотанковую пушку вместе с оглушенным взрывом расчетом.

Саперы продолжали свою работу. Обнаружив в одном из домов засевших там гитлеровцев, они зашли с тыла и подорвали стену. Взрывом и обломками здания семеро гитлеровцев были убиты. А командир готовил для саперов новое задание — нужно было немедленно разминировать тропку, ведущую в обход Понарта к Кенигсбергу.

Завершался первый день штурма. 11-я гвардейская армия свою задачу на направлении главного удара выполнила полностью. Продвинувшись вперед до четырех километров и овладев более чем двадцатью укрепленными опорными пунктами, ее войска к исходу дня вышли на рубеж: разъезд северо-восточнее форта № 10 — южная половина Шпайхерсдорфа — железнодорожное депо — южные кварталы Понарта — Праппельн — Кальген — Вартен.

Второй день штурма

Наверное, правильнее было бы сказать не «второй день», а вторые сутки, поскольку бои продолжались и ночью.

Поздно вечером меня вызвал к себе командующий армией. Кузьма Никитович выглядел усталым, с растекшимися темными полукружиями под глазами — сказа-

лась предыдущая бессонная ночь и чрезвычайная напряженность дня. Вообще-то, должен отметить, Галицкий был для всех нас примером дисциплины и организованности. И не только в работе, но и в режиме дня. Если я, к примеру, часто просто-напросто забывал о еде и отдыхе, то Кузьма Никитович раз и навсегда для себя установил: завтрак, обед, ужин — всегда в одно и то же время, после обеда — кратковременный отдых. Даже в палатке, во время боя.

— Командир должен быть всегда бодрым, подтянутым, а не выглядеть сонной тетерей. Нет ничего неприятнее расхристанного, заросшего щетиной офицера, — не раз говаривал Галицкий. И благодаря именно этой самодисциплине, самоорганизованности, он не позволял себе расслабляться и всегда сохранял бодрость и необыкновенную работоспособность.

Но на этот раз Кузьма Никитович явно пошел вразлад с установленным для себя распорядком. Поесть-то он, может, и поел вовремя, но то, что не отдыхал ни минуты в этот день, несмотря на бессонную ночь, было явно заметно. Заметно, правда, было и другое — Кузьма Никитович доволен исходом дня.

— Только что говорил с маршалом Василевским, — сказал Галицкий, глазами показав на телефонный аппарат. — Он, по-моему, вполне удовлетворен нашим сегодняшним продвижением. Но приказал не прекращать действий штурмовых отрядов и ночью. Противника надо держать в напряжении, чтобы не дать ему возможности организовать оборону на промежуточных рубежах. И надо во что бы то ни стало взять восьмой и десятый форты. Сидят занозой по сути у нас в тылу. — И без всякого перехода вдруг спросил: — А что у вас в штабе вчера произошло? Живьем, слышал, поджарить вас попытались немцы?

— Попытались, — говорю. — Они вот и к Кенигсбергу пытались нас близко не подпускать, да ничего не вышло.

— А все же? — не дал уйти от ответа командующий. Пришлось рассказать.

Под свой штаб в районе Понарта я выбрал вместительный немецкий блиндаж. Моим саперам теперь стало в этом отношении полегче — почти не приходилось строить ни новых командных, ни наблюдательных пунктов. Получали их от немцев на выбор — кому что нравится. Ну, само собой, где-то подправить, подремонтировать, связь провести, больше ничего не требовалось.

К блиндажу вел ход сообщения, сделанный по всем правилам: вырыт глубоко, шальная пуля не заденет. Крутости, как стены в доброй избе, обшиты плотно пригнанными досками. Пройдешь — мундир не запачкаешь. Любили немцы во всем порядок и качество, ничего тут не скажешь.

И вот ночью сидим, работаем. Помнится, был подполковник Мартынов — помощник начальника штаба по разведке, майор Сергей Павлович Зензеров — помощник по заграждениям, прошедший всю войну с армией, человек суховатый, обидчивый, но аккуратист в полном смысле этого слова, еще кто-то...

Я по привычке тянул папиросу за папиросой. Курил, правда, не затягиваясь, лишь бы ощущать горечь во рту. И не знаю, как другим, но мне почему-то нравился стелящийся под потолком табачный дым. И уж если об этом заговорил, то добавляю, что в День Победы я выкурил последнюю папиросу и больше к табаку не прикасался, а прокуренных кабинетов просто терпеть не мог.

Выкурил очередную папиросу, потянулся за следующей и вдруг почувствовал, что вроде бы не табачным, а каким-то другим дымом стало пахнуть. Товарищи мои тоже, вижу, забеспокоились, поглядывают искоса друг на друга. Стены блиндажа от близких разрывов снарядов изредка вздрагивали, но к этому мы давно привыкли и никакого внимания не обращали. А вот дым, едкий и приторный...

— Проверьте, что там такое...

Кто-то открыл дверь и тут же захлопнул. В блиндаж ворвался клуб дыма. Дышать стало невозможно.

— Кажется, горим...

Распахнули дверь. Вход в блиндаж лизало жаркое пламя.

— Документы спасайте, — приказал я, — карты в первую очередь...

Ход сообщения поыхал огнем. Поднял трубку телефона — молчит. Значит, перегорели провода. Что делать? Не задыхаться же. И в огонь лезть... Неизвестно, что за ним...

— Одеяла берите, одеяла, — сообразил Мартынов. — Может, проскочим.

Иного выхода не было. Завернулись в одеяла, побежали через опаляющий лицо огонь. Оказывается, один из зажигательных снарядов угодил в обшивку хода со-

общения. Сухие, как порох, доски тут же загорелись. Немцы отлично знали координаты бывшего своего блиндажа и, думается, вели по нему прицельный огонь, предполагая, что блиндаж занят если не штабом, то хотя бы подразделением. Не ошиблись. Не спохватись мы вовремя и не проскочи через дверь блиндажа, кто знает, чем бы все это кончилось.

— Немного все-таки поджарились, значит,— усмехнулся Галицкий, когда я закончил рассказ.

— Одежда пострадала, верно, а в остальном все сошло благополучно. Вызвали саперов, потушили быстро пожар.

— Ну хорошо,— Кузьма Никитович как бы одернул сам себя за эту минутную передышку, свел брови, на лицо его тотчас набежала присущая ему суровость.— Давайте к делу... Завтра к вечеру мы, возможно, выйдем на Прегель. Что вами предпринято для форсирования реки и быстрого наведения переправ?

Я доложил о местах, где у нас сосредоточены амфибии, лодки, понтоны, сколько понадобится автомашин и времени для их перевозки. Галицкий сделал какие-то пометки на своей карте. Потом мы еще раз уточнили намеченные участки форсирования и распределились, пожелав друг другу спокойной ночи. Со стороны это показалось бы смешным. Какая уж тут спокойная ночь!

Утро 7 апреля началось с артиллерийской подготовки, не такой мощной, как накануне, но достаточно сильной, чтобы наделать у противника переполоху. А еще распогодилось, и славные наши летчики не преминули этим обстоятельством воспользоваться. Более сотни бомбардировщиков нанесли три сильнейших удара по городу. И совсем плохо пришлось бы гитлеровцам, если бы их не выручали просторные, имевшиеся в каждом доме подвалы и двух-трехметровые укрытия убежищ, бункеров, дотов. Сколько мы ни расходовали бомб и снарядов, живая сила противника, отсидевшись в блиндажах, не ослабевала. И потому, когда поднималась наша пехота, гитлеровцы, как тараканы, выползали из всех щелей и сопротивлялись, может быть, даже с большей отрешенностью и самопожертвованием, чем прежде. Страх быть расстрелянным эсэсовцами на месте за дезертирство или попытку сдаться в плен тоже делал свое дело.

Как говорил впоследствии плененный комендант Кенигсберга генерал от инфантерии Отто Ляш: «Германское

командование считало Кенигсберг мощной крепостью, обеспечивавшей сохранение нашего плацдарма в Восточной Пруссии. Мы должны были сковывать значительно большие силы русских, чем те, которыми располагали сами, и этим лишить возможности русское командование использовать эти войска на других оперативных направлениях — на Берлин, Прагу и т. д. Обороне Кенигсберга придавалось исключительно большое значение. Сохранение Кенигсберга было вопросом престижа Германии, поэтому для обороны Кенигсберга были выделены крупные силы».

Я связался с дивизионным инженером 84-й гвардейской стрелковой дивизии, чтобы узнать, как прошел ночной штурм восьмого форта. Услышанное не обрадовало. Форт все еще находился в руках противника, хотя и чувствовалось, что долго ему не продержаться.

В полутораэта метрах от форта проходила первая траншея, в тридцати от первой вторая, имевшая на флангах по малокалиберной пушке на бетонных фундаментах и шесть станковых пулеметов. Форт был опоясан рвом с водой, обнесенным решеткой из толстых стальных прутьев. Ширина рва составляла до двадцати, глубина — до десяти метров. С флангов форта располагались железобетонные бункера с солидными гарнизонами. Трехэтажное здание форта покрывал толстый слой земли с деревьями, возраст которых, судя по толщине стволов, достигал пятидесяти — шестидесяти лет.

Форт был окружен батальоном майора И. С. Романова из 243-го полка. Коменданту форта предъявили ультиматум о сдаче, но он и говорить на эту тему не захотел. Оставалось идти на штурм. Эта сложная задача выпала на штурмовой отряд гвардии капитана Л. И. Репалова, в который входило отделение саперов из восьми человек. Лишь около 14 часов 7 апреля гарнизон форта, находившийся к тому времени в нашем тылу, вынужден был сдаться. В донесении дивизионного инженера об этом говорилось так:

«После артподготовки батальон овладел первой траншеей и устремился ко второй. Огневые точки противника заставили залечь до наступления темноты. Одна рота в темноте захватила бункер справа, вторая — другой. Таким образом форт был блокирован и батальон начал подготовку к штурму.

Рота ФОГ установила часть огнеметов против амбразур капонира, а часть привязала прямо к металлическому

забору, чтобы ударить по амбразурам, простреливающим ров. Дымовики подготовили морские дымовые шашки для задымления рва, а отделение саперов подтащило штурмовые лестницы и взрывчатку. По сигналу дымовики зажгли шашки и опустили их на дно рва, огнеметчики ударили по капонирам. Саперы спустили штурмовые лестницы. Первая рота с северо-востока по разрушенной артогнем кирпичной стене рва преодолела ров и вплотную подошла к центральному зданию форта, открыв огонь из всех видов оружия по окнам и входам. Противник выслал парламентаров. 147 чел. с комендантом сдались в плен. Отделение саперов осталось для проверки и охраны».

Пока отряд гвардии капитана Репалова штурмовал 8-й форт, войска 11-й гвардейской армии продвинулись далеко вперед. Части 83-й дивизии овладели Шенфлисом, захватили форт № 11, южную часть Зелигенфельда и вплотную подошли к Розенау. Бойцы 26-й дивизии ворвались на юго-западную окраину Розенау. 5-я дивизия выбила немцев из района паровозного депо и достигла Зюдпарка. Подразделения 31-й дивизии полностью очистили Понарт, вышли на южный берег реки Беек, переправились через нее и овладели промежуточным рубежом противника на ее северном берегу.

Однако память хранит и другое: чрезвычайно яростное сопротивление врага, когда каждый метр продвижения вперед стоил многих жизней наших солдат и офицеров. 1-я гвардейская стрелковая дивизия «застряла» в районе главной сортировочной железнодорожной станции, против гарнизона Шенбуша безуспешно сражались полки 18-й и 16-й дивизий, пока к ним на помощь не подоспели части 84-й дивизии.

В середине дня на Кенигсберг был произведен массированный налет авиации дальнего действия. В течение 45 минут прошедшие над городом 516 бомбардировщиков сбросили 3743 бомбы. Густой высокий столб черного дыма и пыли поднялся над Кенигсбергом. Горели дома, взрывались склады с боеприпасами, рушились здания и кирхи. Противник продолжал сражаться с еще большим остервенением. Но с меньшим, а с еще большим упорством шли в бой наши штурмовые отряды, продвигаясь к реке Прегель. И не было такого подразделения, в котором не участвовали бы наши отважные саперы.

Около семи часов длился бой за пивной завод в Шенбуше, который гитлеровцы приспособили к обороне.

Лишь только пехота поднималась в атаку, как со стороны завода ее тут же начинал поливать ружейно-пулеметный огонь. Командир дивизии приказал обойти завод и продвигаться дальше к реке Беек, а штурмовой группе из 25 стрелков и 10 саперов с приданными ей двумя самоходными орудиями блокировать завод и овладеть им.

Саперы заложили к стенам у амбразур три кумулятивных заряда. (Передняя грань такого заряда имеет вмятину, усиливающую мощность взрыва.) После взрыва образовались проходы. Бросая впереди себя гранаты, штурмовая группа заняла первый этаж, уничтожив при этом девять гитлеровцев. Остальные укрылись на втором этаже, не давая возможности подступиться к ведущей туда лестнице. Более того, сообразительный противник проделал в полу несколько отверстий и бросал через них гранаты. Тогда по окнам второго этажа открыли огонь самоходки. Только вечером, при помощи подошедшего батальона удалось полностью овладеть заводом.

На какие только ухищрения ни шли гитлеровцы, чтобы причинить нам возможно больший ущерб. Решались подчас даже на самоубийство.

Наши части обошли форт № 12, блокировав его бойцами штурмового отряда 83-й гвардейской стрелковой дивизии. И лишь только отряд поднялся в атаку, гитлеровцы выбросили белый флаг. В непривычно «торжественной» тишине как бы сами собой распахнулись тяжелые, окоченные железом ворота. Сорок три гитлеровца с поднятыми руками убыстренным шагом покинули территорию форта. Мимо них также поспешно вошли в форт более ста бойцов штурмового отряда, радуясь, что на этот раз все обошлось без потерь, и нахваливая немцев за «сообразительность».

Командира же штурмового отряда насторожила и такая неожиданная сдача в плен без единого выстрела, и та поспешность, с которой немцы покинули свое толстенное убежище. Он подозвал саперов Бабиенко и Богданова и приказал осмотреть казематы.

Саперы побежали внутрь форта и в трех дальних казематах увидели ящики со взрывчаткой, подготовленные к подрыву электроспособом. «Режь провода!» — крикнул Богданов своему товарищу, а сам, ориентируясь по лежащим на полу проводам побежал разыскивать подрывную станцию. За очередным поворотом в

сумеречном свете он увидел рослого гитлеровца с автоматом наизготовке. Немец-охранник не успел нажать на спуск: брошенная Богдановым ему под ноги граната сделала свое дело. Богданов рванул на себя ручку двери, возле которой стоял охранник. В небольшой комнате торопливо возился с подрывной станцией немецкий офицер. Он никак не мог понять, что случилось, почему нет взрыва, хотя сам все досконально проверил перед тем как решиться на самоубийство. И понял только сейчас, увидев стоящего в дверях советского сапера.

Нетрудно представить, что произошло бы, если б не острое чувство надвигающейся опасности командира отряда или если бы саперы замешкались на каких-нибудь десять-пятнадцать секунд.

В районе трамвайного парка наступал штурмовой отряд с саперами из 42-го штурмового инженерно-саперного батальона. По приказу командира отряда группа саперов зашла с тыльной стороны парка, чтобы подорвать одно из зданий с засевшими в нем гитлеровцами. Противник разгадал маневр и пошел на саперов в атаку. Двадцать немцев против шестерых. Четверо саперов были ранены в первые же секунды этого неожиданного нападения. Остались ефрейторы Петр Иванович Воронов и Иван Михайлович Хоткевич. Они укрылись за развалинами и отбивались от врага автоматным огнем и ручными гранатами. Когда им на помощь пришло стрелковое подразделение, одиннадцать гитлеровцев были уничтожены.

Труднейшие бои завязались в районе железнодорожной станции. Противник укрывался всюду — в многочисленных пристанционных зданиях и постройках, в вагонах и под вагонами, за грудями искореженного металла и кирпичными развалинами. Кроме этих «естественных» укрытий было немало тщательно и умело замаскированных дзотов и разного типа огневых точек. «Работы» хватало всем — и саперам, и стрелкам, и автоматчикам.

Еще на подходе к станции пулеметный огонь из дзота не давал возможности продвигаться штурмовому отряду. Тогда сапер-штурмовик младший сержант комсомолец Владимир Киселев, несмотря на полученное ранение, подполз к дзоту и забросал его гранатами. А потом громко крикнул товарищам: «Дорога свободна! Вперед на Кенигсберг!»

Пишу об этом не по памяти. Память может подвести.

Помогли сотни наградных листов, которые заполнялись командирами и штабами сразу же после боя.

Сержант Петр Кононович Сигаев, командир отделения 43-го штурмового инженерно-саперного батальона, 1926 года рождения, член ВЛКСМ, в составе штурмовой группы при овладении железнодорожной станцией блокировал огневую точку и уничтожил пять вражеских солдат. Будучи раненым, оставался до подхода всего отряда, а сапер комсомолец ефрейтор Кузьма Ануфриевич Рыжиков, выполняя задание командира взвода по подрыву здания железнодорожной станции, 100 метров прополз по-пластунски и с тыла четырьмя сосредоточенными зарядами подорвал стену, метнул три гранаты и уничтожил двух немцев.

Казалось бы, все просто: прополз, подорвал, метнул, уничтожил... А сколько за этими шаблонными словами твердой веры в нашу победу, стремления поскорее закончить эту треклятую войну, сколько памяти о родном доме, детях, жене, родителях, любимых! Тот, кто не ползал по-пластунски под градом осколков разрывающихся снарядов и мин, прижимаясь к земле так, что между нею и телом не остается и малейшей щелочки, кто не сжимал до боли зубы, когда над ухом просвистывали пули, не сможет по-настоящему понять, что такое проползти по-пластунски сто метров. И пусть даже не сто, а пятьдесят, двадцать пять — расстояние практические не имеет значения, потому что каждый метр может быть последним в жизни человека.

А сколько их, безымянных, осталось за пределами нашей памяти и не сохранившихся в утерянных списках. В круговерти военных будней солдатские подвиги часто затушевывались общим героизмом советского воина, и герои оставались не отмеченными заслуженными наградами Родины.

Группа саперов, действовавшая в составе 31-й гвардейской стрелковой дивизии получила срочное задание. Через реку Беек был перекинут мост, по которому могла пройти не только пехота, но и танки. Ни одного моста немцы при отступлении не оставляли, нередко подрывая их на глазах наших наступающих войск. Наверняка подобная участь ожидала и этот мост. Захватить его в ходе наступления было фактически безнадежно. Ведь всего лишь одному человеку стоило крутнуть ручку подрывной станции, чтобы он тут же взлетел в воздух. Посланные на разведку саперы уточнили, что мост охра-

няется гитлеровцами, сидящими в небольшом домике возле него. Тогда группа саперов прихватила с собой мощный кумулятивный заряд, подкралась к домику, забросала гранатами наружную охрану и одновременно взорвала домик, в котором отдыхали четырнадцать гитлеровцев. Затем саперы разминировали мост, обеспечив пропуск войск через реку Беек. Этот мост был единственным, сохранившимся в целости через реки Беек и Прегель.

К сожалению, я не знаю даже фамилий тех отважных саперов. Я не смог найти их ни в списках, ни в донесениях, ни в наградных листах. Возможно даже, что за этот подвиг они не получили никакой награды. И наверняка не обиделись, посчитав происшедшее обычным своим делом, своей работой.

А второй день штурма меж тем подходил к концу. Он был не столь успешным, как первый. Однако и умалять достигнутого тоже нельзя. «Наши части,— отмечал К. Н. Галицкий,— продвинулись на 2—3,5 км, прорвав во всей полосе армии второй промежуточный оборонительный рубеж. Фланговые части вышли на южный берег р. Прегель, а в центре пробились к третьей оборонительной позиции. В результате штурма были взяты 3 форта, 7 железобетонных убежищ, 5 дотов, до 45 укрепленных пунктов, главная сортировочная железнодорожная станция и 10 различных промышленных предприятий, до 100 кварталов в южной части города. Некоторые немецкие части и подразделения, оборонявшие их, были полностью разгромлены. Противник потерял 94 орудия и миномета, 14 танков и штурмовых орудий и много стрелкового оружия. Хорошие итоги. Но полностью план второго дня все же выполнен не был. Прегель не форсировали, с 43-й армией не соединились».

Через Прегель

«Гвардия генерала Галицкого, — писал в «Правде» от 16 апреля 1945 года ее корреспондент, — форсировала Прегель в кромешной тьме. Орудия прямой наводки, множество пулеметов били с правого берега Прегеля на левый. Набережные были охвачены огнем, точно камень вдруг загорелся. Рушились, трескали здания. А внизу под ливнем снарядов и пуль, на темной стремнине широкой реки плыли гвардейцы полковника Толстикова. Использовали все, что только могло держаться на воде: плоты, бочки, бревна, лодки, амфибии, огромные баллоны, наполненные воздухом, качались на гребнях кипящей от разрывов реки. На плотках плыли пушки».

Все так именно и было. Разве что «кромешную тьму» корреспондент вставил ради красного словца. Не так уж черны здесь апрельские ночи, да и горящие повсюду здания достаточно хорошо освещали реку, чтобы противник мог вести прицельный огонь по форсирующим ее частям.

Такой плотности огня, как при форсировании Прегеля, мы еще на себе не испытывали. Простреливался буквально каждый квадратный сантиметр водной поверхности. Все, что было у гитлеровцев из оружия и могло еще стрелять, стреляло по реке и левому ее берегу, с которого мы начали форсирование.

Перед этим, вечером 7 апреля, на командный пункт армии, расположенный в Шенморе, прибыл Маршал Советского Союза А. М. Василевский. После его отъезда К. Н. Галицкий сказал, что командующий фронтом, детально разобравшись в сложившейся обстановке, приказал основные усилия армии перенести на ее левый фланг и развивать наступление на Амалиенау, чтобы, форсировав Прегель, соединиться с наступавшими с севера войсками и, окружив кенигсбергскую группировку противника, уничтожить ее. Задача третьего дня штурма сводилась таким образом к тому, чтобы в течение ночи форсировать Прегель и с утра продолжить наступление, нанося главный удар на левом фланге силами 36-го гвардейского стрелкового корпуса.

Форсирование реки в черте города поставило перед инженерными войсками ряд дополнительных задач.

Прежде всего, набережные, как правило, были одеты камнем, забраны деревянным или металлическим шпунтом. Это создавало немалые трудности при спуске на воду переправочных средств и устройства пристаней. Поэтому приходилось стенки набережной подрывать, а в местах подрыва оборудовать аппарели.

Все работы чаще всего велись под постоянным огнем противника.

Особые трудности состояли в подвозе к реке переправочных парков. Число проезжих улиц было крайне ограничено из-за баррикад, развалин домов и подбитой военной техники. Кроме того, они были забиты автотранспортом и боевой техникой общевойсковых соединений. Отставание же инженерных частей и переправочных средств во время форсирования недопустимо. Обращаюсь к командарму с просьбой выделить специальные маршруты для подачи понтонных парков. К. Н. Галицкий приказал один из маршрутов специально отвести для подачи парков, закрыв на нем движение для всех остальных «потребителей», в том числе танков и артиллерийских установок. Это позволило быстро и своевременно подавать переправочные средства и парки к реке, собирать тяжелые паромы и наладить переправу на них танков и самоходных орудий на правый берег.

При отходе гитлеровцы пытались уничтожить все переправочные средства, но быстрый бросок наших войск не дал им до конца привести в исполнение свой замысел. Инженерная разведка обнаружила несколько исправных катеров, барж и лодок, которые мы с успехом использовали для переправы передовых отрядов и последующих эшелонов.

Провести инженерную разведку реки Прегель заблаговременно в полном объеме не представилось возможным из-за плотно прикрытых огнем противника всех подходов к реке. Места переправ для танков и тяжелой артиллерии приходилось выбирать в ходе боя, когда передовые отряды захватывали плацдармы на правом берегу Прегеля, и срочно подтягивать туда переправочные средства, наводить мосты, собирать паромы.

В ту ночь одними из первых ворвались в Нассер-Гартен, расположенный на берегу реки, подразделения 27-го и 40-го полков 11-й гвардейской стрелковой дивизии. Противник предпринял контратаку при поддержке трех самоходок. Грозные машины, со всхрапывающими от натуги моторами, вели непрерывный огонь. В какое-то

время казалось, что они вот-вот сомнут нашу пехоту или, по крайней мере, заставят ее отступить. Тут-то и проявили свое мастерство саперы подвижного отряда Заграждения, которым командовал старший лейтенант Осташ. В считанные секунды они выскочили из-под моста в районе главного вокзала и на перекрестке кварталов 353—355 разбросали мины прямо под носом у противника. Развернуться самоходки не успели. Головная машина подорвалась и загородила проезд остальным. С ними тут же разделались подоспевшие расчеты противотанковых орудий.

Однако дальнейшее продвижение этих полков, задача которых состояла в захвате железнодорожного моста через Прегель, основательно уже разрушенного противником, затормозилось. Об этом я узнал от командира 11-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Н. Г. Цыганова.

— Выручайте, Михаил Георгиевич, застрял 40-й полк,— кричал он в телефонную трубку.— Все здания немцы в крепости превратили, мин кругом понатыкали, а лбом стену не прошибешь, сами знаете, только людей зря угробим. У 27-го дела не лучше. Подкиньте саперов, без них невозможно.

— Какой район?

— Полки в районе улиц Хафен, Гартен и 1-й Трифт.

— Хорошо, помогу.

У меня были в резерве первая и вторая роты 11-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона, которые недавно закончили пропуск через проходы первых эшелонов 31-й и 1-й гвардейских стрелковых дивизий. Я тут же отдал команду на придание их дивизии генерала Н. Г. Цыганова.

Перекресток улиц Гартен и 1-й Трифт, на котором «споткнулись» солдаты, был заминирован и обстреливался гитлеровцами из домов с заложеными кирпичом оконными проемами. Саперы тоже не смогли сразу добраться к перекрестку. Попробовали пробиться, но тут же были отброшены назад плотным заградительным огнем. Тогда они взяли взрывчатку, обошли здания с флангов и подорвали четыре дома с восточной и два с западной стороны. Стрелки помогли уничтожить выскакивающих из-под развалин гитлеровцев, а саперы тем временем разминировали перекресток.

По улице Хафен, где саперам пришлось подорвать еще два дома с засевшими в них немцами, штурмовой

отряд 40-го гвардейского стрелкового полка, пробираясь вдоль железнодорожной насыпи, вышел к реке Прегель и центральному железнодорожному мосту. Бой за мост продолжался всю ночь.

27-й полк подбирался к мосту с восточной стороны, где на углу улицы Дейтшорден стояло четырехэтажное здание, из которого немцы обстреливали все подходы к мосту. По нашим штурмовым отрядам из-под железнодорожной насыпи с западной стороны моста вели огонь две самоходных установки. Тогда на помощь стрелкам и саперам пришла артиллерия. Огнем из глубины одна из самоходок была подбита, а вторая поспешила укрыться за домами. Это было уже утром 8 апреля.

О том, какие нам противостояли здесь силы, говорят воспоминания бывшего коменданта крепости Кенигсберг Ляша, который писал: «Новый передний край обороны проходил по северному берегу Прегеля... в виде опорных пунктов, по кварталам домов и был так насыщен, что Прегель и все без исключения предполье находилось под огнем... Для предотвращения ожидаемого форсирования Прегеля на участке 69-й пехотной дивизии я был поставлен перед необходимостью переместить в ночь с 7 на 8 апреля... главные силы 61-й пехотной дивизии...»

Мы на себе почувствовали это перемещение, потому что с каждым часом, несмотря на наш натиск, огонь со стороны противника не ослабевал, а усиливался. Далеко не на всех участках полосы наступления 11-й гвардейской армии ее подразделениям удалось подойти к Прегелю. Отдельные подразделения врага сопротивлялись по-прежнему упорно и отчаянно.

В районе парка на южной окраине Кенигсберга штурмовой отряд, которому была придана рота саперов 43-го батальона, вступил с гитлеровцами в ночной бой. Серьезных оборонительных сооружений в этом районе у противника не было, но отряд вынужден был залечь из-за огня, который исторгало из себя каждое дерево — такое, по крайней мере, создавалось впечатление, потому что противник перерыл траншеями и окопами весь парк и свободно по ним перемещался. Гитлеровцы открывали огонь на каждый шорох, на каждую качнувшуюся ветку, укрываясь в щелях и за деревьями. И как многое в таких случаях зависит от находчивости и решительности одного лишь человека!

Таким человеком оказался двадцатитрехлетний сапер туркмен Нагад Байрамов. Вспомнив, как у себя на родине

в дни охоты загоняют зверя, Нагад Байрамов набрал в карманы, за пояс, за пазуху сколько было возможно ручных гранат, подкрался поближе к немцам, поднялся в рост и побежал через немецкие траншеи, крича бранные туркменские слова, стреляя из автомата и забрасывая противника гранатами. Среди гитлеровцев поднялась паника. Не в состоянии сообразить, откуда вдруг, со стороны или тыла, обрушился на них этот «гранатный» водопад, они выскакивали из укрытий, бежали кто к реке, кто прямо на наших солдат. Командир поднял штурмовой отряд в атаку. Через несколько минут отряд овладел парком и вышел к Альтер-Прегель. За этот подвиг сапер Нагад Байрамов был удостоен ордена Красной Звезды.

Хотелось бы воссоздать картину той незабываемой ночи, когда действительно «набережные были охвачены огнем, точно камень вдруг загорелся». Наверное, это может сделать только постронний наблюдатель. Мне ни минуты не довелось быть наблюдателем. Крутился я в этом адском котле с одной лишь мыслью — переправить на правый берег Прегеля как можно больше людей и техники при минимальных потерях. А уж о том, что придется когда-нибудь об этом писать, не только не думалось, но и заикнись кто на эту тему, сам посчитал бы его сумасшедшим. Поэтому и всплывают в памяти лишь отдельные эпизоды той незабываемой ночи.

Одной из первых форсировала Прегель в районе порта рота 45-го штурмового инженерно-саперного батальона, действовавшая в составе штурмовых отрядов 49-го и 46-го полков 16-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор М. А. Пронин. До того саперы в районе Континен проделали четыре прохода в проволочных заграждениях и построили три пешеходных моста через противотанковый ров.

Ночная темнота помогла саперам без особых помех спустить плоты на воду и начать переправу через Прегель. Но как только плоты отошли от берега, по ним ударили артиллерия и минометы противника. Вода закипела, взметнулась фонтанами. Далеко не всем бойцам и саперам довелось добраться до противоположного берега. Те же, что добрались, оказались под огнем реактивных установок, прозванных нашими солдатами «ишаками». Позже «ишаки» были уничтожены с воздуха бомбардировщиками, но пока обстановка усложнилась. Противник перешел в контратаку и форсирование Пре-

геля 49-м полком захлебнулось под жесточайшим огнем врага.

Несколько успешнее действовал 46-й полк. Одному из его батальонов удалось захватить небольшой плацдарм на северном берегу. Чтобы его расширить, требовались подкрепления. И как можно быстрее. В моем резерве имелось 19 амфибий, которые мы получили перед штурмом Кенигсберга. Использовать эти «корабли» при форсировании рек еще не приходилось. Я держал их в резерве на самый крайний случай — подставлять под прямой удар такие ценные переправочные средства я считал нецелесообразным, зная, что нам в недалеком будущем предстоит форсировать морской пролив Зеетиф в районе Пиллау, где без амфибий не обойтись. Но теперь этот самый крайний случай наступил. Не поддержать тех, кто сейчас отбивается от врага на крохотном плацдарме, означало обречь их на верную смерть и потерять к тому же этот плацдарм, стоивший уже немало крови. Я отдал приказ. Стоящие в боевой готовности несколько амфибий уже через пять минут были в распоряжении генерала Пронина. Переброска подразделений на плацдарм усилилась. Противник начал отступать.

31-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор И. Д. Бурмаков, были приданы саперы 41-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона. Накануне, обеспечивая продвижение дивизии вперед, они построили мост и переезд через противотанковый ров в районе Понарта, обезвредили шесть фугасов, сняли 56 мин.

95-й полк дивизии довольно быстро и неожиданно для гитлеровцев продвинулся к западному железнодорожному мосту через р. Прегель. Но как только передовой отряд полка приблизился к въезду на мост, раздалось несколько сильных взрывов. Верхняя ферма перекорежилась, отдельные ее части рухнули в воду. По нижней ферме, предназначенной для пешеходного движения, убегали, отстреливаясь, отступавшие гитлеровцы. Было ясно, что лишь последний из них покинет мост, как тут же взлетит на воздух и нижняя ферма. Медлить нельзя ни секунды. Поговорка «промедление смерти подобно» подходила к этому случаю как нельзя лучше. И это хорошо понимали саперы 41-го батальона. Они вырвались вперед и побежали по мосту, рискуя подорваться на нем в любую минуту. Но все же они успели опередить врага и перерезать идущие к взрывным устройствам провода.

Затем они полностью разминировали нижнюю ферму моста, и по нему вслед за саперами пошли в атаку подразделения 3-го стрелкового батальона майора Ф. И. Кучеренко.

Однако не везде удалось форсировать Прегель в эту ночь. 5-я и 26-я дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса так и не смогли прорвать третью позицию севернее Зюдпарка и подойти к Прегелю. Не удалось, несмотря на многочисленные попытки, форсировать Альтер-Прегель и подразделениям 83-й дивизии в районе северо-западнее Розенау. Зато под покровом ночи удалось перебросить к реке все основные переправочные средства, которыми располагали инженерные войска армии.

К восьми часам утра рассвело. Ночной бой, не затихая, перешел в утренний.

К десяти часам стали поступать боевые донесения от корпусных и дивизионных инженеров. У моих помощников и офицеров штаба были красные от бессонных ночей глаза и подпухшие веки. Наверняка и я выглядел не лучше. Попросил ординарца заварить чаю покрепче, сел читать донесения.

Лучше всех, пожалуй, шли дела у саперов 11-й гвардейской стрелковой дивизии. Ее штурмовой отряд с ходу форсировал Прегель по разрушенному мосту «Рейхбрюке». Подтянув инженерные переправочные средства, саперы под огнем собрали пять двухлодочных паромов в трехстах метрах западнее моста и с девяти часов начали переправлять на них артиллерию 27-го полка. Нашлись еще четыре захваченных у противника рыбачьих и две саперных деревянных лодки. Из них тоже попытались собрать паромы, но не удалось — артиллерийским огнем противника лодки были уничтожены.

Инженерная разведка, проведенная в полосе наступления 31-й дивизии, установила, что на берегу Прегеля противник не оставил ни одной, даже самой маленькой лодочки. К месту будущей переправы срочно доставили семь саперных лодок и восемь поплавков ТЗИ (труднозатопляемое имущество). Три лодки оборудовали под десант, из остальных саперы 35-го батальона собрали два парома и два плота. На этих средствах и начали форсировать Прегель в районе цитадели 97-й и 99-й полки дивизии.

Комендант переправы заместитель командира 35-го саперного батальона гвардии капитан Макаров умело

организовал действия саперов, и вскоре штурмовые отряды этих полков завязали бой с противником на северном берегу Прегеля.

Здесь необходимо сказать несколько слов о комендантской службе вообще и при форсировании рек в частности. Ведь за этим несколько сухим и как бы бюрократическим словом «комендант» кроется очень сложная и ответственная работа, которая возлагалась на инженерные войска армии. Возьмем, к примеру комендантскую службу на проходах через минные поля. Это и охрана, и регулирование движения. Зазевайся комендант на проходе, кто-нибудь свернет в сторону от указки и подорвется на вражеской мине или даже на своей. Особенно нужен глаз да глаз коменданта-сапера при движении через проходы — танков и самоходных установок. Поэтому на проходах в полосе одной дивизии комендантскую службу несет целая рота саперов.

Особая ответственность ложится на комендантскую службу при форсировании рек. Недаром для непосредственного руководства форсированием при направлении главного удара создавалась оперативная группа во главе с начальником штаба или начальником инженерных войск, который в этом случае являлся одновременно армейским комендантом переправ.

В полосе армии при форсировании Прегеля действовали двадцать десантных пунктов переправ, семнадцать паромных и несколько наплавных мостов. Все они постоянно подвергались обстрелу, выходили из строя, приходилось в срочном порядке принимать решения, использовать резервы и прочее. Вообще практика форсирования водных преград показала, что потери переправочных средств достигали пятидесяти процентов. И мы это имели в виду при подготовке плана форсирования Прегеля, создав вполне достаточные резервы. Важно было вовремя доставить резервные переправочные средства туда, где в них действительно остро нуждаются, а не туда, где «жадный» комдив желает заполучить в свое распоряжение побольше лишнего инженерного имущества, что в нашей практике случалось не так уж редко.

От коменданта пункта переправы зависит очень многое. Переправа, несмотря ни на что, должна действовать непрерывно и без задержки. Комендант вместе с командиром войсковой части решает, какие военные грузы переправить в первую очередь и какие позже. И чтобы, не дай бог, не было возле переправ пробки, что всегда

приводит к неоправданным потерям. Он обязан проявить всемерную бдительность и решительность, поскольку любой командир хочет переправить на ту сторону как можно больше техники и, конечно же, возможно скорее. А грузоподъемность моста ограничена, поэтому коменданту приходится и незаслуженные оскорбления сносить, и натиск напористых командиров выдерживать, и саперами командовать, и о резервах думать...

Вспоминается при этом один не очень приятный случай. На одной из переправ через Прегель, по которой переправлялись артиллерия и танки, образовалась пробка. Подъезжаю. Комендант переправы в бессильной растерянности разводит руками, показывает на середину моста, где заглохшая полупроходка загородила дорогу всему потоку.

— Чья? — спрашиваю. — Зачем пропускал?

— Не заметил, товарищ полковник, как и прорвалась.

Бегу туда. Шофер полупроходки с остервенением крутит заводную ручку, но бестолку: что-то, видимо, разладилось в зажигании. В кабине спокойно сидит молоденький майор в очках.

— Кто разрешил нарушать движение?

— Еду по спецзаданию. От военторга.

Заглянул в кузов — пусто. Стопка мешков да брезент. Все стало ясно: спешил за трофеями. И, по всему чувствовалось, самовольно, чтобы первым на какой-нибудь склад ворваться и выбрать кусок позавиднее.

Я и так был взвинчен донельзя, а тут прямо-таки распалился от злости. Там люди гибнут, ждут поддержки танками, а этот нахальный тип в новеньком мундирчике за трофеями поспешает...

— Вылезай! — кричу.

— У меня свое начальство есть, — отвечает тот спокойно. — А вы мной распорядиться не имеете права.

— Я не имею? — распахнул дверцу кабины. — Вылезай сейчас же!

А он сидит себе развалившись и ухмыляется. Не сдержался я, ударил его кулаком по переносице, так что очки слетели в сторону, выволок из кабины, скомандовал своим саперам:

— Опрокидывай!

Те словно этого приказа и ждали. В один миг подняли полупроходку и сбросили в воду.

— А теперь иди к своему начальству, доложи, что и как...

Майор с шофером поплелись обратно, не решаясь уже вступать в какие бы то ни было пререкания, а танки пошли своим ходом на помощь штурмующим Кенигсберг войскам.

Итак, форсирование Прегеля продолжалось в целом успешно. Части 16-й и 18-й дивизий переправлялись на левом фланге армии. Общее руководство переправой возглавлял здесь корпусной инженер 36-го гвардейского стрелкового корпуса подполковник Журко. Саперы использовали все какие имелись инженерные переправочные средства: лодки, паромы, полупонтоны и амфибии, трофейные катера с баржами на буксире. Четко налаженная комендантская служба позволила быстро перебросить на северный берег Прегеля подразделения дивизий с пулеметами, минометами, орудиями различного калибра, где они, вступив в бой с противником к часу дня овладели районом Коссе южнее Амалиенау, захватили железнодорожную станцию Прегель, а еще через час соединились с частями 43-й армии, завершив таким образом окружение малым кольцом кенигсбергского гарнизона с запада.

Встреча частей двух армий произошла в районе нынешнего кинотеатра «Победа», на здании которого после окончания Великой Отечественной войны была установлена мемориальная доска с надписью: «В этом районе города 8 апреля 1945 года войска генерал-полковника К. Н. Галицкого, наступавшие с юга, соединились с войсками генерал-лейтенанта А. П. Белобородова, наступавшими с северо-запада, и завершили окружение кенигсбергской группировки немецких войск».

Враг однако не спешил поднимать руки. Он по-прежнему яростно отбивался от наших атак, цепляясь за каждый дом, за развалины, подвал, баррикаду. На правом фланге армии все еще не мог полностью пробиться к реке 8-й гвардейский стрелковый корпус опытного и смелого генерал-лейтенанта М. Н. Завадовского. Только к ночи его дивизиям удалось овладеть сильно укрепленными кварталами севернее Зюд-Парка и выйти к р. Альтер-Прегель на участке от лесопильного завода до острова на р. Прегель.

Форсирование Прегеля в районе Нассер-Гартен — остров продолжалось. Об одном из эпизодов этого дня в газете «Калининградская правда» рассказал бывший командир 15-го отдельного саперного батальона майор в отставке А. С. Осташ:

«В 13 часов, кажется, на третий день штурма, я был вызван к командиру дивизии генералу Н. Г. Цыганову. Он поставил задачу: любой ценой к 14 часам оборудовать паромную переправу у железнодорожного моста через Прегель.

На предельной скорости наши 15 автомашин «ЗИС-5» с понтонами помчались к указанному нам месту переправы. Не проехав и километра, колонна вышла на открытую местность. Остальные полтора километра неслась уже под огнем противника. Вот и берег. Развернулись по команде, и за дело.

Падали убитые и раненые. Но приказ был выполнен. Ровно в 14.00 на первый паром погрузили два орудия с расчетами и боеприпасами, а к вечеру была переправлена вся артиллерия нашей дивизии и приданная. Настала ночь — и стали переправлять пушки 26-й дивизии.

Нам было тяжело. Но вдохновлял пример гвардейцев 1-й гвардейской дивизии. Они переправлялись рядом по рухнувшему в реку пролетам моста под жесточайшим огнем фашистов. Великое мужество тех солдат вселяло храбрость и в наших саперов».

Прочитал я эти строки и подумал: насколько же скромны и благородны были эти люди, если даже в таких невероятно сложных обстоятельствах, вспоминая через сорок лет после войны, в пример ставят не себя, не свои заслуги, а мужество солдат другой, соседней дивизии.

Скажу без ложной скромности, что наши саперы были очень мужественными людьми. А когда мы получали пополнение из сибиряков и уральцев, то вообще чувствовали себя как за каменной стеной. Это были настоящие герои. Честь им и слава!

Третья рота 140-го батальона 66-й бригады обеспечила проход танков через железнодорожное полотно, заваленное разбитыми вагонами и противотанковыми надолбами, и приступила к строительству моста через Прегель. Командира роты лейтенанта Шереметьева ранило вторично, на этот раз тяжело. Когда подбежавшие санитары уложили его на носилки, он крикнул: «Не сдавай, ребята! Бить надо фашистскую свору, чтобы и нюха от нее не осталось!»

Группа саперов этого батальона под руководством командира отделения Ченникова сопровождала танки, расчищая для них проходы через минные поля и завалы. Но когда по ним начали стрелять гитлеровцы, они всту-

пили с ними в бой. В очередной схватке пленили пятерых немцев. Среди них Ченников заметил офицера. Ченников сообразил, что офицер не может не знать своих минных полей, и заставил его указывать направление движения, чтобы миновать заграждения.

Не везло с мостовой переправой, которую наводила третья рота 226-го инженерно-саперного батальона. Видимо, выбранное для переправы место было хорошо пристрелянным скрытой на той стороне вражеской батареей. Трижды разрушал артогнем переправу противник. При очередном артналете ранило и взрывом сбросило в кипящую от разрывов реку командира взвода старшего лейтенанта Быкова. Рядовой сапер коммунист Милешин, который при этом сам получил контузию, бросился в воду, доплыл до начавшего тонуть командира и вытащил его на берег. Вскоре тяжело контузило командира роты капитана Н. А. Баннова. Рота осталась без офицерского состава, так как командир первого взвода был убит при первом же артналете.

Говорю это для того, чтобы показать, что командиры саперных взводов, рот и батальонов всегда были вместе со своими саперами, руководили ими непосредственно в деле и воспитывали их своим личным примером.

Я считаю себя человеком объективным, но все же, должен признаться, что саперы 66-й бригады были как-то ближе моему сердцу. Все-таки бригада рождалась на моих глазах, я формировал ее как исполняющий обязанности комбрига, была всегда под рукой и знал всех офицеров не только в лицо и по имени-отчеству, но и их сильные и слабые стороны. Да и многих рядовых саперов, и младший командный состав знал хорошо. Однако я погрешил бы против совести, если б умолчал об отваге саперов приданной нам 9-й штурмовой инженерно-саперной бригады, которой командовал опытнейший командир генерал-майор инженерных войск Ф. С. Пошехонцев. Она действовала в составе 11-й гвардейской армии с января 1945 года, и нашим саперам, честно говоря, было чему поучиться у саперов 9-й бригады, которые, как говорится, ни черта, ни бога не боялись и шли, не страшась, в самое пекло.

44-й ее батальон одной ротой форсировал Прегель в составе 18-й дивизии в районе железнодорожной станции. Первыми подобралась к реке саперы Гордей Иванович Наход, Николай Иванович Назаркин и Семен Калинович Троцук. Разведали берег в надежде отыскать лод-

ку или что-нибудь подходящее для переправы. Ничего не нашли, кроме нескольких осклизлых бревен. Но и это посчитали немалой удачей. Соорудили плотик, завернули в плащ-палатку взрывчатку, гранаты, бережно все это уложили и под дымовой завесой, — «химики» наши не поскупились на дымовые шашки, — благополучно достигли противоположного берега. Здесь, прикрытый высокими, оголенными еще деревьями стоял дом, из окон которого строчили два пулемета, а из-за угла дома прямой наводкой была по подходящей к реке пехоте немецкая пушка.

Гитлеровцы, увлеченные тем, чтобы не дать нашей пехоте начать переправу, не заметили, как саперы добрались к дому и заложили под него всю взрывчатку, которую взяли с собой. Под обрушившимися стенами дома нашли свою смерть те, кто нес и сеял ее на нашей земле. Орудийный расчет саперы забросали противотанковыми гранатами. Два десятка немцев, находившихся в траншее неподалеку, сдались в плен. А тем временем саперы роты навели переправу из подвезенных переправочных средств, и штурмовой отряд дивизии, форсировав Прегель, начал расширять захваченный саперами плацдарм.

Ну как тут не вспомнить ставшие хрестоматийными строчки из поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин»:

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...
Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.
Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок,
И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...
И не все успели с ходу
Повернуть, отплыть назад.
И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Так и думается, что Твардовский это про нас писал, когда мы форсировали Прегель. Всякое при этом случилось: и на дно шли, и без единой царапины противоположного берега достигали. И многое тут зависело от

мастерства саперов, которые, работая веслами и шестами, каким-то шестым чувством предугадывали, куда упадет и в каком месте взорвется очередной снаряд или мина, вовремя отворачивали в сторону, а затем, памятуя, что в одну воронку снаряд дважды не попадает, направляли паром или плот на место только что вздыбившейся от разрыва воды и плыли дальше. Вот так четырнадцать рейсов через Прегель сделал в этот день младший сержант восемнадцатилетний комсомолец-москвич Виктор Береда. На собственноручно сделанном плоту он переправил на тот берег пулеметный расчет, почти роту пехоты и даже пушку. У него не было никакого опыта форсирования рек, но было стремление не ударить лицом в грязь перед товарищами и помочь тем, кто сражался на северном берегу.

Два батальона пехоты и двадцать две пушки переправили на пароме саперы Федор Яковлевич Попков и Федор Петрович Кувардин. Сделав последний рейс, они оставили паром на причале, а сами вместе с бойцами штурмового отряда пошли выбивать немцев из кенигсбергских домов и подвалов.

На северном берегу Прегеля, за железнодорожным мостом, перед пехотой 18-й дивизии, которая продвигалась в направлении к нынешнему кинотеатру «Победа», оцетинился штыками и стволами пулеметов коксогазовый завод. Пехота под огнем залегла. Командир штурмового отряда определил, что основной огонь гитлеровцы ведут из-за кирпичной стены, где у них, видимо, были вырыты окопы и траншеи. Подозвал командира саперного отделения сержанта Николая Порфирьевича Бакланова, человека немолодого, родившегося накануне начала нынешнего века, сказал:

— Смотри туда, сержант... Если подобраться сзади и подорвать стену, то...

— Ясно, товарищ капитан,— не дал и договорить Бакланов.— Разрешите выполнять?

— А голова у тебя соображает! Досказать не дал. Действуй!

Бакланов взял с собой саперов Ивана Степановича Игнатьева, осетина Тужи Доскаевича Букаева, которые были лишь немного его помоложе, и комсомольца-белоруса Петра Егоровича Иванова. Такая вот неожиданно многонациональная группа получилась.

Петр Иванов, как самый молодой и здоровый, нагрязился большей частью взрывчатки. Прикрываясь от огня

гитлеровцев за трубами-газоводами, проползая через завалы кирпича, угля, обломков и нагромождений металла, они подобралась к стене, взорвали ее и стали поливать из автоматов уцелевших гитлеровцев. Несколько десятков солдат противника они уничтожили и двенадцать человек, в том числе одного офицера, взяли в плен.

На другом участке, где противник засел за толстыми стенами городской мельницы, отличились саперы этого же батальона комсомолец-сибиряк младший сержант Александр Кузовлев, пришедший в батальон с новым пополнением, и сапер Сергей Алексеевич Князев из подмосковной деревни Новиково. Они обнаружили возле мельницы склад с горючим и взорвали его. Здание мельницы охватило пламя. Гитлеровцы выпрыгивали из окон, выбегали из дверей и попадали под огонь нашей пехоты. Князев лично убил девять фашистов, за что и был награжден орденом Красной Звезды. Грудь младшего сержанта Кузовлева украсила медаль «За отвагу».

...Зуммерит телефонная трубка. На проводе — командарм Галицкий. Приказывает начинать строительство мостов. Отвечаю, что такое распоряжение мною уже отдано. Галицкий кладет трубку, ничего больше не говоря. Значит, доволен.

Да, теперь, когда отдельные части 36-го и 16-го гвардейских стрелковых корпусов форсировали Прегель на плотках, понтонах, паромках, амфибиях и лодках, для переправы остальных подразделений, грузов и военной техники требовались уже мосты посolidнее. Первый такой наплавной мост под грузы 16 тонн начали сооружать в полукилометре ниже разрушенного моста в районе Нассер-Гартен. Длина моста — 150 метров, ширина — 3,2 метра. Работа идет туго. Русло и берега захламлены разбитой военной техникой. Противник к тому же не успокаивается — бьет и бьет из орудий и минометов. Чаще мимо, но иногда попадает и в точку. А тут еще неожиданно обнаружившаяся «находка»: под водой оказались сваи от некогда существовавшей здесь пристани. Спускаемые на воду понтоны садились на сваи, их приходилось стаскивать и собирать заново в местах, где свай не было.

Дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса в этот третий день штурма все еще никак не могли выбить противника из района севернее Зюд-Парка, где немецко-фашистское командование в течение предыдущей ночи

создало прочную оборону и усилило свои подразделения резервами.

В штурмовых отрядах дивизии действовали в основном саперы 43-го батальона. Накануне сапер Семен Воропаев под сильным огнем противника в районе Авайден проделал проход в минном поле, обезвредив двадцать две мины. Пехота, танки и самоходки прошли без единого подрыва. Воропаев вместе с Алексеем Кийко захватил во время разведки один из домов, и они решили удержать его до подхода штурмового отряда. Трижды гитлеровцы пытались выбить их оттуда, но безуспешно. Двое саперов уничтожили более десяти солдат противника и шестерых взяли в плен.

Трудно выбивать гитлеровцев из домов, обращенных ими в опорные пункты, но еще сложнее было управляться с теми, кто засел в зданиях железнодорожной станции — этих маленьких приземистых крепостях с подвальными помещениями, толстенными кирпичными стенами и окнами-амбразурами. Подходы к ним прикрывались железнодорожным полотном, через которое пройти незамеченным невозможно. Преодолевать эти препятствия приходилось обычно саперам. Опасно, но другого выхода не было. Ежесекундно рискуя жизнью, подполз к полотну по-пластунски восемнадцатилетний белорус сапер Осип Павлюченко, перемахнул через него с тяжеленным зарядом взрывчатки и подобрался к боковой стороне пристанционного здания, в котором засел пулеметный расчет противника. Сосредоточенным зарядом он подорвал стену, вбежал в дымящийся еще пролом и заставил гитлеровских пулеметчиков умолкнуть навеки.

Приблизительно в то же время сапер украинец Григорий Васильевич Одинокий в составе штурмовой группы проник внутрь здания железнодорожной станции, надеясь уничтожить оттуда пулеметный расчет, строчивший по наступавшей пехоте из подвального помещения. Однако входа в подвал сапер не нашел. А пулемет продолжал стрелять. Одинокому пришла в голову разумная мысль. Он уложил на полу сосредоточенный заряд, подорвал его, спрыгнул в образовавшееся отверстие и в упор расстрелял гитлеровского пулеметчика. Остальное доделала пехота, ворвавшаяся внутрь станции и полностью уничтожившая ее гарнизон.

К полуночи дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса вышли на реку Альтер-Прегель на участке от

лесопильного завода до острова на реке Прегель. Основная задача дня 11-й гвардейской армии была выполнена.

«На третий день штурма, — писал в своих воспоминаниях Ляш, — русские в отдельных местах прорвались к центру города, где находился и я со своим штабом. Положение в городе становилось исключительно тяжелым. В результате обстрела артиллерии, минометов и налетов бомбардировочной авиации возникали большие пожары. Город был разрушен, убежища повреждены. Внутренний транспорт перестал работать. Прекратился подвоз боеприпасов. Радио и телефонная связь были прерваны. Войска понесли большие потери. Моральное состояние войск ухудшалось с каждым часом. Гражданское население и иностранные рабочие поднимали белые флаги, не желая того, чтобы мы оказывали сопротивление. Чем больше сокращался фронт, тем тяжелее оказывались все эти трудности. Запасы продовольствия и боеприпасов были уничтожены. Разрушения в городе были настолько велики, что невозможно было не только передвигаться, но даже и ориентироваться».

И все же, несмотря на такое положение, Ляшу было приказано удерживать Кенигсберг всеми силами. А силы у него еще были. Нашим войскам в окруженном городе противостояла стотридцатитысячная группировка врага.

Маршал Василевский ночью вызвал по ВЧ командующего армией К. Н. Галицкого и спросил:

— Не кажется ли вам, Кузьма Никитович, что завтра надо кончать?

Галицкий ответил утвердительно.

Салют

Трудно сейчас это себе представить, но было именно так: четвертые сутки фактически без сна, в постоянном физическом и нервном напряжении. Люди подчас валились с ног от усталости, засыпали на ходу. Но никто не жаловался, не роптал. Не знаю, какое открывалось дыхание, второе или третье, как это принято говорить у спортсменов, однако, несмотря ни на что, настроение у всех было бодрое, приподнятое.

Начиная с утра 6 апреля бои не прекращались ни на минуту, лишь иногда затихая к ночи и вспыхивая

с новой силой то на одном, то на другом участке наступления армии. Кольцо вокруг окруженной кенигсбергской группировки сжималось.

Командующий фронтом решил, что с окончательным разгромом гарнизона вполне смогут управиться 11-я гвардейская и 50-я армии, а соединения 43-й армии повернуть на запад для ускорения разгрома земландской группировки противника.

— Задача на очередные сутки такова...— Кузьма Никитович собрал основной руководящий состав полевого управления армии.— Развивая наступление в северо-восточном направлении, мы должны полностью очистить от противника центральную часть города до линии пруд Обер-Тайх — междуречье Нойер-Прегель — Альтер-Прегель, а затем наступать на северо-восток и совместно с частями 50-й армии завершить разгром противника, обороняющегося в восточном секторе крепости.

Галицкий говорил чуть охрипшим голосом, водя тупым концом карандаша по лежащей перед ним штабной карте, и все мы внимательно следили за движением его руки, хотя знали карту не то что назубок, а каждый ее квадрат могли представить, закрыв глаза.

После краткого обсуждения командарм принял решение, в котором ставились соответствующие задачи стрелковым корпусам.

В полночь на всем фронте 11-й гвардейской армии возобновились ожесточенные бои. 26-я и 5-я гвардейские дивизии 8-го корпуса под непосредственным руководством комкора генерала М. Н. Завадовского приступили к форсированию обоих рукавов Прегеля.

Саперный взвод комсомольца-сибиряка младшего лейтенанта Шаковца из 43-го штурмового инженерно-саперного батальона на подручных средствах первым форсировал Альтер-Прегель, занял там оборону и огнем прикрывал переправу пехоты 75-го полка 26-й дивизии. Саперы Алексей Меркулович Ерзов, Петр Семенович Уполовников и другие сколотили несколько плотиков и под огнем противника, орудуя веслами, переправляли на тот берег боеприпасы и расчеты станковых пулеметов. Уже в первой половине дня гвардейцы генерала Завадовского ворвались в восточную часть Кенигсберга.

Младшему сержанту, восемнадцатилетнему москвичу саперу Владимиру Бородину поручили разведать крайние дома поселка Шпайерхсдорф. Бородин пополз попластунски. Никто не стрелял. Сапер решил, что в до-

мах никого нет. И только приподнялся, решив перебежкой достигнуть первого дома, как из окна ударил пулемет и застрочили автоматы. Бородин рухнул на землю, притворившись убитым, хотя не был даже и ранен. Немцы перенесли огонь в ту сторону, где залегла наша пехота. Тогда Бородин вскочил и бросил в окно дома первую гранату, за ней вторую... Семерых гитлеровцев сапер уничтожил, четверо вышли с поднятыми руками.

Жилые дома, хоть и приспособленные к обороне, являлись менее живучими по сравнению с кирхами.

Немецкие солдаты, на бляхах ремней которых были отштампованы слова «С нами бог», вероятно, и впрямь считали, что бог в его собственном «доме» охранит их от пуль и снарядов.

Подразделения 40-го полка 11-й дивизии, о чем я уже говорил ранее, форсировав Прегель, овладели зданием управления военно-хозяйственного снабжения, перерезали железную дорогу и вошли в район 207-го квартала. Дальше хода практически не было. На пути гвардейцев встало величественное здание кирхи, напоминающей польский костел с массивными железными дверьми и с площадью перед ней. Все подходы к ней простреливались из глубины обороны противника артиллерийским и пулеметным огнем. Из окон кирхи, заложенных кирпичом с амбразурами в основании, из ее подвальных помещений вели перекрестный и фронтальный огонь пулеметы. Полк вынужден был залечь. Потребовалась вылазка саперов.

Выбор пал на лейтенанта Королева из 15-го отдельного гвардейского саперного батальона. Группа саперов, которую он возглавил, под прикрытием дымовой завесы подтащила к южному фасаду кирхи 300 килограммов взрывчатки. Взрывать решили огнем способом. Это было очень рискованно, однако протягивать электропровода и устанавливать подрывную машинку где-то в стороне времени не было. Да и провода в любое мгновение могли быть повреждены артиллерийскими снарядами.

Лейтенант Королев сам поджег короткий бикфордов шнур. Однако отбежать в укрытие он не успел. При взрыве его тяжело ранило. Громада толстеного кирпичного фасада откололась от здания, дрогнула, даже, как показалось со стороны, приподнялась и рухнула на землю, подняв тучи пыли, которая скрыла нашу пехоту, тут же поднявшуюся в атаку. Более ста гитлеровцев, как оказалось, искали защиту под росписью икон и фресок.

В живых осталось лишь 20 солдат. Они тут же подняли руки и сдались в плен.

На южной окраине Кенигсберга была кирха поменьше, но и она поливала пулеметным и автоматным огнем нашу пехоту. Ее штурмом взяла группа саперов ефрейтора Николая Медведева из 42-го батальона. Сам Медведев подорвал сосредоточенным зарядом пристройку, в рукопашном бою уничтожил пулеметную точку с ее расчетом. Грудь восемнадцатилетнего сапера украсила медаль «За отвагу».

В сложнейшей обстановке в эти дни приходилось действовать саперам второй и третьей рот 140-го инженерно-саперного батальона, которым командовал гвардии майор Кушнир Григорий Алексеевич. На их долю выпало сопровождение танков 23-й отдельной танковой бригады.

Не раз мне приходилось наблюдать из соседнего дома, как в уличном бою в составе штурмового отряда, грозно переваливаясь, движется через развалины танк и ведет огонь по огневым точкам противника. А впереди танка идут, бегут, спотыкаются, падают и встают, — иногда и не встают, пока не подбегут санитары, — два-три сапера со щупами, кошками, с гранатами в правом кармане потрепанной шинелишки.

По танку, естественно, противник бьет со всех сторон, но танкистов бережет броня. А саперов ничто не бережет, кроме собственной смекалки, сноровистости, наблюдательности и бдительности. А задача у них: расчистить под огнем вставший вдруг на пути танка завал, найти и обезвредить противотанковую мину, преградить путь вражескому танку миной... И они шли, работали под пулями и осколками, вытаскивали мины щупами и кошками, вывинчивали взрыватели и махали руками водителю: двигай, мол, дальше, путь свободен.

Немало этих безвестных саперов погибло при штурме Кенигсберга, еще больше получили ранения, но на место погибшего или раненого тут же вставал другой сапер, и так до самого победного конца.

Саперы вели себя в бою достойно, самоотверженно, героически. Сохранившийся в архиве Министерства обороны СССР «Отзыв о боевой работе саперов 140-го ИСБ» свидетельствует:

«В боях за город Кенигсберг саперы 140-го ИСБ в составе 2-й и 3-й ИСР были приданы моей бригаде для сопровождения танков. Начиная с начала операции, саперы действовали непосредственно с танками. Про-

пуская танки через минные поля, свои и противника, не было случая подрыва танков. При встрече заграждений на маршрутах действия танков, своевременной инженерной разведкой отыскивались обходные пути и своевременно возводились инженерные сооружения. Саперы действовали умело по инженерному обеспечению, проявляя инициативу и личную отвагу. Личный состав действовал организованно и сплоченно.

Командир 23-й отдельной гв.
краснознаменной танковой бригады
гв. полковник Козиков».

Штурм Кенигсберга подходил к завершающей стадии, а нагрузка на инженерные войска не только не ослабевала, но, пожалуй, еще и усиливалась.

«Большую работу по обеспечению дальнейшего наступления войск армии севернее р. Прегель,— вспоминал К. Н. Галицкий,— предстояло провести тыловым органам. Генерал Ю. Б. Ибатулин (заместитель командующего армией по тылу.— М. Г.) прежде всего попросил помочь ему в восстановлении переправ через Прегель. Получив соответственно мое приказание, полковник М. Г. Григоренко, как всегда, ответил коротко и спокойно:

— Есть, будет выполнено.

И задача действительно в кратчайший срок была выполнена. Мы не могли не гордиться своими саперами».

Бесспорно высока оценка командующего армией, но, отринув ложную скромность, скажем, что наши саперы заслужили ее целиком и полностью. Мы хорошо понимали, сколь ответственны стоящие перед нами задачи, и делали все, чтобы их выполнить.

Генерал Ю. Б. Ибатулин не без оснований беспокоился о переправах. Ведь на его плечи ложилось снабжение армии боеприпасами, горючим, продовольствием и многим другим. И все это нужно доставить войскам в весьма короткий срок. Поэтому все саперные подразделения, которые еще находились у меня в резерве и которые не были задействованы в штурмовых отрядах, я направил на строительство мостов и восстановление разрушенных переправ через Прегель.

В 22 часа 45 минут 9 апреля командующий войсками и комендант кенигсбергского гарнизона генерал Ляш подписали акт о безоговорочной капитуляции. Ляшем был отдан приказ о немедленном прекращении сопротивления.

Я не останавливаюсь на этом важном акте более подробно. Он достаточно полно освещен в военной литературе.

Однако и после подписания капитуляции в отдельных местах враг продолжал еще сопротивляться, поскольку связь у гитлеровского командования в Кенигсберге была нарушена, и не все сразу узнали о сдаче, а некоторые фашисты, как можно предположить, не согласились с ней.

Утром 10 апреля мне положили на стол отчет командира 3-го взвода 2-й роты 8-го отдельного гвардейского штурмового инженерно-саперного батальона гвардии лейтенанта Кислякова о штурме форта № 4, длившегося с 14 часов 9 апреля до пяти утра следующего дня.

В 14.00 штурмовой отряд остановился в четырехстах метрах от форта. Отделение автоматчиков и отделение саперов под прикрытием минометного огня пошли в разведку. Разведка прошла в целом успешно, хотя и потеряли двух солдат. Главное же — доставили «языка», который довольно охотно и подробно рассказывал об обороне форта.

Форт прикрывался с фронта двумя земляными валами. В траншеях этих валов засела пехота противника в составе усиленной роты с четырьмя станковыми пулеметами. Слева — огонь из капонира, справа — пруд Обер-Тайх, омывающий отвесные стены северо-западной части форта. Между земляными валами — минное поле. Перед фортом — широкий ров, заполненный водой.

Из амбразур форта по открытой перед ним местности били восемь станковых пулеметов и несколько орудий. С наступлением темноты после короткого огневого артобстрела группа штурма под прикрытием танков ворвалась в первую траншею. Саперы немедленно приступили к проделыванию проходов в минном поле между траншеями. Гитлеровцы открыли огонь, но четыре прохода саперам проделать все же удалось. По ним к форту подошли танки, самоходные установки и стали бить по нему прямой наводкой. Автоматчики ворвались во вторую траншею, а саперы обошли тем временем форт с тыла, забрались на капонир и взорвали его сосредоточенным зарядом, открыв таким образом свободный подход к форту слева.

К массивным воротам форта через ров был перекинут мост. Не оставалось сомнений, что он заминирован. Отделение саперов сержанта Гольшева успело опере-

дить замешкавшихся гитлеровцев и обрезало все провода, ведущие к подвешенным к мосту зарядам.

При помощи стрелков саперы стали подтаскивать взрывчатку, чтобы подорвать ворота и стены форта. К рассвету полтонны взрывчатки готовы были поднять часть форта на воздух. Но тут начальник его гарнизона выслал парламентариев с предложением о безоговорочной капитуляции.

В 5.00 10 апреля штурмовой отряд вошел в крепость.

Сейчас каждый калининградец и десятки тысяч людей, приезжающих в Калининградскую область на отдых или в качестве гостей и туристов, хорошо знают этот форт не только снаружи. В нем находится прекрасный музей солнечного камня — янтаря, большая часть мировых запасов которого залегает в прибрежной зоне возле поселка Янтарный.

Со взятием этого форта бои в Кенигсберге закончились.

Итак, крепость, считавшаяся неприступной на протяжении почти 700 лет, пала.

Кенигсбергское радио вещало: «Лучшая крепость Европы — Кенигсберг будет держаться не меньше, чем слабая русская крепость Севастополь». Севастополь держался 250 дней. Под мощным ударом советских войск «лучшая крепость Европы» пала на четвертые сутки. И в этом есть большая заслуга славных саперов 11-й гвардейской армии.

В 23 часа 45 минут 9 апреля мы с нескрываемым волнением и слезами на глазах слушали по радио Приказ Верховного Главнокомандующего, который торжественным и до боли душевным, знакомым голосом читал Юрий Левитан:

«Войска 3-го Белорусского фронта после упорных уличных боев завершили разгром кенигсбергской группы немецких войск и сегодня, 9 апреля, штурмом овладели крепостью и главным городом Восточной Пруссии — Кенигсбергом — стратегически важным узлом обороны немцев на Балтийском море...»

А в 24 часа Москва салютовала доблестным войскам 3-го Белорусского фронта двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

Полуостров смерти

Десятого апреля день выдался как по заказу солнечный. По очистившемуся небу плыли редкие облака, подгоняемые балтийским ветерком, по-весеннему пригревало солнце, и моментами появлялось почти непреодолимое желание расслабиться, расстелить прямо на пыльной земле шинель, лечь, сомкнуть веки и спать, спать, спать... Но желание это и после штурма было несбыточным, потому что волнами накатывались все новые и новые неотложные дела, связанные с очисткой города от мин и фугасов, комендантской службой на переправах, по которым подтягивались в Кенигсберг тылы нашей армии, а из Кенигсберга в наш тыл бесконечными колоннами, позвякивая привязанными к поясу котелками и тяжело шаркая по земле непослушными ногами, шли и шли военнопленные немцы. Только войсками 11-й гвардейской армии было взято здесь в плен 57 640 вражеских солдат и офицеров. В качестве же трофеев мы захватили около двух тысяч орудий и минометов разных калибров, почти две с половиной тысячи пулеметов, сорок четыре танка и штурмовых орудия, большое количество автомашин, паровозов, вагонов, речных судов и прочего. Боеприпасов же почти не было — все они были израсходованы гитлеровцами при штурме или взорваны при бомбежках.

Утром в частях состоялись торжественные митинги, солдат накормили праздничным обедом: наваристыми щами и густой, хорошо заправленной маслом и мясом кашей, и они, разморенные и уставшие, заснули крепким и безмятежным солдатским сном, расположившись кто где — на обочинах дорог, у развалин зданий, в траншеях, окопах и блиндажах. Кое-кому выпало стоять на часах и охранять сон товарищей, потому что немало еще гитлеровцев укрывалось в подвалах и подземельях.

За ночь медленные воды Прегеля несколько поочистились, унесли в залив щепу и остатки разбитых плотов и лодок, но берега реки были до предела захламлены разбитой военной техникой, бочками, бревнами, проволокой, трупами людей и лошадей. Старые немецкие мосты походили на несуразно нависшую над рекой груды искореженного металла. Новые, наведенные нами, кача-

лись на понтонах, прогибаясь и поскрипывая под тяжестью автомашин с грузами.

Часть нашего понтонного парка получила во время форсирования пробоины, отдельные понтоны вышли из строя, и саперы-понтонеры тут же на берегу занимались ремонтом того, что еще можно было привести в рабочее состояние и использовать в будущем. С понтонами у нас было туговато, а нам предстояло еще форсировать залив Фришес-Хафф.

Я с офицерами штаба решил осмотреть город, стоивший нам столь многих потерь в живой силе и технике, и наметить мероприятия по восстановлению дорог, мостов да и самого города. Проехать по его улицам и переулкам на машине было невозможно. Центр Кенигсберга, особенно в восточной его части, представлял собой сплошные дымящиеся развалины. Воздух пропитался гарью, копотью, пылью.

Группы автоматчиков прочесывали подвалы и уцелевшие дома. На площадях висели горы винтовок, автоматов, ручных пулеметов, с которыми охотно расставались сдавшиеся в плен немецкие солдаты. Изредка попадались гражданские лица. Они смотрели на нас отрешенно и безучастно, как будто все у них было лишь в прошлом. И странно — люди эти, помогавшие фашистам во всем, люди, которые радовались при сообщении о взятии того или иного советского города и желали скорейшей победы приспешникам Гитлера, не вызывали в наших сердцах ненависти. Наоборот, жалко было на них смотреть, оглохших от бомбежек, голодных и измученных страхом и бессонными ночами. По распоряжению Галицкого для них организовали пункты питания, и те, кто прослышал об этом, спешили туда, где войсковые повара орудовали половниками. Они-то прекрасно знали, что ни один немец не накормил на оккупированной территории ни одного нашего человека, будь то женщина или ребенок с опухшими от голода лицами. А тут... Повара разливали в подставляемые котелки и миски солдатские щи, совали в протянутые руки пайки хлеба и дивились, что очередь никак не хочет сокращаться.

Кто-то из моих товарищей сказал:

— Все-таки нет предела доброте русского народа. Они наших жен и матерей убивали, а мы от себя кусок отрываем, чтобы они не умерли с голоду.

С ним все молчаливо согласились, но развивать затронутую тему никто не стал

Мрачен был лежащий в дымящихся развалинах город. Казалось, никаких человеческих сил не хватит, чтобы растащить, расчистить эти руины, засыпать воронки, ликвидировать завалы, что-то восстановить, а в основном построить заново. Однако душа радовалась при взгляде на эти развалины: гнездо воинствующего пруссачества, в котором из поколения в поколение передавались и воспитывались ненависть к соседним народам, мечты о пресловутом «Дранг нах Остен» — походе на Восток, — было разрушено, повержено, опрокинуто.

На месте бывшего Кенигсберга вырос мирный, по современному красивый, с широкими новыми улицами и проспектами город Калининград. И лишь старые форты, сохраненные как музейные экспонаты, да высокие кирпичные стены сгоревшего в огне войны кафедрального собора на острове между рукавами Прегеля, в котором короновались на престол прусские короли, напоминают о прошлом и заставляют задуматься о будущем.

Армия, успешно завершив штурм, готовилась к передислокации на Земландский полуостров добывать врага. Нам предстояло разработать маршруты движения войск, проверить на минирование дороги, восстановить или построить заново мосты и переходы.

В ночь на 11 апреля 11-я гвардейская армия перешла в район Рудау — Найхоф, в 12—15 километрах севернее Кенигсберга, чтобы привести в порядок войска после тяжелейших боев, отремонтировать технику, пополнить боеприпасы и дать хоть немного отдохнуть бойцам, чтобы восстановить их силы для предстоящих боев.

Инженерные части принимали пополнение, готовили технику и снаряжение, проводили боевую подготовку воинов, используя опыт штурма Кенигсберга. Штаб инженерных войск разрабатывал план инженерного обеспечения боевых действий войск на Земландском полуострове и форсирования морского пролива Зеетиф в районе морской крепости Пиллау.

Наступление 2-й гвардейской армии захлебнулось. Она не смогла преодолеть мощную оборону немцев. 16 апреля маршал Василевский приказал 11-й гвардейской армии сменить части 2-й гвардейской и 18 апреля начать наступление с рубежа Тенкиттен — Розенталь на Пиллау и косу Фрише-Нерунг.

Штаб инженерных войск 2-й гвардейской армии не проводил глубинной разведки и не мог снабдить нас

данными об инженерных сооружениях и заграждениях противника в районе будущих военных действий.

Ясно было лишь одно: противник сдаваться не собирается и будет защищаться с неменьшим, а может быть, и с еще большим упорством.

По сравнению с теми расстояниями, которые мне с боями пришлось пройти от Москвы до Кенигсберга, Пиллаусский полуостров мог показаться крохотным отрезком военной дороги, проскочить который не стоит ни особых трудов, ни потерь. На войне однако бывает и такое, что подчас и десять, и двадцать километров без единой жертвы пройдешь, а споткнувшись о какой-нибудь укрепленный противником овражек, целый батальон потеряешь.

Таким вот «овражком» и оказался Пиллаусский полуостров, который являлся естественным продолжением Земландского. Он имел в длину около пятнадцати и ширину от двух до пяти километров. И на этом коротком отрезке противник создал шесть оборонительных рубежей с траншеями и противотанковыми рвами, пересекающими полуостров от залива Фришес-Хафф до Балтийского моря. Северную окраину Пиллау стерегли четыре крепостных форта и морская крепость. Коса Фрише-Нерунг также была пересечена шестью оборонительными позициями с двумя фортами на северной ее оконечности.

Маршал Василевский, когда К. Н. Галицкий доложил ему о начавшейся смене войск и плане развития наступления в глубину Пиллауского полуострова, сказал командарму:

— Хорошо разберитесь с противником, тщательно изучите систему его оборонительных сооружений и только тогда начинайте наступление.

Александр Михайлович учитывал, что сейчас, когда окончательная победа близка, нет необходимости с ходу бросать в бой соединения армии и тем самым нести неоправданные жертвы. Однако срок готовности армии к наступлению установил жесткий — не позже двадцатого апреля.

Саперы ремонтировали дороги, обеспечивали выход артиллерии на огневые позиции, строили НП и КП, разминировали территорию, готовили исходный район для наступления войск армии, заготавливали детали мостов для преодоления противотанковых рвов, интенсивно вели инженерную разведку.

Корпусной инженер 16-го гвардейского стрелкового корпуса майор Фролов доложил, что еще «до подхода к переднему краю обороны противника соединений корпуса, силами разведывающих 15, 20 и 35-го отдельных саперных батальонов производилась разведка маршрутов движения... Разведка была непрерывной. Саперы-разведчики находились впереди боевых порядков, ведя разведку оборонительных сооружений, заграждений противника и маршрутов движения. Давали полные данные о промежуточных рубежах, которые были насыщены густой сетью траншей и ходов сообщения, бункеров и фортов».

В 11 часов 20 апреля после мощной артподготовки из шестисот стволов и сильных ударов авиации, части 16-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов перешли в наступление.

Взвод разведки 20-го отдельного саперного батальона капитана Д. Я. Обласова установил, что южнее Тенкиттена, в полосе наступления 1-й дивизии, линия обороны противника представляет собой густую сеть траншей с ходами сообщения и дзотами. В глубине обороны — противотанковый ров, полностью пересекающий полуостров. Северо-восточнее — вторая линия траншей с ходами сообщений к блиндажам. Восточнее Детского курорта — третья линия. За противотанковым рвом открыты стрелковые окопы, а перед населенным пунктом Нойхойзер — четвертая линия траншей.

Сплошной многолетний лес на полуострове создавал преграду для танков, маневр которых ограничивался лишь простреливаемыми гитлеровцами просеками и единственным шоссе.

И тем не менее мы были уверены в скором успехе. Пожалуй, даже слишком уверены, так как по плану операции предусматривалось овладеть Пиллау к исходу второго дня наступления.

Соответственно этим планам командир 66-й инженерно-саперной бригады отдал распоряжения саперным батальонам с выходом пехоты за противотанковый ров сразу же начать строительство мостов через него для прохода танков и самоходных установок. Срок отводился минимальный: тридцать минут на мост. Однако, несмотря на то, что с началом артподготовки саперы стали перебрасывать к передовой линии детали и материалы, ни одного моста построить не удалось. Стрелковые части продвинулись за день всего лишь на километр,

овладев двумя-тремя линиями траншей, несколькими вы- сотками, не дойдя до противотанкового рва.

«Прибыл только с переднего края наших передовых частей,— сообщил в своем донесении на 16 часов 30 ми- нут 20.04.45 г. командир роты разведки 66-й бригады капитан Сорока.— Наша пехота вплотную не дошла к противотанковому рву. Находился я 200 м правее боль- шака, идущего в г. Пиллау. К передку подходят вторые и третьи эшелоны нашей пехоты. Первый эшелон наших частей противник перемолол и не допускает к противо- танковому рву. От переднего края наших войск 300 м в глубину я встретился с командиром 286-го ИСБ. Его са- перы лежат в траншее сзади него. Сидят, ждут, когда пехота перейдет противотанковый ров. Наши танки сто- ят еще на исходных позициях юго-западнее Розен- таля и южнее Тенкиттена. С передовой я продвинулся в глубь своих частей, так как меня вместе с рацией во время артобстрела засыпало землей, по-видимому, мою рацию противник засек. Выслал две группы к переднему краю наших частей с задачей установить размеры про- тивотанкового рва и уточнить обстановку. По рации ни с кем не имею связи, никто не отвечает... По прибытии разведки пришлю письменное донесение».

Через несколько часов:

«Доношу: прибыла группа во главе с мл. сержантом Логуновым, принесла сведения, что наши части юго-за- паднее Тенкиттена по берегу моря прошли через про- тивотанковый ров и ведут бой на южной окраине этого рва. Участок прохода пехотой рва весьма узкий. Пост- ройка переправ через ров невозможна: противник ведет сильный артогонь. 226-й и 243-й ИСБ находятся на юж- ной окраине Тенкиттена. Их обозы с лесоматериалами находятся в этой же деревне. Имеют большие потери в лошадях. В 286-й ИСБ обстановка прежняя».

В 21.30 от капитана Сороки поступает последнее в этот день боевое донесение:

«Доношу, что прибывшая группа, которой руководил ст. лейтенант Курмангалиев, производила разведку про- тивотанкового рва в районе юго-западнее Розенталя. Противотанковый ров был занят противником. Эта груп- па, внезапно столкнувшись с противником, завязала бой и выбила немцев на ту сторону рва. В ходе боя убито 3 немца, но сам Курмангалиев был убит разрывной пу- лей. За нашей разведкой подоспела пехота, но перейти через ров в присутствии разведчиков не смогла. Поверху

ров 4—4,5 м глубиной 2 м. Имеется вода 50—70 см. Со старшим лейтенантом Курмангалиевым принимали участие разведчики ефр. Новгородов, ефр. Сметанников и рядовой Вавилов. Вынести с поля Курмангалиева невозможно, будем выносить ночью. Документы, ордена и полевая сумка его находятся у меня. В этом же районе на железной дороге имеется четыре ряда надолбов, между железной дорогой и шоссе проходит противотанковое минное поле. Не удалось узнать — проходит противотанковый ров через шоссе или нет, так как подобраться невозможно.

С рацией я отошел назад юго-западнее Розенталя, так как ближе к передку работать с рацией невозможно, так как мешают пехота, где ее очень много, и мешает артогонь противника. Наши саперные батальоны сидят юго-западнее Розенталя в ходе сообщения, который идет вдоль железной дороги. Работ никаких не производят».

Позже капитан Сорока донес, что «ранее я указывал, что наша пехота по берегу моря просочилась через противотанковый ров, но это не уточнено, ибо очень трудно понять, так как они в этом районе продвинулись вперед, но там их никого не осталось, и ров по-прежнему у противника».

Столь сложная обстановка складывалась в первый день нашего наступления.

Противник, сосредоточивший на полуострове и косе Фрише-Нерунг около семидесяти тысяч солдат и офицеров, используя узость фронта, создал плотную эшелонированную на всю глубину до Пиллау оборону, которую нашим войскам надо было буквально «прогрызть». Густой лес не позволял наступающим применять танки и осложнял действия по прорыву обороны противника.

Следующий день тоже не принес значительных успехов. Лишь на отдельных участках удалось прорвать оборонительный рубеж и захватить небольшие плацдармы на противоположной стороне рва для последующего наступления.

Захвату одного из таких плацдармов способствовало отделение старшего сержанта Михаила Александровича Воробьева из 140-го инженерно-саперного батальона. Этот батальон обеспечивал сопровождение танков 213-й гвардейской краснознаменной танковой бригады. Еще накануне четверо саперов Воробьева отличились на разведке минных полей и противотанкового рва в полосе

16-го корпуса. Хотя все подходы ко рву простреливались, саперы сумели скрытно к нему подобраться, детально обследовать местность, а на обратном пути ворвались с тыла в траншею противника, уничтожили несколько фашистов и привели с собой четырех плененных гитлеровцев.

При прорыве первой линии обороны западнее Фишхаузена, где на пути стрелковых подразделений снова встал серьезной преградой противотанковый ров, Михаил Воробьев под жесточайшим огнем, укрываясь за деревьями, используя каждую складку местности, буквально исползал все подходы ко рву и нашел-таки место, где можно было преодолеть ров с минимальными потерями.

И не только старший сержант Воробьев, а и все саперы 140-го батальона в период этой наступательной операции проявили себя с самой лучшей стороны. Здесь уместно привести боевой отзыв об их работе командира 213-й танковой бригады гвардии полковника Киселева:

«Во время наступления на г. Пиллау и последующие боевые действия саперы 140-го ИСБ показали образцы сплоченности и организованности в работе и знание саперного дела.

В оборонительных боях перед Пиллау встретились три противотанковых рва противника больших размеров, где саперами без задержки были проделаны проезды путем засыпки их землей. Комендантская служба на проходах велась точно.

Все танки были пропущены через противотанковый ров. Не было ни одного случая подрыва танков на минах.

Когда танки форсировали пролив и продолжали наступление по косе Фрише-Нерунг, здесь движение танков было сильно затруднено, так как проходила одна дорога и встретился сплошной лес. Дорога сильно изрыта воронками и подорвана, местами делалась жердевая выстилка. Здесь также саперы 140-го работали слаженно и организованно — в короткий срок прокладывали пути движения танков. Связь с командирами рот и батальона была регулярная».

22 апреля дела несколько улучшились. К. Н. Галицкий ввел в бой дивизии 8-го корпуса, находившиеся во втором эшелоне. Цепляясь за каждый метр земли, противник все же не устоял перед натиском. Первый его оборонительный рубеж был окончательно прорван, и наши войска потеснили врага еще на три километра,

овладев опорными пунктами Лохштадт и Детский курорт.

Капитан Сорока, постоянно ведя инженерную разведку, сообщил, что единственная шоссейная дорога, связывающая Пиллау с Кенигсбергом, подорвана, и по ней не могут пройти ни танки, ни автомашины. Вся надежда на переправы через противотанковый ров. Вот тут-то и досталось саперам 66-й бригады. Только наша пехота оказывалась по ту сторону рва, саперы тут же приступали к строительству мостов и переходов. Шесть таких переправ были сделаны в считанные минуты, и по ним пошли в бой танки, самоходные установки, тяжелая артиллерия.

Не только боевые успехи, а и глубокие огорчения принес нам этот день. Неподалеку от городка Нойхаузен, где находился НП 16-го гвардейского стрелкового корпуса, от прямого попадания снаряда погиб командир корпуса, Герой Советского Союза генерал-майор Степан Савельевич Гурьев и был смертельно ранен командующий артиллерией корпуса полковник Полецкий Сергей Иванович, скончавшийся 15 мая 1945 года.

«23.04.45 г. батальон выполнил задачу по обеспечению продвижения войск на Пиллау. В 16.00 23.04 после сильной артподготовки по боевым порядкам нашей обороны, противник перешел в контратаку. 1-я и 3-я роты заняли оборону. После двухчасового боя противник был отброшен. 1-я и 3-я ИСР истребили до 20 гитлеровцев.

Погибли мл. сержанты Шевелев и Королев, парторг батальона лейтенант Федяев».

Это строки из инженерно-оперативного донесения штаба 286-го батальона. Подобные донесения я получил и из других инженерно-саперных подразделений.

Противник в этот день предпринимал отчаянные попытки отбросить наши войска от морской крепости Пиллау. Каждый из нас хорошо понимал, наверняка понимали это и немцы, что день нашей полной победы близок. Враг бился в агонии в надежде на помощь от фюрера и «перелом в войне», что «ответственно» обещала ему геббельсовская пропаганда. А мы вынуждены были терять людей, многие из которых прошли всю войну, не раз были на шаг от смерти, но тогда она отступала от них, а сейчас вот, в преддверии победы их настигала, и ничего тут нельзя было поделать. Война не щадит ни солдата, ни генерала.

Тяжелые бои развернулись 24 апреля за опорный

пункт Нойхойзер, прикрывавший подступы к Пиллау. Противник бросил сюда танки и подразделения морской пехоты. Юго-западнее Нойхойзера, в одном километре от него, проходил третий по счету на нашем пути противотанковый ров. Когда наши войска захватили небольшой участок этого рва, я приказал комбригу 66-й перебросить туда команду саперов и устроить через ров четыре перехода. В первую очередь для гусеничного и конного транспорта, а затем один из переходов усовершенствовать для проезда автомашин.

С этой задачей успешно справились саперы 243-го батальона, сняв при подходах ко рву 250 противотанковых мин. В одном из бункеров саперы обнаружили и обезвредили фугас натяжного действия весом 150 килограммов. Ничего необычного в том, казалось бы, не было — и не такие фугасы приходилось находить и обезвреживать. Но этот был все-таки особый, с сюрпризом.

От закопанного заподлицо с полом фугаса к входной лестнице была протянута проволока. На проволоке висел кусок нового черного полотна. Стоило кому-нибудь позариться на эту тряпку или просто сдернуть ее для обзора — и взрыв был бы неминуем.

Подобного рода «сюрпризы», рассчитанные на солдатский интерес, наши саперы «разоблачали» неоднократно и хорошо научились обезвреживать их. Помнится, когда саперы 2-го взвода 3-й роты 226-го батальона под руководством лейтенанта Д. А. Малева разминировывали дорогу на участке артполигона во время штурма Кенигсберга, они увидели лежащий на земле совершенно новенький велосипед. На такой «трофей» мог бы «клюнуть» каждый. И взлетел бы вместе с велосипедом на воздух, потому что возле него была тщательно замаскирована противопехотная мина. Так же саперы лейтенанта Малева разминировали якобы брошенные гитару и гармошку.

К утру Нойхойзер был взят, и наши части на правом фланге завязали бои на подступах к Пиллау.

Накануне на НП армии, который располагался в Фишхаузене, приехал маршал Василевский. Когда он выразил свое намерение побывать у нас, К. Н. Галицкий попытался отговорить Александра Михайловича от этого шага. Несмотря на защищенность лесом и искусственной маскировкой, наблюдательный пункт постоянно обстреливался противником из орудий и минометов. Однако доброго совета командарма Василевский не послушался.

Подъезжая к Фишхаузену, он попал под мощный огневой налет. Успев вовремя выйти из машины и укрыться в ближайшем окопе, Александр Михайлович лишь по счастливой случайности остался в живых. Машину его разбило разорвавшимся рядом снарядом.

Мы все переживали случившееся, но сделать замечание маршалу за такой опрометчивый поступок, конечно же, никто не решился. Все вели себя так, словно на самом деле ничего не произошло. В том числе и сам Василевский.

Александр Михайлович ознакомился со сложившейся обстановкой и, выслушав наши соображения по поводу форсирования морского пролива Зеетиф с ходу, сказал Галицкому:

— Я бы не советовал этого делать, а вы с Григоренко решайте сами. Если получится — честь вам и хвала. Рекомендовал бы подготовиться два-три дня к форсированию пролива.

Разработку детального плана форсирования с ходу штаб инженерных войск под руководством штаба армии и во взаимодействии со штабами родов войск и служб полевого управления армии мы завершили еще накануне.

Кузьма Никитович решил не дожидаться, пока наши войска полностью овладеют городом и крепостью Пиллау, а начать форсирование одновременно со штурмом, в 16 часов 30 минут 25 апреля после получасовой артподготовки по северной оконечности косы Фрише-Нерунг.

Дороги к Пиллау после взятия Нойхойзера были по существу открыты, хотя и встречались на нашем пути многочисленные, разбросанные по лесу оборонительные сооружения, в том числе и железобетонные огневые сооружения с орудиями. По наступающим подразделениям также вели огонь орудия крепостной и полевой артиллерии с косы Фрише-Нерунг и южной окраины Пиллау.

К вечеру 25 апреля части 1-й гвардейской стрелковой дивизии вплотную подошли к крепости Пиллау. Справа от нее части 31-й дивизии завязали бой за форт «Плантаге», а 84-я дивизия, наступавшая слева, вышла в район железнодорожной станции и начала очищать городские кварталы.

В штурме форта «Плантаге» участвовали саперы гвардии сержанта Кучинского 9-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона. После первых ударов

по форту нашей артиллерии саперы Кучинского выдвинулись вперед, навели два штурмовых мостика через ров, опоясывающий форт, проделали проходы в минных полях и проволочных заграждениях и забросали амбразуры гранатами. Поднялась в атаку пехота. Гарнизон частично был уничтожен, частично пленен. Гвардии сержант Кучинский водрузил над фортом красный флаг.

1-я гвардейская дивизия генерала Толстикова продолжала штурмовать крепость, которая была возведена в начале XVIII века и позже модернизирована. Как и все форты и крепости того времени, ее окружал широкий ров с каменными отвесными стенами трехметровой глубины, заполненный водой.

Если смотреть на крепость сверху, то ее форма напоминала девятиконечную звезду. Немцы не допускали никаких излишеств даже при возведении жилых домов в Восточной Пруссии, на что я сразу же обратил внимание. Владельцы особняков еще кое-где украшали свои жилища, но обычные трех-четырёхэтажные дома производили неприятное, унылое и даже гнетущее впечатление: ровные кирпичные коробки без балконов и лоджий, стандартные прямоугольники окон, строгие подъезды. Казарма, да и только. Возможно, прусские архитекторы видели в этом особый воспитательный смысл. И толстые в два с половиной, а то и три кирпича стены этих домов қлались, думается мне, не только с целью сохранения внутреннего тепла. Наверняка учитывалась их непробиваемость артиллерийскими снарядами. Так и в случае с пиллауской крепостью. Форма девятилучевой звезды позволяла прикрывать плотным фланкирующим огнем все подходы к крепости, не давая противнику возможности поднять голову; отсутствовало так называемое мертвое пространство. Удивляться приходилось смекалке прусских фортификаторов, работавших два столетия назад.

В крепость вело три въезда с железными воротами, забаррикадованными изнутри кирпичом и бетонными блоками. В каждом из них были устроены до десятка амбразур с пулеметами. Гарнизон крепости, как выяснилось впоследствии, состоял почти из тысячи человек. Ни прямые попадания среднекалиберных авиабомб, ни крупные калибры артиллерийских снарядов не причиняли по существу никакого вреда многометровой толщины кирпичным стенам и арочным перекрытиям. Подрыв стен крепости взрывчаткой, как это было при взя-

тии ряда кенигсбергских фортов, был затруднен из-за сильного и плотного огня. Подойти к стенам было просто невозможно. Поэтому саперы принялись вязать, как во времена Суворова, фашины, заполнять ими ров, готовить мостки и лестницы.

Взять крепость ночным штурмом с ходу не удалось. Не удалась и попытка овладеть ею утром 26 апреля. На предъявленный гарнизону крепости ультиматум о немедленной капитуляции гитлеровцы ответили отказом. Генерал-майор П. Ф. Толстикова отдал приказ о новом штурме. Почти одновременно с этим на НП армии позвонил командующий фронтом маршал А. М. Василевский и сказал, что сегодня в 23 часа Москва готовится дать салют в честь гвардейцев, овладевших городом и крепостью Пиллау. Эти его слова означали, что к этому времени крепость должна быть взята при любых обстоятельствах.

Я никогда не был сторонником способов борьбы, ведущих к неоправданным потерям. Хотя и бывало, когда сложившаяся обстановка неизбежно требовала жертв. В данном же случае, на мой взгляд, взятие крепости любой ценой к двадцати трем часам не вызывалось необходимостью, поскольку на ход боевых действий крепость особого влияния не оказывала, будучи блокированной, лишенной помощи извне и находящейся под нашим артиллерийским и минометным огнем. Ее уже не могла поддержать огнем и артиллерия с косы Фрише-Нерунг, потому что тем временем наши десантные отряды, о которых я скажу позже, высадились на ее северной части и вели упорные бои за расширение плацдарма.

Видимо, в разговоре с маршалом Василевским Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин выразил неудовольствие по поводу затянувшихся боев на этом участке фронта (ведь по предварительному плану мы должны были овладеть Пиллау еще 22 апреля) и пообещал дать сегодня салют в честь гвардейцев, овладевших крепостью. Это было равносильно приказу. Что мог ответить Сталину Василевский? Конечно же, поблагодарить за доверие и заверить, что к этому времени крепость будет в наших руках. Точно так же ответил Василевскому и командарм Галицкий.

Работники политотдела армии ушли в подразделения 1-й гвардейской дивизии, чтобы сказать им о решении Верховного и поднять боевой дух солдат. В дивизию Галицкий направил и часть старших офицеров полевого

управления армии, чтобы помочь организовать штурм этой последней на нашем пути крепости.

Под стены крепости Пиллау командарм бросил все, что имелось в его резерве из боевой техники: десятки орудий крупного калибра, танки, тяжелые самоходно-артиллерийские 152-миллиметровые орудия, сравнительно недавно поступившие на вооружение армии. Вся мощь их снарядов была направлена на крепостные ворота и устроенные за ними баррикады, которые не выдержали подобного натиска и рухнули, развалились, к радости наших артиллеристов.

В наступившей темноте саперы завалили ров фашинами, досками, всем, что оказалось под рукой, и гвардейцы 1-й Московской пролетарской дивизии ринулись на последний штурм. Лишь половина гарнизона, оборонявшего крепость, осталась в живых. Остальные были уничтожены при штурме. Немало погибло и наших солдат и офицеров. А ведь ни с той, ни с другой стороны могло не быть никаких потерь, если бы гитлеровское командование гарнизоном приняло наш ультиматум и не обрекло своих солдат на совершенно бессмысленную гибель.

Теперь Пиллауский полуостров, этот полуостров смерти, был полностью очищен от противника.

Во время штурма города и морской крепости Пиллау я находился в войсках. Кроме всех прочих задач надо было обеспечить продвижение понтонных парков через боевые порядки войск. Эта задача оказалась чрезвычайно трудной. Все улицы были забиты боевой техникой — танками и артиллерией. И не только продвинуть машины с понтонами, но и пройти было невозможно.

Около бетонной стенки вдоль набережной пролива столпилось около тысячи немецких солдат. Они сложили оружие и размахивали белыми флажками. Подошел к ним, спросил: «В чем дело? Чего вы хотите?» Нашелся офицер, который на ломаном русском языке обратился ко мне: «Господин полковник, прикажите отправить нас в тыл». — «Так идите, если сдаетесь. Кто вас держит?» — «Мы боимся. Нас могут расстрелять». Подумалось — прав немец. Пока я искал солдат для конвоирования этих пленных, один наш пулеметчик открыл по немцам огонь. Немцы вынуждены были схватить каждый свое оружие и обороняться. Хорошо, я успел вмешаться, остановить перестрелку и отправить пленных под конвоем в наш тыл.

Штаб инженерных войск подсчитал, что за время этой наступательной операции с 19 по 25 апреля инженерно-саперными подразделениями армии было разминировано около 80 километров дорог, снято и обезврежено 4021 противотанковых и 1810 противопехотных мин, устроено 72 переезда через противотанковые рвы для пропуска танков, построено 14 мостов под тяжелые грузы, взорвано 28 дотов и огневых точек, разобрано в общей сложности более двух километров завалов, обезврежено 37 фугасов, засыпано 216 воронок, разминировано 18 мостов, построено 162 блиндажа для командных и наблюдательных пунктов, приведено в проезжее состояние около 65 километров дорог.

Цифры эти привожу для того, чтобы читатель мог представить, какая поистине гигантская работа была проделана инженерно-саперными частями армии всего лишь за одну неделю на территории в 45—50 квадратных километров. При этом надо учесть, что почти половина инженерных войск была задействована в штурмовых отрядах и группах, вела постоянную инженерную разведку, проводимую как специальными разведывательными подразделениями, так и отдельными группами саперов.

Десант

Такое в практике других начальников инженерных войск в период Великой Отечественной войны встречалось редко, а в моей практике — не бывало. Форсировать морской пролив Зеетиф, ширина которого достигала восьмисот метров, а в восточной почти километр — это посложнее форсирования оставшихся позади рек.

Пролив этот разделял Пиллаусский полуостров и косу Фрише-Нерунг, обстреливался расположенной на косе артиллерией противника и орудиями с его боевых кораблей и катеров. Армия не имела достаточного количества переправочных средств для форсирования водной преграды такой ширины. Тех понтонных парков, амфибий, катеров и лодок, которыми располагали понтонно-мостовая и две инженерно-саперных бригады, явно не хватало для переброски на косу нескольких дивизий с полным вооружением. В какой-то мере выручил нас сам противник. В районе гавани Пиллау 5-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Г. Б. Петерса успела захватить не-

сколько самоходных барж и большое количество различного типа лодок.

Незадолго до операции порядок форсирования мы обсуждали на НП армии. Нас было четверо: командующий армией К. Н. Галицкий, начальник штаба армии генерал-майор И. И. Леднев, недавно занявший эту должность вместо ушедшего командовать 16-м корпусом генерала И. И. Семенова, командующий артиллерией генерал-лейтенант П. С. Семенов и я.

Перед нами лежала подробная штабная карта с нанесенной на этот час боевой обстановкой, расположением войск — наших и противника.

— Главная наша задача, — говорил Галицкий, — состоит в том, чтобы упредить врага, захватить северную часть косы Фрише-Нерунг, не дать ему возможности отвести войска и боевую технику из Пиллау. Я отдал приказ нарастить удар из глубины пятой дивизией, которая находилась во втором эшелоне восьмого корпуса. Надеюсь, Петерс справится с поставленной задачей захватить гавань, не дав немцам успеть эвакуироваться. Но вот сумеет ли он с ходу начать форсирование пролива — это вопрос.

— Сумеет, — уверенно сказал Петр Сергеевич Семенов. — Если что, мои артиллеристы в любую минуту поддержат переправу огнем.

Ненаigrанный, неподдельный оптимизм так и исходил от генерала. Петр Сергеевич был человеком кипучей энергии. Ежедневно перед началом рабочего дня он проходил пешком 20 километров. А когда после войны мы оба работали в центральном аппарате Министерства обороны, то по утрам в течение часа «разминались» в манеже на Комсомольском проспекте на лошадях С. М. Буденного, который приходил посмотреть на нас. Ездить верхом он уже не мог.

— Поддержишь, если будет кого поддерживать, — заметил Галицкий и тут же перевел взгляд на Леднева, как бы ожидая, что скажет новый начальник штаба.

В этой должности Иван Иванович Леднев не был новичком. Ему осваиваться с ней не пришлось, так как до этого он работал начальником оперативного отдела штаба армии, в руках которого сосредоточивалась разработка планов всех наступательных и оборонительных операций армии.

Внешне спокойный, даже флегматичный в какой-то мере, Иван Иванович являл собой образец человека вы-

сокого долга и ответственности за порученное ему дело. В вопросах военной теории он был знатоком высочайшего класса, но эта живущая в нем «военная косточка» не мешала ему живо интересоваться искусством, литературой, точными науками, из которых он особенно любил и ценил математику и геологию. Суждения его всегда отличались смелостью и трезвостью, а оценки объективностью. Между собой мы называли Ивана Ивановича «ходячей энциклопедией».

— Потери у Петерса при взятии гавани будут минимальными, — твердо сказал Леднев, словно ему заранее был известен весь ход операции. — Немцы в районе гавани обескровлены предыдущими боями. Сейчас они думают уже не столько о сопротивлении, сколько о спасении собственной шкуры. Если Петерс поднажмет, он, думаю, успеет захватить переправочные средства вместе с их экипажами и сможет начать форсирование с ходу.

— Амфибии успеют подойти к этому времени? — повернулся ко мне командарм.

— Они идут следом за наступающими. Через десять-пятнадцать минут после взятия гавани их можно будет спустить на воду.

— Хорошо, — удовлетворенно сказал Кузьма Никитович и как-то мечтательно произнес: — Вот если бы еще авиация помогла...

И тут, легок на помине, в блиндаж вошел командующий 1-й воздушной армией генерал-полковник авиации Т. Т. Хрюкин, неожиданно для нас приехавший на НП армии.

— На ловца и зверь бежит, — обрадовался Галицкий, пожимая руку генерал-полковника. — Скажи честно, сможет авиация поддержать нас при форсировании пролива? В противном случае нам туго придется, много людей зря потеряем.

— В принципе помочь можно, — ответил Тимофей Тимофеевич. — Тяжелая бомбардировочная авиация армии может произвести 500 самолето-вылетов, но только с разрешения командующего фронтом.

— За этим, думаю, дело не станет, — Кузьма Никитович тут же связался с маршалом Василевским, доложил общую обстановку и план форсирования с ходу и попросил разрешения на дополнительные удары по врагу тяжелой бомбардировочной авиацией. По-видимому, командующий фронтом, согласившись с планом, сказал командарму, чтобы он связался с Т. Т. Хрюкиным, по-

тому что Галицкий тут же сообщил в трубку: — Он здесь у меня, товарищ маршал,— и передал трубку Хрюкину.

Переговорив с Василевским, Тимофей Тимофеевич улыбнулся:

— Считайте, все в порядке. Форсирование будет обеспечено авиацией.

В 19.00 25 апреля К. Н. Галицкий отдал приказ на форсирование.

Под первые залпы артиллерийских орудий и мощные удары по врагу тяжелых бомбардировщиков от берега отошли первые амфибии, которыми командовал капитан С. В. Гумедов. Десантом в них были гвардейцы 2-го батальона 17-го стрелкового полка капитана Панарина. Любо было смотреть, как мощные машины, вздымая буруны, на высокой скорости приближаются к берегу косы Фрише-Нерунг. Следом на лодках, катерах и баржах начали форсирование залива основные силы полка. Наша инженерная задача — немедленно начать переправу танков и орудий. Еду в район гавани. Работающим здесь саперам не хватает понтонов для сооружения паромов. Подзываю офицера: «В чем дело?» Он совершенно спокойно отвечает, что дороги забиты, машины с понтонами где-то застряли, вот и приходится ждать...

— Ждете? Ждете, когда кто-то за вас дело сделает, а в это время ваши товарищи там, на косе, погибать будут? — все во мне закипело от злости. — Берите взвод понтонеров и, если нельзя проехать, снимайте понтоны с машин и несите сюда на руках. Даю полтора часа сроку. Не будет понтонов — самолично доставлю в трибунал как саботажника!

В исключительных случаях приходилось действовать и такими методами. Иначе из-за нерасторопности одного можно было потерять сотни бойцов. Жестокая сама по себе война требовала строжайшей дисциплины и исполнительности.

Через час двадцать минут понтоны были доставлены, а еще через полчаса на собранные паромы взошли танки и поплыли к вражескому берегу.

На землю опускалась ночь. Пролив озарялся осветительными ракетами, всполохами залпов орудий с той и с другой стороны, вогнутыми линиями трассирующих пуль и пожарами, вспыхнувшими на катерах, лодках и баржах.

На косе Фрише-Нерунг шла ожесточенная борьба за каждый метр земли. Как и Пиллаусский полуостров, ко-

са была напшигована инженерными оборонительными сооружениями, прорезана траншеями и противотанковыми рвами, заполнена минометными и артиллерийскими батареями, минными полями, обмотана спиральями «бруно» и уставлена проволочными заграждениями. Кроме этого, ее охранял крепостной форт, возведенный в северо-западном районе, доты и дзоты вдоль берега и боевые корабли, стоявшие частью в самом проливе, а частью на морском рейде.

На инженерные войска возлагалась ответственность обеспечить переправу плавсредствами, что было не простым делом. Единственное шоссе на Пиллау было до предела загромождено всевозможным транспортом, военной техникой и колоннами воинских частей. Приходилось вмешиваться, вступать в переговоры, ругаться, грозить, но пока все шло по плану. Несмотря на непогоду, сильный, поднимающий высокую волну ветер и мелкий дождь, глубокой ночью подразделения 5-й гвардейской стрелковой дивизии переправились на вражеский берег и захватили плацдарм в северо-восточной части косы.

В три часа утра 26 апреля приступили к переправе через пролив части 84-й, а в шесть часов — 31-й дивизий. Амфибии — «чудо» тогдашнего времени — челноками сновали от берега к берегу, увертываясь от рвущихся в воде снарядов, прячась в тумане дымовой завесы, своевременно поставленной химической службой армии. Паромы, собранные из понтонов с деревянными настилами, медленно и грузно покачиваясь на волнах, несли на себе тяжелые танки и самоходные орудия. А на косе все жестче разгорался бой. Саперы готовили проходы для приближающихся к захваченному плацдарму танков.

Устройство первого переезда через противотанковый ров, пересекающий косу, выпало на долю взвода старшего лейтенанта Торгова. Плацдарм по ту сторону рва был совсем крохотный, пехота с трудом отбивалась от яростных контратак гитлеровцев и не в состоянии была оградить саперов от огня противника. А переезд нужен был сейчас, немедленно, потому что паромы с танками уже подходили к берегу, и малейшая их задержка могла привести к тому, что они станут для врага удобной неподвижной мишенью.

— Ребятки, поднажмем, ребятки! — старший лейтенант сам первым брался за брус, и саперы подхватывали его, тянули, перекидывали через ров и возвращались за следующим.

Падали саперы под градом пуль и осколков, товарищи оттаскивали раненых в укрытие и вставали на их место. Когда переезд был готов и первый танк сполз с подошедшего к берегу парома и, включив полную скорость, пошел на гитлеровцев, Торгов облегченно вздохнул и обвел усталым потухшим взглядом сгрудившихся возле него саперов. В живых и невредимых от его взвода осталось всего пять человек, и неизвестно было еще, кто из них доживет до победного дня.

А на другом участке косы в схватку с гитлеровцами вступили саперы третьей роты гвардии капитана Финаева из 11-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона. Пять дней до этого часа они тренировались на специальном учебном полигоне, чтобы четко выполнить задачу по обеспечению пропуска пехоты через инженерные заграждения. Сразу после высадки они должны были заминировать и взорвать идущую по косе дорогу, устроить на ней завалы, чтобы танки и самоходки противника не смогли помешать высадке наших подразделений, затем подорвать захваченные огневые точки врага и закрепиться на местности, приспособив ее к обороне.

В час ночи 26 апреля рота капитана Финаева в составе десантного отряда 83-й гвардейской дивизии погрузилась на катера, взяв с собой полтонны взрывчатки, около трехсот противотанковых мин, двести зажигательных трубок, кошки, щупы, топоры, ножницы, пилы и лопаты.

Незамеченными подойти к вражескому берегу не удалось. Вокруг катеров вздыбливалась вода от разрывов снарядов, чиркали в темноте ночи пули и осколки. На катера налетели шесть самоходных барж противника. Один из катеров-тральщиков затонул. Погиб экипаж и 27 десантников. На втором катере, где находилась радиостанция, поддерживавшая связь со штабом армии, вспыхнул пожар. Но тут подоспели наши торпедные катера. Две или три баржи были потоплены, остальные, развернувшись, ушли в открытое море.

Мель и волны не позволили катерам подойти вплотную к берегу. Саперы первыми прыгнули в воду и завязали бой с гитлеровцами. Им на помощь подоспели десантники. Более сотни солдат и офицеров противника были уничтожены в этой короткой схватке. Саперы капитана Финаева проделали проходы в минных полях и проволочных заграждениях и пропустили через них де-

сантников, которые захватили первую траншею. После этого саперы сняли с катера взрывчатку, мины, остальное свое снаряжение и приступили к выполнению основной задачи.

Если протяженность косы в длину составляла 60 километров, то в ширину она колебалась от трехсот метров до двух километров... На таком узком фронте не развернешься. Поэтому отдельные опорные узлы саперы блокировали, чтобы избежать лишних потерь, и выжидали, когда гитлеровцы сами сдадутся на милость победителя.

К полудню 26 апреля гвардейцы 5-й дивизии штурмом взяли опорный пункт Нойтиф, а к вечеру дивизии 8-го корпуса по существу полностью очистили северное побережье косы Фрише-Нерунг, что дало возможность тотчас приступить к наводке через пролив понтонного моста.

Штаб 9-й понтонно-мостовой бригады, которой командовал подполковник В. П. Коржев, заранее разработал проект этого моста, длина которого составляла около пятисот метров. Наплавного парка не хватало, поэтому пришлось комбинировать, состыковывая наплавной с деревянным мостовым парком и даже трофейными понтонами. Всю ночь работали саперы, впервые сооружая такой длины мост, и уже утром следующего дня по нему пошли военные грузы и пехота.

Ожесточенные бои на косе продолжались.

«Как ни ясен был конец фашистской Германии и ее вооруженных сил,— писал К. Н. Галицкий,— вражеские войска все еще продолжали упорно сопротивляться. Надеясь на какое-то «чудо», на разлад в антифашистском лагере, немецко-фашистское командование требовало от своих войск защищать каждую пядь территории на косе Фрише-Нерунг...

Каждого пленного мы брали в упорном бою. Драконовские меры, принятые Гитлером заочно по отношению к генералу Ляшу и всем остальным, сдавшимся в плен в Кенигсберге, заставляли немцев, опасавшихся репрессий, драться до конца».

Приказ командующего фронтом маршала А. М. Василевского предписывал войскам 11-й гвардейской армии продолжать наступление до участка леса с надписью «Кальберг» и в ночь на первое мая передать рубежи частям 48-й армии.

Там, в районе Бранд-Хайдшер, где в 5 часов 1 мая

соединения 16-го гвардейского стрелкового корпуса были сменены дивизиями 48-й армии, и закончилась Пиллауская операция, а вместе с ней и боевые действия войск 11-й гвардейской армии и Великой Отечественной войне.

После победы

Отгремела Великая Отечественная война, но мир на земле еще не наступил. В одну из ночей нас вызвал к себе командарм и предупредил о предполагающейся передислокации армии на советско-японский фронт, о чем ему по телефону из Москвы сообщил маршал А. М. Василевский. Мы начали готовить войска к передислокации. Через несколько дней однако подготовка была отменена. Участие армии в войне с Японией не потребовалось.

Инженерные же войска 11-й гвардейской армии продолжали «наступать». Кенигсберг лежал в руинах, по городским дорогам ни проехать, ни пройти. Мосты через реку Прегель и ее притоки разрушены. На территории Восточной Пруссии были размещены военные арсеналы — авиабомбы, снаряды, взрывчатые вещества, мины, стрелковое снаряжение. На больших площадях разбросаны взрывоопасные боеприпасы, во многих местах остались фугасы, мины поля, на которых подрывались люди и техника. Напряженная ратно-трудовая жизнь саперов армии продолжалась с неменьшей интенсивностью и опасностью.

Я со своим штабом разработал план расположения инженерных соединений и частей, а также планы работ по восстановлению разрушенного города. С К. Н. Галицким мы объехали и обошли Кенигсберг и определили первоочередные задачи. Штаб армии решено было разместить в здании, где ныне находится Калининградский обком КПСС. Под Дом офицеров подобрали бывшее училище «благородных девиц», где он располагается до сих пор.

Очень долго ходил я вокруг изрядно разрушенного здания городского театра. К сожалению, для его восстановления не было никаких материальных ресурсов. Решили переоборудовать под театр хорошо сохранившуюся немецкую радиостанцию. Работами руководил опытный инженер-архитектор майор В. А. Беляков. Че-

рез месяц состоялось торжественное открытие театра, и был дан первый концерт. Военный совет армии поблагодарил саперов за этот подарок военнослужащим и их приехавшим семьям. Все функции органов Советской власти вплоть до регистрации актов гражданского состояния (рождение, смерть и т. д.) вынуждены были тогда выполнять воинские организации.

Подобранное нами здание под штаб армии в средней выступающей части было разрушено авиабомбой. Его восстановление поручили самому боевому армейскому инженерно-саперному батальону, которым командовал майор Г. И. Богущ. Работы были сделаны на «отлично». Все управление теперь уже Особого военного округа разместились в нем великолепно. Кстати, еще при осмотре К. Н. Галицкий сказал: «Наверняка будущий обком партии отберет у нас это здание, а пока мы здесь поблаженствуем». Так оно и случилось. Правда, Галицкий обставил дело так, что обком получил его как бы в качестве армейского подарка.

Восстановление и строительство новых мостов через Прегель, его притоки и протоки вели понтонные бригады и 21-е управление оборонительного строительства (начальник полковник Маклецов А. А.) Помню, как с инженерной точки зрения оригинально восстанавливался металлический автодорожный мост. Элементы строения моста были подняты со дна реки. Подъем верхнего строения моста осуществили четырьмя двухсоттонными домкратами, найденными на бывших предприятиях Кенигсберга.

В инженерных войсках служило много опытных инженеров-строителей и архитекторов. Надо было видеть, с какой радостной самоотверженностью, недосыпая, как и на войне, восстанавливали они и строили не только военные городки и казармы, но и здания, предназначавшиеся для жилья и самых мирных организаций.

Постепенно начали прибывать и укомплектовываться областные, городские, районные партийные и советские органы. Нам, военным, стало легче — снимались несвойственные обязанности и функции.

Еще в процессе ознакомления с городом и принятием решения о размещении армейских частей и организаций К. Н. Галицкий высказал мысль о необходимости увековечить память павших при штурме Кенигсберга. Мы с ним вдвоем выбрали место для будущего памятника, и командарм поручил его строительство дорожным вой-

скам под моим «шефством». Большую помощь в проектировании и обеспечении необходимыми материалами нам оказал тогдашний Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Юстас Палецкис. При его же содействии на предприятиях республики были изготовлены металлические скульптуры. Нередко он приезжал сюда, а ходом строительства интересовался постоянно.

В моем присутствии Галицкий позвонил командиру 43-й армии генерал-полковнику А. П. Белобородову и предложил принять участие в сооружении памятника. Афанасий Павлантьевич ответил отказом, сказав, что по его мнению время памятников еще не пришло. А позже, при встрече со мной в Москве, Белобородов выразил недовольство тем, что мы с Галицким, дескать, ему такого предложения не высказывали. Что делать — память человеческая несовершенна и не все сохраняет в себе.

Однажды от К. Н. Галицкого последовал тревожный телефонный звонок. Строящийся памятник дал крен и может рухнуть. Я возвратился из войск, осмотрел стройку и установил, что грунты под фундаментом по несущей способности неравномерны. Наиболее слабая часть дала просадку и стела накренилась. Пришлось часть стелы разобрать, поднять домкратами осевший фундамент, подвести железобетонную подушку и таким образом обеспечить надежную устойчивость памятника.

Сейчас памятник 1200 гвардейцам, этот мемориал Памяти, стал местом постоянного паломничества как жителей города, так и многочисленных экскурсантов. Возле него даются клятвы верности, проводятся торжественные митинги, к его подножию возлагают цветы новобрачные.

Вспоминается история возникновения Светлогорского центрального военного санатория. Бывший курортный городок Раушен был занят советскими войсками без боя и потому сохранился. Военный совет армии распределил часть дач между руководящим составом армии. Правда, отдыхать на этих дачах удавалось редко, только по воскресеньям, да и то не всегда. Несколько раз К. Н. Галицкий приглашал нас, ближайших помощников, к себе на обед. На одной из таких непринужденных встреч мне пришла мысль о целесообразности организации здесь дома отдыха для офицерского состава. Мою идею энергично поддержал член Военного совета П. Н. Куликов, человек, не обладавший высоким интеллектом, но одаренный природной мудростью, он умел видеть главное, не отвлекаясь на мелочи. Галицкий же

вначале отнесся к идее прохладно, но потом и он загорелся ею. Организация дома отдыха была поручена начальнику медицинской службы армии полковнику В. И. Потапову. А теперь в Светлогорске создан санаторий Министерства обороны СССР, в который приезжают лечиться генералы и офицеры Советской Армии.

Хочется рассказать и о таком случае...

В апреле 1946 года К. Н. Галицкий пригласил П. С. Семенова и меня поехать на отдых в Сочи. Полетели своим самолетом. Исполняющим обязанности командарма остался заместитель командующего генерал-майор А. А. Борейко. Отдых близился к концу, когда позвонил Борейко и доложил Галицкому об обильном снегопаде и предполагающейся в связи с этим небывалом паводке. Возникла опасность сноса высоководного деревянного моста через реку Неман в г. Тильзит (ныне Советск), построенного инженерными войсками армии по всем техническим нормам и условиям. Я тотчас вылетел в Калининград, а затем в Советск. Обстановка и впрямь сложилась крайне напряженной. Пришлось мобилизовать артиллерию и авиацию для разрушения ледяных заторов небывалых здесь объемов. Однако борьбу с ледяными тросами мы начали слишком поздно. На моих глазах под напором ледяных масс мост рухнул как игрушечный. Методами статики сооружений мы рассчитали, что такого напора льда не выдержал бы и металлический мост. Впоследствии железнодорожниками был построен с учетом нашего печального опыта мост, который стоит по сей день.

Вскоре после этого случая пришло время прощания с однополчанами — меня послали на Высшие академические курсы при Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева.

Нелегким было расставание с настоящими друзьями и товарищами. И считаю уместным сказать в их адрес несколько добрых слов.

Штаб инженерных войск армии был укомплектован специалистами высокой квалификации. Среди них были полковник Александр Иванович Степанов, отозванный на преподавательскую работу в военную академию, и сменивший его полковник Николай Павлович Нетемин (после войны — генерал-майор, преподаватель Высшей военной академии имени М. В. Фрунзе). Особо следует отметить подвижническую деятельность офицеров и служащих штаба — майора Сергея Павловича Зензерова,

пунктуального, высокозрудированного инженера; эмоционального, увлекающегося, находчивого и смелого подполковника Константина Евтихиевича Мартынова, подполковника Николая Александровича Буданцева, инициативного, энергичного и коммуникабельного офицера; единственную в штабе машинистку Веру Федоровну Севастьянову, работающую фактически круглосуточно и высококвалифицированно.

Хорошо были подобраны и подготовлены офицерские кадры корпусов и дивизий. Я благодарен судьбе, что довелось вместе пройти тяжелыми дорогами войны с такими отважными и опытными в инженерном деле людьми, как Герой Советского Союза Евгений Юлианович Гласко, Герой Советского Союза капитан (впоследствии полковник) Михаил Тимофеевич Фальмонов, Герой Советского Союза Николай Федорович Семенов, подполковник Валерьян Алексеевич Маргания (после войны — заместитель министра в Грузинской ССР), майор Георгий Иванович Богуш, Сергей Георгиевич Змеул (после войны — первый заместитель Председателя Госгражданстроя СССР), подполковник Александр Михайлович Жирнинин, подполковник Павел Степанович Фролов, майор Олег Евгеньевич Замотин, полковник Леонид Павлович Ледин, подполковник Николай Михайлович Дмитриевич, подполковник Малкин и многие другие.

Некоторых из них уже нет в живых. Все они, как и подчиненные им саперы, с честью и достоинством выполнили свой патриотический и интернациональный долг. Низкий им земной поклон!

Дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза
А. М. Василевский

Дважды Герой Советского Союза, генерал армии
И. Д. Черняховский

Дважды Герой Советского Союза
Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян

Герой Советского Союза генерал армии К. Н. Галицкий

Член Военного совета 11-й армии генерал-майор П. Н. Куликов

**Начальник химической
службы 11-й гв. армии
полковник А. В. Круглов**

**Начальник штаба
инженерных войск
11-й гв. армии
полковник
А. И. Степанов**

**Начальник
инженерных войск
3-й ударной армии
генерал-майор
В. И. Зверев**

**Герой Советского
Союза подполковник
Е. Ю. Гласко**

Помощник
начальника штаба
инженерных войск
3-й ударной армии
капитан Г. А. Кобиков

Заместитель командира
7-й инженерно-саперной
бригады майор
М. И. Мельничук

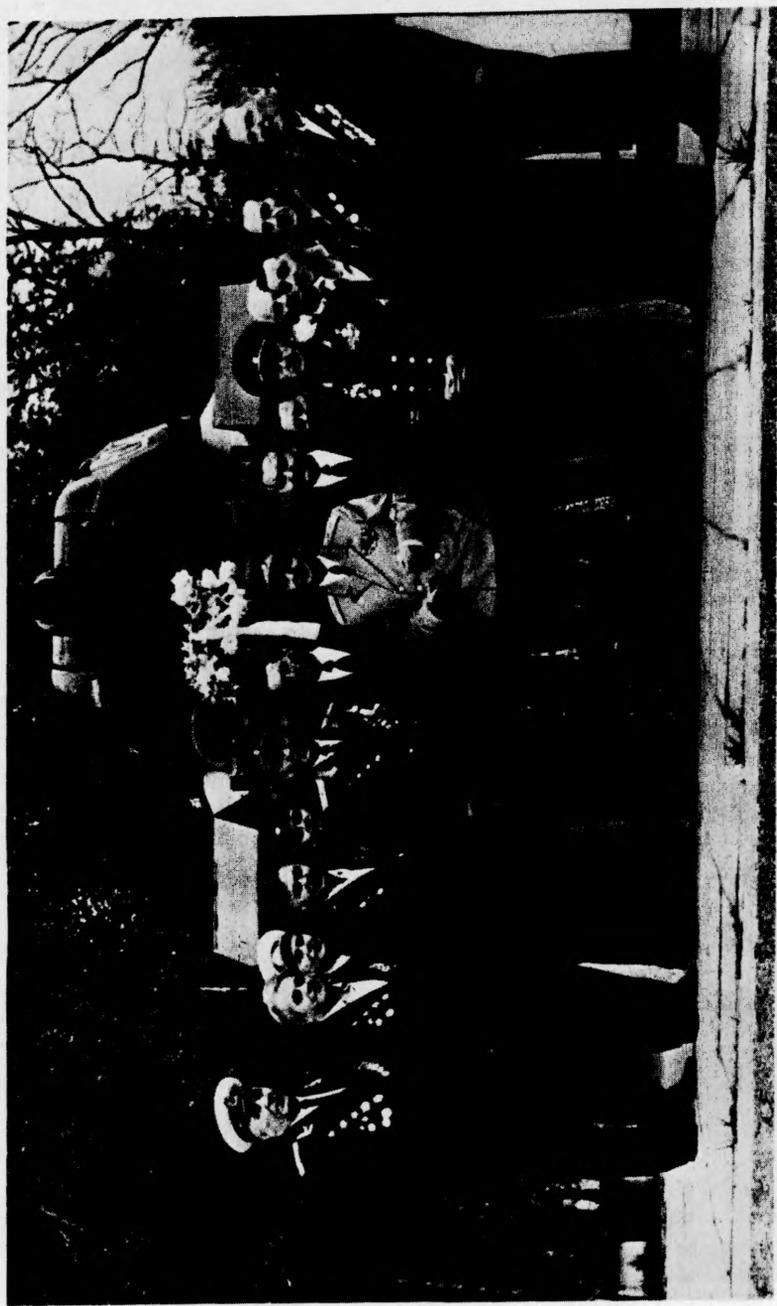
Заместитель командующего войсками — начальник инженерных войск 11-й гв. армии гвардии полковник М. Г. Григоренко вручает боевое Красное знамя командиру 60-й инженерно-саперной бригады подполковнику Черепанову.

Подполковник Е. Ю. Гласко и рядовой саперного батальона М. Н. Гласко (сидят) со своими однополчанами.

Командир инженерно-саперного батальона майор Н. Г. Кумсишвили и батальонный комиссар В. И. Ващенко

В год 30-летия Победы собрались в Калининграде ветераны 11-й гв. армии и посетили священные места.

Коротко о себе

Родословную свою знаю плохо. Лишь мельком видел в детстве деда по отцу и деда по матери. Первый помнится коренастым мужиком крепкого телосложения с черной окладистой бородой. Суровый и властный. Когда он бил свою жену, она голосила. Когда же не бил ее, тоже голосила: разлюбил! Тогда принято было избивать жен как свидетельство любви.

Дед по материнской линии, Яков Игнатьевич Целуйко, по складу характера, наоборот, был тихим, добрым, улыбающимся. Высокий, худой, с узкой бородкой. Его жена умерла, оставив шесть дочерей и одного сына. Тяжко ему приходилось, и одну из дочерей, мою мать Феклу, он отдал в приемные дочери крестьянину соседнего села Дмитрию Маркиановичу Головку, занимавшемуся извозом, — доставкой на собственной паре лошадей почты и домашнего имущества жителей села Алексеевка.

Дед дал моему отцу двухклассное образование в сельской школе, а так как в селе более грамотных не было, то отца назначили волостным писарем в с. Алексеевке. Он рано приобщился к революционной деятельности, часто разъезжал по заданиям организации РСДРП, и мы видели его редко.

Мать грамоте научилась позже, от детей, — писала и читала. Отличалась исключительным трудолюбием, аккуратностью, чистоплотностью и обязательностью.

Мне было пять лет, когда я уже начал работать со взрослыми. На всю жизнь запомнилась полка льна, как самая трудоемкая работа. От зари до темна вырывали, согнувшись, сорняк из льяных посевов. Поясница к вечеру болела так, словно ее пытались перерезать тупой пилой. Несколько часов сна — и вновь за работу.

В семье было пятеро детей, из них одна девочка. Вся тяжесть воспитания легла на плечи матери. Она при-

вивала нам честность, доброту, вежливость, благородство. Один из братьев в двенадцатилетнем возрасте во время игры упал с крыши, сломал руку, никому не сказал, а позже врачам спасти его не удалось. Он умер от заражения крови. Остальные трое детей получили высшее, а один — среднее образование.

Учиться я начал рано. Поначалу меня в школу не приняли по малолетству, а учиться я очень хотел. Тогда отец каким-то образом через ЗАГС «добавил» мне два с лишним года, и меня приняли в первый класс. Так и живу с «добавкой». Учился я везде на «отлично», но с перерывами, потому что при наступлении Деникина пришлось эвакуироваться в Оренбургскую область, а затем возвращаться обратно.

Еще до эвакуации отец организовал коммуну на базе имений помещиков Струкова и Неширова, где я развешивал коммунарам хлеб, а по возвращении — поселок коммунар, который и поныне носит его имя — Георгиевск. Умер он рано, в возрасте 42 лет. Маму же я похоронил недавно. Она немного не дожила до ста лет.

Об учебе в Харьковском инженерно-строительном институте и последующей за тем работе я рассказал в начале этой книги.

В комсомол я вступил еще в 1923 году школьником. Задачи у нас тогда были другие, нежели у сегодняшних членов ячеек: главное — агитация за Советскую власть, «политический момент». Диспуты, собрания, выступления синемблузников — все это кипело в клубах, библиотеках. Но были и более ответственные поручения. Помню, семнадцатилетним парнем я впервые в качестве чоновца (части особого назначения) заступил на пост по охране продовольственного склада на окраине Старобельска, где я тогда жил. В те годы бесчинствовали бандитские элементы, недобитая контра. И вот мы, комсомольцы, по мере сил помогали в борьбе с ними. Страшновато было одному в карауле, но стоял со всей бдительностью. Тогда уже комсомол закладывал в нас те качества советского гражданина, которые впоследствии во всю силу проявились и на стройках пятилеток, и на фронтах Великой Отечественной войны.

С 1947 года после окончания Высших академических курсов при Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева и до 1971 года служил в Центральном аппарате Министерства обороны СССР в должностях главного инженера и начальника Главного управления. После ухо-

да в отставку в 1971 году и по настоящее время работаю.

Мне приходилось общаться с видными деятелями наших Вооруженных Сил, Советского государства при самых разных обстоятельствах. Неизгладимый след в моей жизни оставили встречи, сотрудничество с учеными, конструкторами-разработчиками, с которыми с первых шагов установились деловые, полные взаимного понимания отношения участников одного большого дела — строительства космодрома Байконур, когда мы шли непроторенными путями, а объемы строительно-монтажных работ исчислялись астрономическими цифрами. Тогда-то мне и выпало большое счастье сотрудничать с академиком Сергеем Павловичем Королевым, которого отличало не только поистине гениальное научное предвидение, но и редкостная способность находить рациональное зерно в каждом высказанном мнении, питать уважение к каждому из участников начатого дела.

Мне всю жизнь везло на преподавателей, начальников и коллективы, которыми довелось руководить. Учителя начальной и профтехнической школы воспитывали нас в духе трудолюбия, справедливости, благородства. С тех еще пор я возненавидел ложь и лень, а злейшими моими врагами стали непорядочность и подлость. С этим я боролся всю жизнь. Добросовестных людей никакому начальству в обиду не давал. Сложилось так, что я всегда был лидером, начиная с 6-го класса семилетней школы, когда меня избрали председателем старостата школы — была такая форма организации самоуправления учащихся. Уже тогда приходилось вступать в разногласия с директором школы А. Г. Гримайло. Затем всю жизнь на руководящих постах: главный инженер, командир, начальник. Выработалась высокая требовательность как по отношению к себе, так и к подчиненным. И, как мне кажется, педагогический стиль, в основу которого я превыше всего ставлю Справедливость и Честность.

В детстве и юношестве много читал. Все, что попадалось. Помню, прочел по ночам на чердаке при свете горящей лучины книгу в 800 страниц под названием «Масоны». Перечел и всех, пожалуй, классиков русской, украинской и советской литературы. Из книг лишь почерпнул кое-какие знания по истории, которую знаю плохо. Историю тогда в средней школе не проходили, так как она считалась контрреволюционным предметом.

В пятилетнем возрасте я услышал от отца слова — большевик и Ленин. С тех пор они стали для меня святыми. Позже перечитал все произведения В. И. Ленина. Многого не понял. Понял потом, в процессе трудовой и ратной деятельности. И старался жить по Ленину. Не выпрашивал ни места службы, ни должности, ни оклада, ни квартиры, ни наград. Чинов не признавал, перед умом преклонялся. Всё пришло как бы само собой.

Герой Советского Союза. Лауреат Ленинской премии. Заслуженный строитель РСФСР. Почетный гражданин городов Старобельска и Коканда. Член Краснопресненского райкома КПСС г. Москвы. Депутат Моссовета, Краснопресненского и Киевского районных советов депутатов трудящихся. Сейчас — председатель Совета ветеранов войны и военного строительства.

Поколение наше прожило трудную, но интересную жизнь. Было свидетелем и активным участником многих исторических событий. И ныне оно в строю. Нам краснеть не приходится. Наша совесть перед Родиной чиста.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Удар из волчьего логова	11
От Пруссии до Москвы	23
Седьмая инженерно-саперная	33
Новое назначение	41
Операция «Багратион»	54
Последний этап	68
«Помни, воин!»	81
Горсть земли	95
Начальник инженерных войск	102
На подступах к Кенингсбергу	115
Тяжелая утрата	139
Накануне	156
Первый день штурма	174
Второй день штурма	182
Через Прегель	192
Салют	208
Полуостров смерти	215
Десант	229
После победы	236
Коротко о себе	251